

Учредитель издания:

**Федеральное
государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального
образования
«Российская правовая академия
Министерства юстиции
Российской Федерации»**

Главный редактор:

Б. В. Россинский, д-р юрид. наук, проф.

Заместитель главного редактора:

Б. В. Яценко, д-р юрид. наук, проф.

Ответственный секретарь:

Г. А. Насимов, канд. юрид. наук, доц.

Редакционная коллегия:

В. Н. Бабенко, д-р ист. наук, проф.;

В. А. Виноградов, д-р юрид. наук, проф.;

В. А. Гейхман, канд. юрид. наук, проф.;

С. И. Герасимов, д-р юрид. наук;

А. Герлох, проф. (Чехия);

Л. Госян, проф. (Китай);

В. А. Гуреев, д-р юрид. наук, доц.;

Н. Г. Иванов, д-р юрид. наук, проф.;

М. Н. Илюшина, д-р юрид. наук, доц.;

Л. Казертано, проф. (Италия);

Б. А. Куркин, д-р юрид. наук, проф.;

А. А. Лебедева, д-р филол. наук;

Б. Н. Мальков, д-р филос. наук, проф.;

А. В. Морозов, д-р юрид. наук, проф.;

И. А. Попов, д-р юрид. наук, проф.;

О. Ю. Рыбаков, д-р юрид. наук, проф.;

С. Ю. Чашкова, канд. юрид. наук, доц.

© Вестник Российской правовой академии, 2014
Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации № 77-15470 от 20 мая 2003 г.

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов Высшей аттестационной комиссии (ВАК), публикация в которых обязательна при защите докторских и кандидатских диссертаций.

Адрес редакции:

117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

Тел./факс: 8-499-613-4754, 8-499-613-7218

E-mail: vestnik-rpa@mail.ru

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Над номером работали:

Е. В. Болотова, О. В. Спиридонова,

Е. А. Козырева, И. Е. Яковлева

Дизайн: Ю. С. Соколова

Верстка: Г. Р. Эфендиева

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Формат 60×90 1/8. Печ. л. 12,25.

Подписано к печати 05.09.2014.

Тираж 1 000 экз. Заказ № ____.

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история государства и права

Шершнева-Цитильская И. А.

Юридические аспекты
принятия христианства
в Древней Руси 3

Трудовое право и право социального обеспечения

Касьяненко Т. С.

Охрана труда при производстве
строительных работ 8

Соколова Т. В.

Дифференциация правового
регулирования трудовых
отношений научных работников 12

Сорокин Б. К.

Эволюция правового
регулирования труда работников
в области медицины
(историко-правовой аспект) 15

Цитильский В. Ф.

Правовые проблемы
ответственности сторон социального партнерства . . 20

Гражданское право и гражданский процесс, предпринимательское право

Полухина Д. М.

Узуфрукт в системе вещных
прав зарубежных государств 23

Порошкина Ю. О.

Возможности использования
медиации как альтернативного
способа разрешения
корпоративных споров
и конфликтов 27

Уголовное, уголовно-процессуальное право, криминология и криминалистика

Денисова А. В.

Правоположения как элемент
системоохраняющего механизма
в уголовном праве 32

Кучина М. С.

Криминогенные дисфункции семьи . . . 37

Насимов Г. А.

Неоконченные преступления в уголовном
законодательстве зарубежных стран . . 42

Огурцов С. А.

Невменяемость: комплексный подход . . 46

Чабукиани О. А.

Институт предъявления обвинения
нуждается в упразднении 51

Яцеленко Б. В.

Толкование уголовного закона как способ
преодоления его неопределенности . . . 55

Административное право

Бадыков Л. Ф.

Стадии назначения и исполнения
наказания в виде административного
приостановления деятельности 60

Мнацаканян А. А.

Принудительная высылка иностранных
лиц как мера административного
принуждения в Российской Федерации
и Республике Армении 65

Исполнительное право

Починалина Л. Н.

К вопросу об алиментарном содержании
несовершеннолетних детей в рамках
общего порядка уплаты
и взыскания алиментов 69

Ряховский К. Б.

Влияние административно-правового
статуса судебного пристава-исполнителя
на образ Федеральной службы
судебных приставов 73

Семейное право

Агапов С. В.

Правовая сущность брака
в Российской Федерации 77

Антикоррупционная экспертиза

Юлегина Е. И.

Организационные и координационные
полномочия Министерства юстиции
Российской Федерации в области
антикоррупционной экспертизы
нормативных правовых актов
и их проектов 82

Сокращения, принятые в издании 87

Наши авторы 88

Вышли из печати 92

Правила приема и требования,
предъявляемые к рукописям, направляемым
в редакцию журнала «Вестник Российской
правовой академии» 93

Юридические аспекты принятия христианства в Древней Руси

Juridicheskie Aspects of Adoption of Christianity in Ancient Russia

В статье анализируются исторические источники, содержащие юридические факты о принятии христианства на Руси, рассматриваются авторские концепции о статусе русской церкви в X в. Автор отмечает отсутствие специализированных юридических работ по данной проблеме, указывая, что принятие христианства в Киеве было в первую очередь актом государственно-правовым. В результате принятия христианства возникла зависимость светской власти Древнерусского государства от Византийской империи.

История государства и права России; церковь и государство; X в.

The article analyzes the historical sources that contain the legal facts of acceptance of Christianity in Russia, the author discusses the concept of the status of the Russian Church in the tenth century. The author notes the lack of specialized legal work on this issue, pointing out that the adoption of Christianity in Kiev was primarily an act of state-legal. As a result of the adoption of Christianity arose dependence secular authority of the Old Russian state from the Byzantine Empire.

History of the state and the right of Russia; church and the state; the X-th century

Ушедший в историю 2013 г. был отмечен в России, на Украине и в Белоруссии знаковым событием — празднованием 1025-летия Крещения Руси. Это событие широко отмечалось в епархиях Русской православной церкви, напоминая о единой судьбе братских народов, чья история восходит к восточному славянству. В рамках данной статьи будут рассмотрены правовые аспекты этого исторического события, которые обычно остаются за рамками юбилейного празднования либо в силу их неоднозначной интерпретации, либо в силу недостаточной исследованности.

Какова была правовая основа отношений княжеской власти и церкви в Древней Руси? На каких условиях принималось христианство?

Ответить на эти вопросы достаточно трудно, ибо любой исследователь сразу же сталкивается с проблемой достоверности исторических источников, которые могут быть положены в основу рассмотрения вопроса о правовом положении церкви в Древнерусском государстве. Задача осложнена еще и тем, что правоведы свой анализ строят на формальных доказательствах, в основе которых должны лежать бесспорные юридические факты, в то время как большинство исторических источников о Крещении Руси являются памятниками литературного творчества и им не присущ признак формальной определенности. Что же современный исследователь имеет в наличии в качестве исходных фактов для интерпретации и бесспорны ли они?

Анализ письменных источников позволяет со значительной долей достоверности говорить о том, что принятию христианства в государственном масштабе предшествовала достаточно длительная работа в древнерусских землях христианских проповедников, давшая ростки образованием христианских общин в Киеве и других городах в среде язычников. Начало распространения христианства на Руси — заслуга не княжеской власти, а рядовых проповедников, чьи имена история не сохранила. Крещения князя Владимира и его дружины, а затем киевлян, часть из которых уже была к тому времени христианской [1] — это лишь эпизод (к тому не первый) в процессе христианизации восточных славян. Такой точки зрения придерживаются иностранные источники конца X в. [2], придерживался и крупнейший авторитет в области церковной истории М. И. Голубинский [3], говоривший о том, что крещение самого Владимира — акт частный, а не государственный. По мнению М. И. Голубинского, Русь Владимир крестил будучи православным и на основании договора с «греками», т. е. с Византией. Исследователь отмечал: «...что греки предложили Владимиру и вместе потребовали от него ...это необходимо предполагать» [4].

Крещение самого князя Владимира арабские и византийские источники относят к 987 г., когда был заключен военно-политический союз Древней Руси и Византии для подавления мятежа Варды Фоки. Условием участия русских воинов было заключение брака между Владимиром и сестрой императоров Василия и Константина Анной [5]. В русских летописях тоже упоминается о таком внешнеполитическом договоре и объясняются дальнейшие действия киевского князя тем, что византийская сторона не спешила выполнять условия договора, поэтому Владимир и напал на Корсунь, принадлежавший империи, с целью принудить императора и его соправителя к исполнению договора [6]. Якобы здесь, в Корсуне, Владимиру было предъявлено еще одно условие, необходимое для заключения брака — принятие православия. При крещении Владимир был наречен Василием в честь своего приемника — императора Василия. Однако в источниках русского происхождения все не так однозначно, упоминаются и другие версии, поэтому спорен год крещения самого Владимира (987 г. или 988 г.), спорно и место крещения — Киев или Корсунь.

В научной литературе имеется и другой взгляд на события конца X в., возникший в результате критического анализа содержания русских летописных сводов. Речь идет о концепции подчинения церкви при Владимире другим архиепископиям — Охридской или Тмутараканской [7],

из чего была выведена идея об изначальной автокефалии Русской церкви.

К тому же византийцы давно обратили внимание, что столь грандиозное событие, преподнесенное в русских летописях под 988 г., как крещение Руси, почему-то игнорируют византийские хроники и письменные памятники других государств, говоря лишь о крещении самого князя Владимира, в то время как Крещение Древней Руси византийские источники датируют целым веком раньше, что наталкивает на определенные размышления о начале православия на Руси. Вместе с тем ни один автор не оспаривает подчинение Киевской митрополии Константинопольской патриархии при князе Ярославе Мудром, когда и русские летописи, наконец, упоминают о первых греках-митрополитах в Киевской митрополии.

Впрочем, для полноты картины можно упомянуть и самую «религиозную» версию — о пяти этапах крещения русских земель, начатых апостолом Андреем Первозванным, якобы посетившим южные окраины восточнославянского мира с проповедью христианства. Изобретенная еще в Средневековье, теория пятикратного крещения Руси упоминалась в трудах богословов и историков церкви и в XIX в. [8].

Таким образом, основа для юридического анализа более чем шаткая. Бесспорным можно считать разве что факт самого крещения князя Владимира и заключения между монархами Византии и Древней Руси внешнеполитического договора. В остальном приводимые средневековыми хронистами факты разнятся, тем более различна и их интерпретация в научных работах. Тем не менее заметим, что нигде не упоминается о прямом обращении Владимира при его крещении к иерархии Константинопольской церкви, а исключительно к византийской монархической власти. Опираясь именно на этот факт, и следует проводить юридический анализ сложившейся ситуации.

Господствовавшая в Византийской империи в период ее расцвета государственно-правовая доктрина заключалась в признании подданными императора всех, кто принимал православие. Следы этой доктрины обнаруживаются в различных письменных памятниках. Например, в окружном послании 867 г. патриарх Фотий писал, что руссы приняли «чистую и неподдельную веру христианскую, с любовью поставив себя в чин подданных и друзей наших» [9]. Весьма любопытно, что древнерусские письменные источники, начиная с XI в., четко отразили суть нового статуса государственной власти на Руси. Исследователи отмечают, что в большинстве случаев в литературных памятниках, актах церковного и светского законодательства столица Византии называется

Царьградом, хотя известно было и его другое название — Константинополь. Царьградом («Цесареградом») Константинополь на Руси называли потому, что он был местом нахождения цесаря (императора). Только византийского императора древнерусские источники именовали «царем» в государственно-правовом смысле и считали его выше собственного князя [10].

Иными словами, источники описывают рядовую для средневековья ситуацию, когда один суверен заключает договор с другим, скрепляя договор династическим браком. Одним из условий выступает переход Владимира и его народа в христианство с подчинением Константинопольскому патриарху. Русь навсегда отказывалась от военных походов на Царьград и посылала ко двору императора отряд «варангов», составлявших императорскую гвардию — шесть тысяч воинов, что подтверждают авторитетные византийские авторы (Пселл, Скилица-Кедрин, Зонара) [11].

Однако ни русские летописи, ни иные источники не приводят текст договора, пересказывая только его отдельные положения. Почему? Может быть, потому, что он был личной унией между монархами, и они его не фиксировали в письменном виде. Это объяснение вполне возможно, ибо личные унии, как и вассальные договоры, действительно не всегда закреплялись в письменном виде, а заключались в устной форме. То, что такой порядок заключения договоров был возможен с точки зрения древнерусского права сомнений не вызывает, но вряд ли это допустимо для византийского права, активно использовавшего письменную фиксацию прав и обязанностей, тем более если это касалось межгосударственных отношений. Византийские императоры хорошо знали, сколь легковесна в международных отношениях устная договоренность, от которой можно в любой момент отказаться. Впрочем, может быть, именно такое юридически неопределенное положение и устраивало императорскую власть Византии. И здесь уместно вспомнить наставления дедушки императора Василия II Константина Багрянородного, который в трактате «Об управлении империей» писал сыну Роману II о неравенстве власти императора и архонтов варварских народов и невозможности заключения династических браков архонтов «северных народов» и багрянородных принцесс императорского византийского дома [12].

Для Руси переход в христианство Владимира и его дружины, действительно являлся делом важным и ключевым, ибо ведь и до него в православие переходили и князья, правившие до Рюрикovichей, и княгиня Ольга, но их крещение не влекло за собой заключение династических браков.

Такой шаг по международным обычаям раннего Средневековья скреплял личную унию, тем более когда такого рода брак заключался между императорским домом и отнюдь не равным ему по иерархии княжеским родом.

Важным штрихом в данном случае является факт обращения князя не к патриарху как главе церкви, а к императору как верховному правителю православной империи. Русские канонисты XIX–XX вв. отстаивали тезис о том, что Константинопольский патриархат принимал в лоно православной церкви другой народ, находящийся в пределах другого государства, тем самым пытаясь доказать наличие зависимости исключительно от византийской церкви, а не от византийского императора [13]. Представляется, что к реальным событиям эта версия имеет отдаленное отношение. Почему исследователи не ставят договор Владимира с верховной властью Византии в один ряд с русско-византийскими договорами периода Древней Руси, полагая, что последний договор был заключен в 971 г. императором Цимисхием и князем Святославом [14]?

Такой взгляд отнюдь не случаен, он порожден представлением о том, что принятие христианства юридически являлось лишь актом религиозного характера, а не государственно-правового. Вместе с тем, очевидно, что новый договор содержал определенные обязательства со стороны княжеской власти, и она в определенной степени ставила себя под контроль не только церковной, но и светской власти Византии, как это уже было с той же Болгарией при принятии православия. О наличии зависимости князей киевских от византийских императоров в дореволюционной историографии мнения разделились. М. А. Дьяконов, В. Г. Васильевский говорили о вассальной зависимости русских князей от Византии [15], П. Ф. Николаевский, а вслед за ним и Н. М. Никольский, разделяя указанную точку зрения, утверждали о финансовом подчинении Киевской митрополии константинопольскому патриархату [16]. М. И. Голубинский видел в этих отношениях личную унию [17]. Советские авторы, например Я. Н. Шапов, свидетельствовали о равноправном военно-политическом союзе [18]. Идея вассальной зависимости Древнерусского государства от Византии нашла широкий отклик у зарубежных исследователей, развивавших эту мысль российских авторов в XX в. [19]. Впрочем, были высказаны суждения о вовлечении Древней Руси в сообщество христианских государств во главе с империей [20].

Насколько эти точки зрения обоснованы? Думается, что обоснование их недостаточно из-за отсутствия более широкого круга источников, вследствие чего все эти суждения не более чем

научные гипотезы. Одно несомненно: обоснование юридической природы возникших отношений следует искать в треугольнике взаимосвязей византийского императора, константинопольского патриарха и древнерусского князя.

Хотелось бы сразу же оспорить точку зрения о вассальной зависимости Руси от Византии, не потому, что зависимости не было, а потому, что эта интерпретация представляет собой экстраполяцию западноевропейского типа феодальных отношений на византийско-русские связи X–XII вв. Вассально-ленные отношения Древней Руси не были знакомы, вследствие отсутствия зрелого феодализма. В тоже время тип отношений Византии с ее окраинами также не может быть приравнен к форме сюзеренитета-вассалитета хотя бы потому, что здесь четко разделяли должность императора и личность на троне, а сходных форм службы императору, которые бы нуждались в возникновении долговременных вассальных отношений, тоже не наблюдалось. В древнерусских письменных источниках нет упоминаний о прямой вассальной зависимости от императора. Однако такого рода представления распространяются на Руси в период раздробленности, когда русские княжества попадают в зависимость от хана Золотой Орды. В этих условиях русские князья были скорее вынуждены указывать на более высокого покровителя — византийского императора в противостоянии с ханами, ведь с 1261 г. Византийская империя восстает из пепла и династия Палеологов причисляет к своим подданным и русских наряду с другими православными народами. Такого рода представления о своем статусе поддерживают и русские князья, которые предпочитают в международных отношениях называть себя «кравчими императора» Византии [21], нежели вассалами золотоордынского хана.

Вызывает сомнение и концепция равного военно-политического союза. От традиции, восходящей к работам дореволюционных канонистов, в российской науке сложилось неверное представление о соотношении власти византийского императора и патриарха: якобы особенностью правовых отношений церкви и государства в Византии было отсутствие четкого разграничения сфер власти светской и духовной. Думается, что это представление ложное, поскольку в период крещения Руси Владимиром в Византии уже сложились достаточно четкие представления о месте и роли церкви в государстве, а сферы политической власти патриарха и императора были строго очерчены. Так, императору принадлежало право созыва вселенских соборов, утверждение кандидатуры патриарха, в свою очередь, патриарх венчал на царство императора; государственные законы

санкционировались церковью, а каноны становились частью церковного законодательства. Вместе с тем авторитет императора был выше патриарха, действовавшего в силу распоряжений императора. Совершенно четко прослеживается подчинение церкви государству при объединении их в единый государственный механизм. Патриарх и высшее духовенство в Византии находились на государственной службе, получая чины и звания. В. Л. Янин при опубликовании актов печатей Древней Руси указывал на то, что печати митрополитов-греков, возглавлявших Киевскую митрополию, содержали их чин в иерархии чинов и званий византийской государственной или придворной службы [22].

Отсюда следует, что принятие православного христианства означало подчинение государственной власти на Руси не только патриарху и не только в вопросах религиозного характера, но и императору. Подтверждением тому является распространение на Руси и других южнославянских странах, принявших христианство, Кормчих книг, представлявших собой не только систематизацию канонического права, но и светского законодательства Византийской империи.

В силу канонических правил сначала древнерусские князья, а затем великие московские князья ставились под духовную опеку митрополита, назначавшегося константинопольским патриархом в совете с византийским императором. Церковь получала по княжеским уставам широкие иммунитетные права в русских землях. Церковь имела собственное право и своего главу, имеющего права суда над русскими князьями. При богослужениях в первую очередь поминался византийский император, затем патриарх и митрополит и в последнюю очередь — местный князь. В условиях сословного феодального общества указанный порядок означал признание юридического верховенства византийского императора над местным монархом. Остатки такого положения сохранились и в московскую эпоху. Как отмечал Р. Г. Скрынников, даже в XIV в. московских великих князей титуловали стольниками византийского царя, что соответствовало византийской доктрине главенства византийского императора в православном мире [23].

Обычно утверждают, что на Руси с момента введения христианства была воспринята доктрина «симфонии властей». С этой точкой зрения вряд ли можно согласиться, поскольку «симфония» предполагает все же наличие самостоятельных глав светской и духовной власти. Однако русская церковь достаточно длительный период являлась митрополичьим округом Константинопольского патриархата и не могла проводить самостоятельную

политику. Правда, отношения государственной власти и церкви на Руси значительно отличались от византийского варианта, ведь государственная власть возникла здесь задолго до принятия христианства и передавалась, в отличие от Византии, независимо от позиции митрополита и архиепископов.

Таким образом, подводя итог размышлениям о юридических аспектах событий 987–988 гг., следует указать на то, что проблемы правовых отношений Древнерусского государства и Византийской империи после крещения Киева как центра госу-

дарства и распространения христианства на Руси изучены в научных исследованиях недостаточно. Суть их долгое время рассматривалась то как исключительно церковное подчинение Константинопольской патриархии, то как равноправный союз двух государств. Вместе с тем ряд фактов не соответствует этим точкам зрения, а указывает на определенную степень подчинения Древнерусского государства Византийской империи, юридическая суть которой пока еще точно не установлена. Данная статья является только попыткой обобщить имеющиеся походы и дать им юридический анализ.

1. См., напр.: ПСРА. СПб., 1868. Т. 1. Стб. 17–22. Т. 2. Стб. 15–16; *Повесть временных лет* / под ред. А. А. Шахматова. Петроград, 1916. Т. 1. С. 45, 236.
2. См.: Хордадбех Ибн. *Книга путей и стран* / пер. Н. Велихановой. Баку, 1986. С. 124.
3. См.: Голубинский М. И. *История русской церкви*. М., 1880. Т. 1. С. 114.
4. Там же. С. 227.
5. См.: О событиях 986–989 гг. повествует арабский автор Яхья Антиохийский (см.: Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. *Христианство: Античность, Византия, Древняя Русь*. Л., 1988. С. 240).
6. См.: ПВА. Ч. 1. С. 274–276.
7. См.: Приселков М. Д. *Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв.* СПб., 1913. С. 36; Vernadsky G. *Political and Diplomatic History of Russia*. Boston, 1936. P. 48; Карташев А. В. *Очерки по истории Русской Церкви*. Т. 1. М., 1991. С. 54.
8. См., напр.: Макарий (Булгаков М. П.) *История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской Церкви*. СПб., 1868. С. 143–144; Шпаков А. Я. *Государство и церковь в их взаимоотношениях в Московском государстве*. Ч. 1. Одесса, 1912. С. 5.
9. Цит. по: Левченко М. В. *Очерки по истории русско-византийских отношений*. М., 1956. С. 77.
10. См.: Емченко Е. Б. «Царствующий град» в источниках XVI в. // *От Древней Руси к новой России*. Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я. Н. Шапову. М., 2005. С. 209–210; Водов В. А. *Замечания о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до середины XV в.* // *Из истории русской культуры*. М., 2002. Т. 2/1. С. 506–542.
11. См.: Скабаланович Н. А. *Византийское государство и церковь в XI в. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина*. СПб., 2010. С. 483.
12. См.: *Константин Багрянородный. Об управлении империей* / под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991. Гл. 13.
13. См., напр.: Суворов Н. С. *Учебник церковного права* / под ред. В. А. Томсинова. М., 2004. С. 84.
14. См., напр.: Хачатуров Р. Л. *Византия и Русь: государственно-правовые отношения*. Тольятти, 1995. С. 8.
15. См.: Дьяконов М. А. *Власть Московских государей: очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI века*. М., 2012. С. 13–22; Васильевский В. Г. *Варяго-русская дружина в Константинополе* // *ЖМНП*. 1875. Ч. CLXXVII. С. 99–100.
16. См.: Николаевский П. Ф. *Учреждение патриаршества в России* // *Христианское чтение*. 1879. Ч. 2. С. 13; Никольский Н. М. *История русской церкви*. М., 1983. С. 32.
17. См.: Голубинский М. И. *Указ. соч.* Т. 1. С. 181.
18. См.: Шапов Я. Н. *Государство и церковь в Древней Руси, X–XII вв.* М., 1989. С. 112; Пашуто В. Т. *Внешняя политика Древней Руси*. М., 1968. С. 186; Гумилев Л. Н. *Древняя Русь и Великая степь*. М., 2008. С. 280–281.
19. См., напр.: Wasilewski T. *La place de l'Etat russe dans le monde byzantin pendant le Haut moyen-âge* // *Acta Poloniae Historica*. 1970. Т. 22. P. 43–51; Chrysos E. *Was Old Russia a Vassal State of Byzantium?* // *The Legacy of SS. Cyril and Methodius to Kiev and Moscow*. Thessal., 1992. P. 233–246.
20. См.: Döger Fr. J. *Byzanz und die Europäische Staatenwelt*. Darmstadt, 1964; Grabar A. *God and the «Family of Princes» Presided over by the Byzantine Emperor* // *Idem. L'art de la fin de l'Antiquité et du Moyen Âge*. P., 1968. Vol. 1. P. 115–119; Пашуто В. Т. *Место Древней Руси в истории Европы* // *Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе*. М., 1972. С. 45.
21. См.: *Российская историческая библиотека*. Т. 6. Прил. Стб. 273–274.
22. См.: Янин В. Л. *Актовые печати Древней Руси X–XV вв.* М., 1970. Т. 1. С. 174.
23. См.: Скрынников Р. Г. *Великий государь Иоанн Васильевич Грозный* : в 2 т. Т. 1. Смоленск, 1996. С. 137.

УДК 349.243

Т. С. Касьяненко
T. S. Kasyanenko

Охрана труда при производстве строительных работ

Labour Protection in the Production of Construction Works

Автором исследованы некоторые вопросы правового регулирования охраны труда в строительной отрасли, включая отдельные вопросы о проведении оценки условий труда в строительной отрасли. Проанализированы источники правового регулирования охраны и безопасности труда в строительстве, включая международные акты и российское законодательство. Основываясь на проведенном анализе сформулированы особенности организации охраны труда на строительной площадке.

Охрана труда; безопасность труда; правовое регулирование; строительная отрасль

The author researched some issues about law regulation of labour protection in constructional industry, including questions regarding to assessment of working conditions in this branch of economic. The author analyzed the source of legal regulation of labour and safety protection in constructional industry, such as international acts and Russian legislation. Based on this analysis author formulated peculiarities of organization of labor protection at the construction site.

Labour protection; working place safety; law regulation; constructional industry

Строительная отрасль экономики является одной из древнейших сфер человеческой деятельности, ведущей свою историю от примитивных построек к современным высокотехнологичным зданиям и сооружениям. Ее специфика выражается не только в особенностях технологии производства, методах организации и управления строительными процессами, но и во взаимодействии и координации участников указанного процесса, условиях их труда и охраны труда.

Как верно отмечено в Докладе МОТ 2005 г. к Всемирному дню охраны труда, строительный сектор экономики ассоциируется со значительно более высоким уровнем травматизма относительно других отраслей [1]. Именно поэтому вопро-

сам организации охраны труда в строительстве уделяется пристальное внимание. Это обусловлено прежде всего тем, что выполнение трудовой функции в строительной отрасли экономики связано с опасностью для жизни и здоровья работников. Как верно указано Минтрудом России, наиболее травмоопасными производствами по числу погибших работников при выполнении ими трудовых обязанностей в 2013 г. признаны несколько отраслей: строительство — 543 человека; сельское хозяйство — 278 человек; автомобильный транспорт — 80 человек и т. д. [2].

Особенностями организации и обеспечения работ по охране и безопасности труда в строительной отрасли следует считать:

1) наличие разветвленной системы строительных норм и правил, составной частью которой являются нормы об охране и безопасности при проведении строительных работ;

2) нестационарный и передвижной характер рабочих мест, постоянные перемещения работников по строительной площадке;

3) необходимость постоянной координации и взаимодействия всех участников, заинтересованных лиц на строительной площадке в целях организации и реализации мероприятий по охране труда.

Охрана труда в строительной отрасли являлась предметом многих специальных конвенций и рекомендаций МОТ, включая заключенную в г. Женеве Конвенцию по охране и гигиене труда в строительной отрасли от 20.06.1988 № 167 (далее — Конвенция № 167) [3] и Рекомендацию № 175 к ней [4], Руководство МОТ «Безопасность труда и охрана здоровья в строительстве» [5] и т. д. Положения указанных конвенций, хотя и не ратифицированы в Российской Федерации, но нашли свое отражение в специальных нормах и правилах о безопасности и охране труда.

В 1937 г. в г. Женеве была принята Конвенция по технике безопасности в строительной промышленности № 62 [6] и Рекомендация к ней [7]. Указанная Конвенция МОТ включает нормы, касающиеся использования строительных лесов, обеспечения безопасности на строительных площадках; использования строительных механизмов, средств индивидуальной защиты. Дальнейшее развитие вопросы безопасности и охраны труда в строительстве нашли в принятой в г. Женеве Рекомендации № 55 «О сотрудничестве в деле предотвращения несчастных случаев в строительной промышленности» [8]. В 1988 г. МОТ разрабатывает и принимает Конвенцию № 167 и Рекомендацию № 175 к ней. Названные международные акты отразили необходимость многоаспектного подхода к решению отдельных вопросов правового регулирования охраны и безопасности труда в строительной отрасли. Конвенция № 167 закрепляет рекомендательные нормы, касающиеся таких вопросов, как: понятия «строительство», «строительная площадка» и т. д.; правила безопасности при проведении различных видов строительных работ (в том числе использование средств подмашивания, лестниц); взаимодействие и сотрудничество участников строительного процесса и пр.

В 1992 г. МОТ был одобрен Свод правил безопасности «Охрана и гигиена труда в строительстве» [9], представляющий собой практическое руководство по созданию и поддержанию безопасных и благоприятных для здоровья работ-

ников условий труда на строительных площадках. В 2001 г. опубликовано Руководство по системе управления охраной труда (МОТ СУОТ 2001) [10]. В Докладе МОТ 2005 г. отмечено, что данное Руководство предназначено для всех отраслей экономики, но особую ценность представляет для строительной отрасли, в которой существует особая потребность в координированном и систематизированном подходе к управлению мерами охраны труда [11].

Еще одним важным для строительной отрасли международным актом является Руководство МОТ «Безопасность труда и охрана здоровья в строительстве». Как указано в преамбуле рассматриваемого Руководства, его целью является предоставление практического руководства в рамках юридических, административных, технических и образовательных проблем в области безопасности труда и охраны здоровья в строительстве, имея ввиду:

а) предотвращение несчастных случаев, заболеваний и вредных воздействий на здоровье работников, связанных с трудом в строительстве;

б) обеспечение качественного проектирования и претворения в жизнь строительных проектов;

в) обеспечение возможностей для анализа с точки зрения безопасности, охраны здоровья и условий труда процессов строительства, деятельности, технологий и операций, а также принятие надлежащих мер по планированию, контролю и надзору за воплощением их в жизнь [12].

Вышеназванные нормы конвенций, а также инструкций и рекомендаций МОТ нашли свое отражение в современном отечественном законодательстве об охране и безопасности труда в строительной отрасли. Специальными нормами, регламентирующими обеспечение охраны труда в строительной отрасли экономики, являются положения ГОСТ и СНиП: ГОСТ 12.0.230–2007 «Система стандартов безопасности труда. Система управления охраной труда. Общие требования» [13]; СНиП 12.03–2001 «Безопасность труда в строительстве. Часть 1. Общие требования» (см. постановление Госстроя России от 23.07.2001 № 80 «О принятии строительных норм и правил Российской Федерации «Безопасность труда в строительстве. Ч. 1. Общие требования. СНиП 12.03–2001 [14]) (регламентирует организационно-технические требования безопасности труда, общие для строительной отрасли); СНиП 12.04–2002 «Безопасность труда в строительстве. Часть 2. Строительное производство» (см. постановление Госстроя России от 17.09.2002 № 123 «О принятии строительных норм и правил Российской Федерации «Безопасность труда в строительстве. Ч. 2.

Строительное производство. СНиП 12.04–2002» [15]), МДС 12.28–2006 «Методическое руководство по проведению экспертной оценки безопасности нестационарных рабочих мест на строительных объектах» (см. МДС 12-28–2006 «Методическое руководство по проведению экспертной оценки безопасности нестационарных рабочих мест на строительных объектах» [16]).

Правовое регулирование охраны труда в строительной отрасли характеризуется наличием достаточно проработанной и разветвленной системы строительных норм и правил. Большинство указанных норм и правил были приняты достаточно давно. Они носят узкоспециализированный отраслевой характер и не отвечают современным требованиям законодательства в области охраны труда. В настоящее время назрела необходимость внесения изменений и принятия современных стандартов в области охраны и безопасности труда в строительной отрасли. В специальной литературе отмечают необходимость пересмотра и актуализации строительных норм и правил с учетом развития техники, применения современных технологий производства строительных работ и использования новейших материалов [17].

В связи с этим в 2014 г. Минтруд России в первоочередном порядке приступил к разработке правил по охране труда, в том числе в строительстве. Это позволит значительно усилить профилактические меры в отношении работников наиболее травмоопасных производств, а следовательно, уменьшить количество производственных травм и профессиональных заболеваний, снизить число рабочих мест с вредными и опасными условиями труда. Данные правила должны соответствовать Конституции (ст. 7, 37) [18], общепризнанным нормам международного права, конвенциям и рекомендациям МОТ, трудовому законодательству.

Особенностью организации охраны труда в строительной отрасли является нестационарный характер рабочих мест работников строительной отрасли. Указанная черта оказывает огромное влияние как на организацию контроля за исполнением правил техники безопасности (включая использование СИЗ, средств подмащивания и т. д.), так и на порядок проведения специальной оценки условий труда. Действовавший ранее порядок проведения аттестации рабочих мест по условиям труда не учитывает нестационарный («мобильный» [19]) характер рабочих мест, Федеральный закон от 28.12.2013 № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» (далее — Закон об оценке усло-

вий труда) [20] не предусматривает возможности установления особенностей проведения оценки условий труда в зависимости от отрасли экономики.

Названные выше специальные правовые акты в целом (с процедурной стороны) совпадают с аналогичным порядком проведения специальной оценки условий труда, предусмотренных Законом об оценке условий труда. Имеется ряд различий в методике оценки и класса травмобезопасности. Положения постановления Госстроя России, учитывая специфику строительной отрасли, в качестве факторов, подлежащих учету при оценке травмобезопасности, называют расположение рабочего места, общую организацию работ на строительной площадке или строящемся объекте. Такие положения отсутствуют в порядке проведения специальной оценки условий труда.

Другим примером служит различная трактовка классов условий труда. Согласно положениям Закона об оценке условий труда оценка условий труда осуществляется исходя из наличия четырех классов (оптимальные, допустимые, вредные и опасные), в то время как в постановлениях Госстроя России выделено пять классов травмобезопасности (оптимальные, допустимые, умеренно-опасные, существенно-опасные, высокоопасные) (см. СП 12-133–2000 «Безопасность труда в строительстве. Положение о порядке аттестации рабочих мест по условиям труда в строительстве и жилищно-коммунальном хозяйстве» [21]).

Представляется, что специальная оценка условий труда для нестационарных рабочих мест должна проводиться с учетом специальных норм и правил, кроме того, по строительной методике и исключительно подготовленными специалистами, имеющими строительное образование. К специальным отраслевым нормам и правилам, определяющим порядок проведения аттестации рабочих мест в строительной отрасли, относят указанные строительные нормы и правила.

Таким образом, строительная отрасль экономики связывается со значительно высоким уровнем риска травматизма по сравнению с другими отраслями экономики. Указанные особенности предопределяют необходимость формирования комплексного подхода к обеспечению и организации охраны труда в строительной отрасли на основе не только принципов и положений международных актов и актов МОТ, а также обновления в соответствии с современными реалиями отраслевого законодательства об охране труда при производстве строительных работ.

1. См.: Доклад МОТ 2005 г. // *International Labour Organization* : сайт. URL: http://www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/areas/safety/docs/2005wdayreport_rus.pdf (дата обращения: 25.06.2014).
2. См.: Первый замминистра Сергей Вельямкин: В 2014 году Минтруд России приступит к разработке правил по охране труда в семи отраслях // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.rosmintrud.ru/labour/safety/129> (дата обращения: 13.05.2014).
3. См.: Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957–1990. Т. II. Женева, 1991. С. 2145–2159.
4. См.: Там же. С. 2161–2170.
5. См.: Руководство МОТ «Безопасность труда и охрана здоровья в строительстве» // *International Labour Organization* : сайт. URL: http://www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/areas/safety/docs/safetyhealth_welftra.pdf (дата обращения: 25.06.2014).
6. См.: Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1919–1956. Т. I. С. 481–482.
7. См.: Там же.
8. См.: Там же. С. 517–518.
9. См.: Безопасность и охрана труда в строительстве (Женева, 1992) // Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
10. См.: Руководство по системам управления охраной труда МОТ-СЮОТ 2001/ILO-OSH-2001 // *International Labour Organization* : сайт. URL: http://www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/info/publ/control_sys_osh.pdf (дата обращения: 25.06.2014).
11. См.: Доклад МОТ 2005 г. // *International Labour Organization* : сайт. URL: http://www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/areas/safety/docs/2005wdayreport_rus.pdf (дата обращения: 25.06.2014).
12. См.: Руководство МОТ «Безопасность труда и охрана здоровья в строительстве» ...
13. См.: ГОСТ 12.0.230–2007. «Межгосударственный стандарт. Система стандартов безопасности труда. Системы управления охраной труда. Общие требования» (введен в действие приказом Ростехрегулирования от 10.07.2007 № 169-ст). М., 2007.
14. См.: БНА. 2001. № 38.
15. См.: Там же. 2002. № 48.
16. См.: М., 2007.
17. См.: Алексеев В. А. Специфические особенности организации охраны труда на строительных объектах // *Охрана труда и техника безопасности в строительстве*. 2011. № 10. С. 11–18.
18. См.: Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // *СЗ РФ*. 2009. № 4. Ст. 445.
19. См.: Коровин А. Ф. Особенности проведения аттестации рабочих мест в строительстве // *Охрана труда и техника безопасности в строительстве*. 2012. № 6. С. 13–17.
20. См.: *СЗ РФ*. 2013. № 52 (Ч. I). Ст. 6991.
21. См.: М., 2000.

УДК 349.22

Т. В. Соколова
T. V. Sokolova

Дифференциация правового регулирования трудовых отношений научных работников

Differentiation of Legal Regulation of Labor Relations Researchers

В статье рассмотрены вопросы дифференциации правового регулирования трудовых отношений научных работников, особый творческий характер научного труда и его отличие от труда других категорий работников, говорится о необходимости повышения требований, предъявляемых к квалификации научных работников, а также введения для них особых правил приема и увольнения.

Дифференциация; научный труд; научный работник; особенности научной работы и правового регулирования труда

In article questions of differentiation of the legal regulation of the labor relations of scientists, special creative nature scientific work and its difference from the work of other categories of workers saying about the necessity of increasing of requirements to qualification scientific workers, as well as imposing special rules of admission and dismissal.

Differentiation; scientific work; scientist; especially of scientific work and labor regulations

Единство и дифференциация являются одной из отличительных особенностей правового регулирования трудовых отношений. Единство проявляется в основном в общих нормах трудового права, распространяющихся на всех работников на территории России. Эти нормы обязательны для всех работодателей независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности.

Дифференциация находит свое отражение в специальных нормах, распространяющихся на отдельные категории работников. Особенности правового регулирования их труда обусловлены теми или иными факторами, т. е. учитывают условия труда, территориальное местонахождение

работодателей, характер трудовой связи, что определяется как различия объективного характера, или характер и специфику трудовой деятельности различных субъектов труда и категорий работников (женщин, несовершеннолетних, инвалидов), что относят к субъектной дифференциации. В аспекте интересующей нас темы лежат характер и условия труда таких категорий, как научные работники. Так, Ю. П. Орловский обоснованно определил, что дифференциация способствует единству трудового права, а единство создает условия для дифференциации правового регулирования труда [1]. Наличие объективных или субъективных факторов делает невозможным использование общих норм, либо разрешает их

применение частично, являясь основанием дифференциации правового регулирования трудовых отношений.

Указанная субъектная дифференциация, в основу которой положены личные особенности граждан, вступающих в трудовые правоотношения, не исключает, и в этом следует согласиться с мнением Ю. П. Орловского, учета объективных факторов, обуславливающих дифференциацию по отраслям, конкретным условиям труда, характеру трудовых связей работников с предприятиями, территориальному расположению предприятия, которые всегда связаны с гражданами. Однако субъектная дифференциация в трудовом праве конкретизирует применение правовых норм к различным субъектам не в силу исполнения ими трудовых обязанностей в специфических условиях, а вследствие особых свойств, характеризующих их самих. Основываясь на этом, Ю. П. Орловский не соглашается с отнесением к субъектной дифференциации особенностей правового регулирования труда научных работников в научно-исследовательских учреждениях. Иную позицию занимает Л. Ф. Петренко, который считает, что особенности правового регулирования труда указанных работников — это проявление преимущественно субъектной дифференциации, основными признаками которой является ученая степень и ученое звание. Аргументируя свою точку зрения, Ю. П. Орловский утверждает, что наличие у работников ученого звания и ученой степени еще не определяют особенностей правового положения соответствующих лиц: в промышленности, строительстве и других отраслях народного хозяйства руководителями предприятий нередко работают лица с ученым званием, ученой степенью, однако регулирование их труда не имеет каких-либо специфических черт, отличных от труда других работников, занимающих такие же должности, но не имеющих званий и степеней. В связи с этим Ю. П. Орловский отмечает, что особенности правового положения научных работников более всего связаны с творческим исследовательским характером труда и со сферой применения знаний. Эти признаки дифференциации труда научных работников, по его мнению, вполне укладываются в схему дифференциации правового регулирования труда по объективным признакам. С этим выводом следует согласиться и одновременно обратить внимание на то, что особый творческий характер научного труда вытекает также из его направленности на получение нового знания, пользуясь уже накопленными знаниями в данной сфере, т. е. отличается нестандартными подходами (приемами) получения результата. Это обуславливает необходимость повышения требований,

предъявляемых к квалификации указанных работников, а также введения для них специальных правил приема и увольнения. Особенности характера трудовой деятельности влияют также и на условия труда работников: рабочее время, время отдыха, оплату и дисциплину труда.

Все научные работники выполняют один вид трудовой деятельности, однако у них имеются и свои специфические черты. С особым характером труда связывается возникновение специальных правовых норм, регулирующих особенности содержания трудовой функции, в том числе при ее определении соответственно занимаемой должности и квалификацией работника.

Другим фактором дифференциации выступают особенности условий труда научных работников: умственная напряженность, новые задачи, нестандартные приемы, возможное получение отрицательного результата в связи с неординарностью постановки и решения задач и т. д.

Таким образом, возникновение специальных норм, регулирующих рабочее время, время отдыха, оплату и дисциплину труда, для научных работников связано с тем, что дифференциация в правовом регулировании их труда обусловлена наличием таких устойчивых факторов, как особый творческий характер и указанные условия труда.

Основная цель дифференциации правового регулирования труда научных работников состоит в том, чтобы компенсировать им повышенные нагрузки, связанные с работой, а также предоставить дополнительную защиту, в том числе от риска утраты профессиональной трудоспособности.

В разд. XII ТК [2] установлены особенности регулирования труда отдельных категорий работников. Данный раздел постоянно дополняется новыми главами, таким образом, возрастает круг работников, в отношении которых допускается дифференцированный подход в регулировании их труда, однако и ныне в этом разделе отсутствуют нормы, посвященные регулированию труда научных работников.

Необходимо отметить, что в настоящее время данный вопрос является особенно актуальным, и ныне в Государственную Думу внесен проект федерального закона о внесении изменений в ТК, направленных на установление особенностей регулирования труда научных работников, руководителей научных организаций и их заместителей (см. гл. 12 постановления Государственной Думы от 22.01.1998 № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [3]).

Указанный законопроект содержит положения о порядке заключения трудового договора на замещение должностей научных работников, а также возможный перевод на отдельные должности после

избрания по конкурсу на замещение соответствующей должности. Перечень таких должностей и порядок проведения конкурса будут определяться федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности.

Предлагаемые в законопроекте изменения, по мнению их разработчиков, обусловлены необходимостью единообразного подхода к назначению на должности научных работников, включая руководителей научных подразделений (лабораторий) во всех научных организациях. При этом предполагается на уровне подзаконных актов обеспечить установление сокращенных сроков проведения конкурсных процедур, единообразные подходы к критериям оценки квалификации и результативности исследователей, а также изменить порядок проведения конкурса.

Для научных сотрудников, работающих по трудовому договору, заключенному на неопреде-

ленный срок, будет установлена обязательная периодическая аттестация, для которой предлагается определение сроков (проведения аттестации) — не чаще одного раза в год и не реже одного раза в три года. Однако конкретный срок определяется научной организацией самостоятельно, исходя из специфики ее деятельности. В случае проведения фундаментальных исследований может быть определен и более длительный срок (промежуток между аттестациями). Это положение вошло не в текст законопроекта, а лишь в его обоснование. А в законопроекте указано, что в случае выявления в ходе аттестации несоответствия работника занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации трудовой договор с ним может быть расторгнут на основании п. 3 ч. 1 ст. 81 ТК.

Указанный законопроект внесен в соответствии с ранее принятым Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ч. 2, 3 ст. 52) [3].

-
1. См.: Иванов С. А., Лившиц Р. З., Орловский Ю. П. Советское трудовое право: вопросы теории. М, 1978. С. 317.
 2. См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 3.
 3. См.: СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 801.
 4. См.: Там же. 2012. № 53 (Ч. 1). Ст. 7598.

УДК 349.22

Б. К. Сорокин
B. K. Sorokin

Эволюция правового регулирования труда работников в области медицины (историко-правовой аспект)

Evolution of the legal regulation of workers in the medical field (historical and legal aspects)

Статья посвящена правовому регулированию труда медицинских и фармацевтических работников в условиях конкретно-исторического развития законодательства об организации медицинской помощи, а в дальнейшем об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации. Рассмотрены основные памятники права Древней Руси, нормативные акты Петра I, декреты, законы и постановления советской власти и современной России, оказавшие значительное влияние на развитие законодательства об организации медицинской деятельности. Проведен сравнительный анализ законодательства второй половины XX в., регулирующего труд медицинских и фармацевтических работников.

Обеспечение медицинской помощи; организация медицинской и фармацевтической деятельности; врачи; лекари; аптекари; медицинские и фармацевтические работники; охрана здоровья граждан

The article is devoted to the legal regulation of health care and pharmaceutical workers in a specific historical development of the law on the organization of care, and in the future on the basis of health protection in the Russian Federation. In the article describes the main monuments of Ancient Russia law, Statutes of Peter I, the decrees, laws and decisions of the Soviet regime and modern Russia, which had a significant influence on the development of legislation on the organization of medical activity. Made analysis of the legislation of the second half of the XX century, governing the work of the medical and pharmaceutical workers.

Provision of medical care; organization of medical and pharmaceutical activity; doctors; healers; pharmacists; medical and pharmaceutical workers; public health protection

В XX в. как в области здравоохранения, так и в области юриспруденции произошли кардинальные изменения, заложившие фундамент для дальнейшего развития данных сфер деятельности. Это неминуемо привело к обострению внимания мирового сообщества к медико-правовому направлению.

Регулирование трудовых отношений медицинских и фармацевтических работников изначально было основано на нормах морали и этики. Классическим примером таких норм является

клятва Гиппократата, которая выражала основополагающие морально-этические принципы поведения врача, а также общеупотребительное название клятвы, приносимой каждым, кто собирается стать медиком [1]. Первые упоминания клятвы Гиппократата датируются V в. до н. э.

Регулирование указанных отношений, связанных с развитием здравоохранения в России, происходило под влиянием различных конкретно-исторических иных факторов, поэтому

представляется необходимым хотя бы в кратком историческом аспекте проанализировать названные вопросы. Данный подход позволит более четко представить те направления, по которым осуществлялось становление и развитие правовых норм и обобщить имеющиеся сведения, базируясь на полученных результатах.

Первые упоминания о законодательном регулировании труда медицинских работников и деятельности в этой области датируются X в. В то время медицина подразделялась на народную (морально-этические нормы, традиции, обычаи), монастырскую («Церковный устав» Владимира Святославича) и светскую (городская) («Русская Правда»). Тот период медицинской деятельности характеризуется тесной связью с церковью, а также с традициями язычества, верой в сверхъестественные силы, что повлияло на развитие и монастырской медицины. Светская медицина представляла собой вариант организации медицинской помощи, при котором врачевание осуществляли лекари-профессионалы. Нередко это были иностранцы, оказывавшие медицинскую помощь за определенную плату и с возможностью проводить лечение больных на дому.

В дальнейшем оказание медицинской помощи, включая время Московского государства (XV–XVII вв.), в основном было связано с формированием предпосылок организационно-правового регулирования медицинской деятельности в России. Свержение татаро-монгольского ига, объединение русских земель вокруг Москвы сыграли значительную роль в развитии регулирования труда медицинской деятельности.

Первое значимое упоминание о регулировании фармацевтической деятельности в России датируется началом 1581 г., когда был создан так называемый Аптекарский приказ — центральный орган управления медицинским делом в России, целью которого являлась централизация государственного управления здравоохранением [2]. Среди его функций были организация медицинской помощи (за счет находящихся в его ведении докторов, лекарей, аптекарей) и обеспечение лекарственными средствами (благодаря наличию царской аптеки, Аптекарского огорода и особого налога), создание военно-медицинской службы (с 60-х гг. XVI в. в каждом полку появились полковые лекари), врачебное освидетельствование (экспертиза больных и увечных), а также подготовка отечественных медицинских кадров.

Учитывая незначительное число отечественных врачей, получивших профессиональное образование в XVI в., предусматривалась возможность выписывать квалифицированных специалистов из-за границы.

Аптекарский приказ как государственный орган не только приглашал в Россию специалистов в области медицины, но и устраивал им экзамен на право врачебной деятельности, следил за тем, как заграничные врачи осуществляли лечение. Более того, при подборе зарубежных кадров для службы в России проявлялась большая осторожность, благодаря чему в Россию не проникали лица, заведомо являющиеся шарлатанами, а не врачами.

Этот же орган осуществлял обеспечение лекарственными средствами, закупая лекарства за границей — в Англии, Германии и Франции.

Период правления Петра I (1696–1725 гг.) выделяется принятием трех основных документов, регламентирующих организацию медицинской помощи в армии и на флоте. В Воинском уставе 1716 г. гл. 33 и 34 посвящены функционированию госпиталей и профессиональной деятельности докторов и аптекарей, которым вменялось в обязанность лечить всех в войске от высших до низших чинов бесплатно. Таким образом, была законодательно закреплена бесплатная система получения медицинской помощи.

Вскоре издается Морской устав (1720 г.) [3] и Указ Петра Первого 1721 г. «Об учреждении в городах аптек под смотрением Медицинской Коллегии, о вспоможении приискивающим медикаменты в Губерниях, и о бытии под надзором упомянутой Коллегии госпиталей» [4]. Данный документ предусматривал необходимость продажи лекарств по установленной цене. С позиции сегодняшнего дня такой подход можно признать прогрессивным, поскольку речь идет о стремлении на государственном уровне обеспечить возможность для граждан получения лекарственных средств по доступным ценам.

По инициативе Петра I в 1721 г. Аптекарский приказ был преобразован в Медицинскую коллегию, а с 1725 г. — в Медицинскую канцелярию, которая и осуществляла контроль за деятельностью госпиталей и аптек, регламентировала деятельность докторов, лекарей и аптекарей, осуществляла контроль за проведением противоэпидемиологических мероприятий и выдавала разрешение на право медицинской деятельности.

Одним из важнейших событий, вошедших в историю правового регулирования в области медицинской деятельности периода Российской империи (до 1917 г.) и значительно усовершенствовавших оказание медицинской помощи в условиях госпиталей, является принятие Указа императрицы Анны Иоанновны «Генеральный регламент о госпиталях и о должностях, определенных при них Докторов и прочих Медицинского чина служителей, также Комиссаров, писарей, мастеровых, работных и прочих к оным подлежащих

людей» [5]. Можно сказать, что данный Указ явился обобщающим комплексным нормативным актом, в котором были определены: общая организационно-штатная структура госпиталей, обязанности должностных лиц, порядок освидетельствования в условиях госпиталя, подготовка лекарей у постели больного и др.

В первые месяцы своего царствования Екатерина II пришла к мысли о необходимости реформирования медицинского дела. В 1763 г. указом Императрицы Медицинская канцелярия преобразовывается в Медицинскую коллегию [6] и наделяется полномочиями по вопросам регулирования здравоохранения и осуществления контроля по вопросам медицинской науки и практического здравоохранения.

Медицинская коллегия выдавала разрешения на право занятия медицинской деятельностью, осуществляла контроль за деятельностью аптек, ведала докторами, лекарями и аптекарями, присуждала им жалованье, осуществляла организацию лечебно-профилактической помощи населения.

Особое значение в правовой регламентации медицинской деятельности в России имеет появление Врачебного устава [7] — первого систематизированного документа, положения которого регулировали общественные отношения, возникающие в сфере здравоохранения России. В его состав входило 1 866 статей, которые детально регламентировали вопросы профессиональной квалификации, обязанности врачей и лекарей.

Существовало три редакции Врачебного устава, датированные 1857, 1892 и 1905 гг. В соответствии с последней редакцией устав состоял из трех книг: Учреждения врачебные, Устав медицинской полиции, Устав судебной медицины.

В советский период после Октябрьской революции как организация здравоохранения в целом, так и правовая регламентация отношений в сфере здравоохранения претерпели существенные изменения. Основу здравоохранения составила государственная система медицины, при этом частная медицинская практика была признана противоречащей основным началам организации медико-санитарной помощи. Начался период становления монополии государства на осуществление медицинской деятельности.

Декретом СНК от 11 июля 1918 г. был создан центральный государственный орган уже здравоохранения — Народный комиссариат здравоохранения.

Становление законодательства о здравоохранении осуществлялось по указанию В. И. Ленина, которым лично подписано более 200 постановлений и декретов по организации медицинской деятельности, социального страхования, санитарно-

му благоустройству и т. п. Так, 1 декабря 1924 г. был принят Декрет ВЧК и СНК РСФСР «О профессиональной работе и правах медицинских работников» [8]. Этот нормативный акт закреплял правовой статус медицинских работников, определял права и обязанности лиц, занимающихся медицинской практикой. В Декрете был определен перечень документов, необходимых для получения медицинского звания, а также порядок получения соответствующего удостоверения.

В соответствии с этим декретом специалисты, состоящие на государственной службе, могли заниматься и частной практикой. Так, в Советской России периода НЭПа появилась частная медицина.

Постановлениями ЦК ВКП «О подготовке врачей» (1934 г.) [9] и Совнаркома СССР «О подготовке средних медицинских; зубо-врачебных и фармацевтических кадров» (1936 г.) [10] были намечены конкретные меры по увеличению количества медицинских учебных заведений и улучшению качества подготовки медицинских работников.

Так, 12 декабря 1940 г. приказом Наркомздрава СССР № 548 «О продолжительности рабочего дня медицинских работников» [11] рабочий день продолжительностью 6,5 ч при шестидневной рабочей неделе устанавливается врачам больниц, родильных домов, клиник и других стационарных лечебных учреждений, специализированных санаториев, профилакториев, станций санитарной авиации, станций переливания крови, амбулаторно-поликлинических учреждений, врачебных кабинетов и др.

Позднее, в 1969 г., Верховный совет СССР принимает Закон СССР от 19.12.1969 № 4589-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» [12].

Этот закон был первым комплексным нормативным актом, на основе которого в дальнейшем развивалось законодательство в области медицинской и фармацевтической деятельности. В нем закреплялись главные принципы и цели советского здравоохранения — охрана здоровья населения для обеспечения гармоничного развития физических и духовных сил, здоровья, высокого уровня трудоспособности и долголетней активной жизни граждан, предупреждение и снижение заболеваемости. Данным законом определялись основные профессиональные права и обязанности медицинских и фармацевтических работников, а также предоставляемые указанным работникам льготы. Устанавливалась также ответственность за незаконное врачевание, меры санитарно-эпидемиологического благополучия и др.

В постсоветский период уже 22 июля 1993 г. принимаются Основы законодательства Российской

Федерации об охране здоровья граждан [13]. В них закреплялись полномочия органов государственной власти РФ в области охраны здоровья и ее организации, права граждан и некоторых отдельных групп населения, медицинскую деятельность по планированию семьи и регулированию репродуктивной функции человека, ответственность за причинение вреда здоровью граждан.

Можно отметить, что было установлено право медицинских и фармацевтических работников на первоочередное получение жилых помещений, а врачи, провизоры, работники со средним медицинским и фармацевтическим образованием государственной и муниципальной систем здравоохранения, работающие и проживающие в сельской местности и поселках городского типа, а также проживающие с ними члены их семей, имели право на бесплатное предоставление квартир с отоплением и освещением в соответствии с действующим законодательством.

По сравнению с указанными основами СССР в рассматриваемом нормативном правовом акте России изменился порядок доступа врачей или провизоров, не работавших по своей специальности более пяти лет, к своей профессиональной деятельности. Они могли быть допущены к осуществлению медицинской или фармацевтической деятельности после прохождения переподготовки в соответствующих учебных заведениях или на основании проверочных испытаний, проводимых комиссиями профессиональных медицинских и фармацевтических ассоциаций.

Основы утратили силу в связи с принятием Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [14].

В данном Законе расширены установленные действующим законодательством основные принципы охраны здоровья, к которым в том числе отнесены приоритет интересов пациента при оказании медицинской помощи, доступность и качество медицинской помощи, недопустимость отказа в оказании медицинской помощи.

Закреплены также права и обязанности медицинских и фармацевтических работников, меры стимулирования их труда, особенности их подготовки путем привлечения к участию в осуществлении медицинской и фармацевтической деятельности в соответствии с образовательными программами и т. д.

Одним из важнейших и своевременных элементов модернизации в правовом статусе врача является закрепление ограничений, накладываемых на медицинских и фармацевтических работников при осуществлении ими профессиональной деятельности. Медицинский работник не вправе

получать какие-либо вознаграждения как от организаций (в первую очередь, фармацевтических), их представителей, так и от частных лиц (граждан-пациентов), а также принимать подарки, денежные средства, в том числе на оплату развлечений, отдыха, проезда к месту отдыха, и принимать участие в развлекательных мероприятиях, проводимых за счет средств фармацевтических компании и/или их представителя. Им запрещено также выписывать лекарственные препараты, медицинские изделия на бланках, содержащих информацию рекламного характера.

Эти ограничения направлены в первую очередь на борьбу с участившейся практикой продвижения врачами дорогостоящих медицинских препаратов (не гарантирующих положительный фармацевтический эффект) отдельных фармацевтических компаний и вынуждения пациентов поликлиник и больниц к их покупке. Вполне естественно, что подобные рекламные услуги известным образом вознаграждаются компанией-производителем, что способствует развитию коррупционных элементов в медицинской практике, нарушению этических правил и норм деятельности медицинских работников.

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что здравоохранение в России с момента его зарождения и в дальнейшем шло как бы скачкообразно и не всегда имело предпосылки к своему развитию. Исторический опыт наглядно показывает, что законодательство по организации здравоохранения должно быть направлено на охрану здоровья граждан, развиваться, устраняя противоречия в правовом регулировании трудовых отношений медицинских и фармацевтических работников, а также решать существующие и возникающие проблемы, отвечая на реальные запросы общества и потребности населения.

Другой вывод основывается на том, что решение указанных проблемных вопросов зависит от эффективной работы медицинских и фармацевтических работников, выполнение каждым из них своей трудовой деятельности на высоком профессиональном уровне. Следует иметь в виду, что на протяжении многих столетий деятельность врачей всегда была одной из самых почетных и уважаемых, поскольку доктора несут ответственность за состояние здоровья своих пациентов. В связи с этим к ним предъявляют повышенные требования. Степень риска, которому подвергаются жизнь и здоровье медработников при оказании тех или иных видов медицинской помощи, и место их деятельности учитываются при установлении заработной платы, выплате компенсаций, предоставлении дополнительных льгот. Эти

требования и условия труда и оплаты указанных работников устанавливаются в соответствующих нормативных правовых актах, учитывающих особенности в правовом регулировании их труда.

1. См.: Бачило Е. В. История медицины : конспект лекций. М., 2007. С. 10.
2. См.: Сорокина Т. С. История медицины. М., 2008. С. 49.
3. См.: ПСЗ РИ. Т. VI. 1720–1722. Ст. 3811. СПб., 1830. С. 401.
4. См.: Там же. С. 412.
5. См.: Там же. С. 661–682.
6. См.: Там же. Т. XVI. С 28 июня 1762 по 1765. Ст. 11964. С. 413–419.
7. См.: Там же. Т. XI. Отд. 2. 1836. Ст. 9808. СПб., 1837. С. 312.
8. См.: СУ РСФСР. 1924. № 88. Ст. 892.
9. См.: СЗ СССР. 1934. № 44. Ст. 348.
10. См.: Там же. 1936. № 47. Ст. 401.
11. См.: Справочник о продолжительности рабочего дня и отпусках работников здравоохранения. М., 1969. С. 8–9.
12. См.: ВВС СССР. 1969. № 52. Ст. 466.
13. См.: ВСНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1318.
14. См.: РФ. 2011. 23 нояб.

УДК 349.2

В. Ф. Цитульский
V. F. Tsitulsky

Правовые проблемы ответственности сторон социального партнерства

Legal Liability Issues the Parties of Social Partnership

В статье анализируются проблемы ответственности сторон социального партнерства — работодателей и работников. Ответственность сторон социального партнерства рассматривается сквозь призму трудового, административного и уголовного законодательства. Автор приходит к выводу о том, что законодательство, регулирующее ответственность сторон социального партнерства, требует совершенствования.

Социальное партнерство; ответственность; работодатели; работники

The article analyzes the issue of liability of the social partners - employers and employees. Responsibility of the parties of social partnership is viewed through the prism of labor, administrative and criminal law. The author concludes that the legislation governing the liability of the parties of social partnership requires improvement.

Social partnership; responsibility; employers; workers

Глава 9 ТК «Ответственность сторон социального партнерства» [1] состоит из ст. 54–55, предусматривающих ответственность за уклонение от участия в коллективных переговорах, непредоставление информации, необходимой для ведения коллективных переговоров и осуществления контроля за соблюдением коллективного договора, соглашения, а также ответственность за нарушение или невыполнение коллективного договора, соглашения. Рассмотрим более подробно проблему ответственности сторон в сфере социального партнерства.

В частности, КоАП [2] предусматривает, что за уклонение от участия в переговорах о заключении коллективного договора, соглашения либо нарушении установленного срока их заключения; за непредоставление информации, необходимой

для проведения коллективных переговоров и осуществления контроля за соблюдением коллективного договора, соглашения; за непредоставление информации, необходимой для проведения коллективных переговоров и осуществления контроля за соблюдением коллективного договора, соглашения, а также за уклонение работодателя или его представителя от получения требований работников и от участия в примирительных процедурах, в том числе непредоставление помещения для проведения собрания (конференции) работников в целях выдвижения требований или создание препятствий проведению такого собрания (конференции), предусмотрено предупреждение или наложение административного штрафа в размере от одной до трех тысяч рублей (ст. 5.28, 5.29 и 5.32). Необоснованный же отказ от заключения

коллективного договора, соглашения и нарушение или невыполнение работодателем или лицом, его представляющим, обязательств по коллективному договору, соглашению влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере от трех до пяти тысяч рублей (ст. 5.30 и 5.31).

Особенностью ст. 5.31 является то, что в отличие от ст. 55 ТК она не упоминает представителей работников.

Однако наибольший интерес представляет, по-видимому, ст. 5.33, предусматривающая штраф от двух до четырех тысяч рублей за невыполнение соглашения, достигнутого в ходе примирительных процедур, работодателем либо его представителем. Это означает, что любое подобное соглашение работодатель может игнорировать, как, впрочем, и совершать все иные противоправные деяния, предусмотренные указанными статьями применительно к нему, ведь уплата штрафа не обязывает работодателя либо его представителей воздержаться в дальнейшем от совершения подобного противоправного деяния либо исполнить взятое на себя обязательство. Такой крайне мягкой юридической ответственности нет ни в одной стране мира. Подобное положение вполне объяснимо, ведь эволюция смягчения ответственности работодателя проходила на фоне социальной апатии российских работников и их профсоюзов.

В соответствии со ст. 195 ТК работодатель обязан рассмотреть заявление представительного органа работников о нарушении руководителем организации, его заместителями условий коллективного договора, соглашения и сообщить о результатах рассмотрения. В случае если факты нарушения подтвердились, работодатель обязан применить к руководителю дисциплинарное взыскание вплоть до увольнения. Однако работодатель, как справедливо отмечают по этому поводу А. М. Лушников и М. В. Лушникова, вправе ограничиться, например, объявлением замечания, и требования рассматриваемой статьи закона будут соблюдены [3].

Через пять месяцев после вступления в силу ТК был введен в действие КоАП, в котором среди видов административных наказаний (ст. 3.2 КоАП) появилась новелла — дисквалификация, которая согласно ст. 3.11 заключается в лишении физического лица права занимать руководящие должности в исполнительном органе управления юридического лица, входить в совет директоров (наблюдательный совет), осуществлять предпринимательскую деятельность по управлению юридическим лицом, в иных случаях, предусмотренных законодательством РФ. Административное наказание в виде дисквалификации назначается судьей на срок от шести месяцев до трех лет.

Однако, учитывая многочисленные нарушения трудового законодательства, этот вид административного взыскания применяется крайне редко.

В 1997 г. в УК [4] появилась ст. 145.1, предусматривающая уголовную ответственность за задержку выплаты заработной платы более двух месяцев. Однако до сих пор не понес достойного наказания ни один руководитель организации за подобное преступление, которое следует относить к тяжким — лишая работника заработка, такой «работодатель» уподобляется грабителю, бандиту, поскольку лишенный средств к существованию любой работник вскоре будет стоять перед дилеммой: стать на криминальный путь в целях выживания самого работника и членов его семьи либо наложить на себя руки, если он не может переступить нравственный барьер.

В ст. 236 ТК предусмотрена материальная ответственность работодателя за задержку выплаты заработной платы, что является также новеллой применительно к КЗоТу [5]. В соответствии с указанной статьей при нарушении работодателем установленного срока выплаты заработной платы, оплаты отпуска, выплат при увольнении и других выплат, причитающихся работнику, работодатель обязан выплатить их с уплатой процентов (денежной компенсации) в размере не ниже одной трехсотой действующей в это время ставки рефинансирования Центрального банка РФ от невыплаченных в срок сумм за каждый день задержки, начиная со следующего дня после установленного срока выплаты по день фактического расчета включительно. Такая денежная компенсация является буквально символической.

Рассмотрим также проблему ответственности работодателя в сфере социально-партнерского регулирования трудовых отношений, а именно: возможность применения такого мощнейшего контрсредства против работников, имеющегося в арсенале любого работодателя, как локаут. Статья 415 ТК запрещает локаут — увольнение работников по инициативе работодателя в связи с их участием в коллективном трудовом споре или в забастовке. Следует акцентировать внимание на том, что в ст. 19 Федерального закона от 23.11.1995 № 175-ФЗ «О порядке разрешения коллективных трудовых споров» [6] (в настоящее время утратил силу), также предусматривающей запрещение локаутов, в самом конце имеется фраза: «...а также ликвидация или реорганизация организации, филиала, представительства», которая не была включена в ст. 415 ТК, что еще раз подтверждает работодательскую сущность ТК. Следовательно, теперь в связи с участием работников в коллективном трудовом споре или забастовке работодатель может проводить реорганизацию как

в любом структурном подразделении, так и в головной организации.

Но, оказывается, и это еще не все: российский работодатель безболезненно и безбоязненно, невзирая на запрет ст. 415 ТК, может устраивать локауты, поскольку, как и за все вышеназванные его противоправные деяния, направленные против своих же социальных партнеров — работников и профсоюзов, предусмотрена смехотворная юридическая ответственность — согласно ст. 5.34 КоАП штраф от четырех до пяти тысяч рублей. Вследствие того что в ст. 5.34 КоАП, именуемой «Увольнение работников в связи с коллективным трудовым спором и объявлением забастовки», отсутствует термин «локаут», поэтому за деяния, сформулированные в названии указанной статьи, совершенные работодателем, предусмотрена также символическая ответственность.

Что касается ответственности работников в сфере социального партнерства, то ст. 417 ТК «Ответственность работников за незаконные забастовки» предусматривает, что работники, приступившие к проведению забастовки или не прекратившие ее на следующий рабочий день после доведения до органа, возглавляющего забастовку, вступившего в законную силу решения суда о признании забастовки незаконной либо об отсрочке или о приостановке забастовки, могут быть

подвергнуты дисциплинарному взысканию за нарушение трудовой дисциплины.

Представительный орган работников, объявивший и не прекративший забастовку после признания ее незаконной, обязан возместить убытки, причиненные работодателю незаконной забастовкой, за счет своих средств в размере, определенном судом.

В ст. 5.40 КоАП, предусматривающей административную ответственность за принуждение к участию или к отказу от участия в забастовке путем насилия или угроз применения насилия либо с использованием зависимого положения принуждаемого, установлено наложение административного штрафа на граждан в размере от пятисот до одной тысячи рублей; на должностных лиц — от одной до двух тысяч рублей.

Из всего вышесказанного напрашивается вывод — российский работодатель обладает наибольшей работодательской властью, поскольку законом не предусмотрена какая-либо серьезная юридическая ответственность в сфере социального партнерства с его стороны, в то время как работники и их представители являются почти бесправными: они практически не могут реализовать право на забастовку вследствие того, что ст. 413 ТК сводит на нет это право, закрепленное в ст. 37 Конституции [7].

-
1. См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 3.
 2. См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1.
 3. См.: Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права : в 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 377.
 4. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
 5. См.: Кодекс законов о труде Российской Федерации, утвержденный Верховным Судом РСФСР 09.12.1971 // СЗ РСФСР. Т. 2. С. 123.
 6. См.: РФ. 1995. 5 дек.
 7. См.: Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

Узуфрукт в системе вещных прав зарубежных государств

Usufruct in a System of the Proprietary Rights of the Foreign States

Настоящая статья посвящена исследованию узуфрукта в системе вещных прав на примере законодательства зарубежных государств. Рассматриваются вопросы возникновения, прекращения узуфрукта, прав и обязанностей сторон узуфрукта в гражданском праве Германии, Грузии и Франции, проводится сравнительный анализ предполагаемых изменений в гражданское законодательство России.

Право владения; узуфрукт; ограниченное вещное право; право распоряжения

This article is devoted to the research of usufruct in the system of the proprietary rights on the example of the foreign states legislation. The questions of the origin, the termination of usufruct, the rights and obligations of the usufruct's sides in a civil law of Germany, Georgia and France are touched upon in this article. And also the comparative analysis of the alleged changes in the civil legislation of Russia is carried out in the article.

Right of possession; usufruct; limited property right; right of disposal

В настоящее время в цивилистике возрастает интерес к проблеме ограниченных вещных прав, в частности к их содержанию и классификации. В связи с продолжающимся реформированием гражданского законодательства РФ увеличивается интерес к отдельным ограниченным вещным правам, которые в скором времени, возможно, займут свое место в подразделе «Ограниченные вещные права» раздела «Вещное право» ГК [1]. Одним из таких вещных прав является право личного пользования, больше известного в гражданском праве как узуфрукт, в настоящее время не представленного в ГК и практически заимствованного из законодательства зарубежных государств.

Этимология термина «узуфрукт» восходит к римскому частному праву. Семантическое значение данного понятия можно увидеть в соответствующих словарях. Например, «Латинско-русский словарь к источникам римского права» содержит определение узуфрукта, в соответствии с которым «*ususfructus* — это полное пользование, пользование есть личная служебность, полное право пользования и извлечения (получения) плодов из чужой вещи, без распоряжения ее материальным составом» [2]. Суть узуфрукта в римском праве, исходя из определения, данного римскими юристами, заключается в «постоянном и динамичном поддержании баланса между контрарными интересами собственника и узуфруктария, точка

пересечения которых — сохранение целостности субстанции вещи» [3]. Таким образом, основным условием узурфрукта является сохранение целостности вещи, на которую он установлен, а главной особенностью считается право пользования чужой вещью с возможностью извлечения из нее плодов. Возможность распоряжения вещью здесь отсутствует — в узурфрукт включены только правомочия владения и пользования вещью. При уничтожении вещи узурфрукт становится невозможным, так как исчезает его предмет.

В дальнейшем узурфрукт возникает в правовых системах европейских стран романо-германской правовой семьи. На сегодняшний день данный институт урегулирован законодательством большинства европейских государств, в частности Франции, Германии, Италии, Болгарии, Чехии, Грузии и др. Например, нормы об узурфрукте мы можем увидеть в ГК Грузии, Гражданском законе Латвии, Германском гражданском уложении (ГГУ), Французском гражданском кодексе (ФГК), Законе Эстонии о вещном праве и др.

Так, в соответствии со ст. 578 ФГК узурфрукт во Франции представляет собой право пользования вещами, являющимися собственностью другого лица, таким же образом, как это делает сам собственник, но только с обязательством сохранять их существенные качества [4], ГГУ содержит определение узурфрукта, которым признается возможность обременения вещи таким образом, чтобы лицо, в пользу которого установлено такое обременение, имело право извлекать выгоды пользования вещью (ст. 1030 ГГУ) [5].

В праве Франции пользователь (узурфруктуарий) в зависимости от целей узурфрукта, особенностей его установления и вещей, на которых он устанавливается, является либо сингулярным узурфруктуарием (имеющим узурфрукт на определенный материальный или нематериальный объект), либо универсальным (имеет узурфрукт на все переданное имущество), либо долевым (имеющим узурфрукт на определенную долю материального или нематериального объекта).

По общему правилу в соответствии с ФГК узурфрукт устанавливается на определенный срок с условием или без оговорок, возникает либо на основании договора, либо в силу закона. Прекращение его происходит как по общим основаниям (например, смерть узурфруктуария, гибель вещи, истечение срока узурфрукта), так и по основанию неиспользования права в течение срока, составляющего 30 лет (ст. 617 ФГК).

В германском праве узурфрукт устанавливается как на движимые и недвижимые вещи, так и на права (пожизненную ренту, на требование, в том числе на требование, по которому уплачи-

ваются проценты, на поземельный или рентный налог, ценные бумаги), ФГК предусматривает установление узурфрукта на любые виды вещей — как на движимые, так и на недвижимые. Предметом узурфрукта в Германии может также являться имущество, понимаемое как совокупность вещей. При этом узурфрукт устанавливается на каждый конкретный предмет в составе имущества (ст. 1085 ГГУ). Правила установления узурфрукта применяются также в отношении узурфрукта на наследство.

Мы видим, что ФГК установлена возможность пользования вещью лицом, которому она передана либо таким же образом, как это делает собственник, без оговорки о праве извлечения из вещи каких-либо выгод, а ГГУ прямо устанавливает право извлечения выгоды от пользования вещью, не оговаривая обязанность пользовладельца использовать вещь как собственник. Представляется, что пользование вещью как собственником предполагает такое ее применение, в процессе которого сохранение потребительских свойств вещи становится необходимым для ее длительной эксплуатации, так как право пользования утрачивается с гибелью или повреждением вещи, делающим невозможным извлечение из нее плодов и доходов, что и подтверждается принимаемым пользовладельцем на себя обязательством сохранения существенных качеств вещи. Однако возникает вопрос, извлекает ли собственник вещи доходы и плоды, ведь он вправе пользоваться вещью без получения от нее доходов.

Так как условием узурфрукта также является сохранение существенных свойств вещи, предметом узурфрукта может быть вещь, которая в течение длительного времени сохраняет свои свойства — движимая или недвижимая.

В гражданском праве Грузии узурфрукт также является самостоятельным ограниченным вещным правом и понимается как передача недвижимой вещи в пользование другому лицу таким образом, чтобы оно пользовалось вещью так же правомочно, как пользовался бы ею собственник, при этом не допуская пользования вещью третьими лицами и не имея права, в отличие от собственника, закладывать, отчуждать или передавать по наследству вещь (узурфрукт) (ст. 242 ГК Грузии) [6]. Установление узурфрукта осуществляется по тем же правилам, что и приобретения недвижимых вещей. Узурфрукт является как возмездным, так и безвозмездным, устанавливается на определенный срок или бессрочно.

В соответствии с ГК Грузии субъектами узурфрукта могут быть как физические, так и юридические лица, объектом — только недвижимая вещь.

Таким образом, гражданским законодательством Грузии не оговаривается цель узуфрукта — он может быть установлен как с целью извлечения прибыли из вещи и осуществления предпринимательской деятельности, так и без таковой. Цель узуфрукта оговаривается сторонами при его возникновении, при этом узуфруктуар не вправе без согласия собственника изменять цель пользования вещью. Социальная модель узуфрукта, которую предполагается ввести в ГК, в грузинском праве отсутствует.

Интересным представляется право сторон перед установлением узуфрукта (как безвозмездного, так и возмездного) произвести описание состояния вещи, передаваемой в пользование по узуфрукту. В германском праве ГГУ предусматривает обязанность собственника и пользователя произвести описание в случае установления узуфрукта на совокупность вещей, каковая составляется должностным лицом, компетентным органом или нотариусом (ст. 1035 ГГУ). В случае если передается только вещь, а не совокупность вещей, пользователь имеет право провести оценку вещи при помощи экспертов. Таким образом, перед установлением узуфрукта на вещь стороны имеют возможность зафиксировать состояние вещи. В случае составления такой описи в дальнейшем снижается возможность возникновения спора по поводу качества вещи, переданной по узуфрукту, что является оправданным в силу достаточно частого применения данного института на практике. По сравнению с ГГУ и ГК Грузии ФГК говорит о том, что, хотя узуфруктуарий принимает вещь в том состоянии, в котором она находится, пользоваться он может ею начать лишь только после составления описи (в отношении движимого имущества) либо акта о состоянии (в отношении недвижимого имущества). Такая опись, как говорит нам ст. 600 ФГК, производится либо в присутствии собственника или в случае его отсутствия при надлежащем его уведомлении о производстве описи имущества.

Узуфрукт, возникающий на возмездной основе, предполагает внесение платы собственнику вещи, что прямо предусмотрено законом. Так, при возмездном узуфрукте, возникающем на основании договора, узуфруктуар обязан платить установленную по соглашению сторон арендную плату.

Правом узуфруктуара также является получение плодов от вещи, переданной по узуфрукту, выгоды, полученной не в результате обычного хозяйственного применения вещи. Однако в этом случае он обязан возместить собственнику вред, причиненный вещи вследствие использования вещи не в порядке обычного хозяйственного применения.

Отличительной особенностью узуфрукта в грузинском праве является установленная обязанность узуфруктуара — возмещение текущих расходов, проведение ремонта вещи, а также заботы о нормальном хозяйственном уходе за ней, хотя при этом узуфруктуар не несет ответственности за нормальный износ вещи.

Отличительной обязанностью узуфруктуара является производимое им страхование вещи на все время существования узуфрукта. В частности, страхование производится от стихийных бедствий, обстоятельств непреодолимой силы, от которых зависит существование вещи, обремененной узуфруктом. Обязанность страхования также установлена ГГУ, в частности пользователь обязан застраховать вещь на срок узуфрукта, право требования к страховщику принадлежит собственнику вещи. В случае если вещь застрахована, на пользователе лежит обязанность произведения страховых платежей в силу ст. 1045 ГГУ.

В случае уничтожения предмета узуфрукта, его повреждения или возникновения незапланированных расходов на содержание вещи обязанностью узуфруктуара является оповещение собственника о возникших обстоятельствах.

Если узуфруктуар несет дополнительные расходы на содержание вещи в случае возникновения незапланированных расходов при повреждении вещи, он вправе по окончании узуфрукта отделить от вещи предметы, которые он добавил к ней в результате этих мероприятий, или потребовать у собственника соответствующую компенсацию этих предметов (п. 6 ст. 244 ГК Грузии).

Узуфрукт прекращается по двум основаниям — по истечении срока узуфрукта (в случае срочного узуфрукта), смерти собственника вещи или в случае отчуждения вещи и перехода узуфрукта и права собственности к одному лицу. При прекращении узуфрукта, возникшего в силу договора, узуфруктуар обязан вернуть вещь собственнику.

Таким образом, мы видим, что в гражданском праве Грузии установлена обязанность узуфруктуария пользоваться вещью так как ею пользовался бы собственник. Следует отметить, что грузинские ученые выделяют так называемого хорошего хозяйственника, т. е. собственника, который использует вещь так, чтобы сохранить ее субстанцию [7].

Если ФГК нам говорил об использовании вещи пользователем как собственником вещи, то в ГК Грузии мы видим, что пользователь (узуфруктуар) должен пользоваться вещью как собственник с дополнительными обязательствами (страхование вещи, уплата обязательных платежей и др.). Мы можем предположить, что хороший

собственник должен использовать вещь в соответствии с ее назначением, добросовестно, не наносить вещи повреждения, влияющие на ее эксплуатацию, что по определению «хорошего» собственника возлагается на узурфруктуара.

Узурфрукт, по общему правилу, как ограниченное вещное право предполагает осуществление фруктуарием двух из трех основных полномочий собственника — пользования и владения. Право распоряжения вещью (передача другому лицу во временное пользование, передача узурфрукта на вещь и пр.) здесь чаще всего отсутствует, поскольку титульный собственник сохраняет свое право собственности, хотя не имеет возможности осуществлять в отношении вещи полномочия владения и пользования.

В соответствии с положениями проекта федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — проект ГК) [8], в российском гражданском праве предполагается закрепить обязательность государственной регистрации узурфрукта — в публичном реестре, если объект узурфрукта — движимая вещь, в едином государственном реестре прав, если объект узурфрукта — недвижимая вещь. По нашему мнению, учитывая, что узурфрукт относится к ограниченным вещным правам, обременяющим объект, проведение такой регистрации в условиях современ-

ной России является обоснованным, что исключит возможную недобросовестность как собственника вещи, так и узурфруктуария. Проектом ГК также предусматривается прекращение узурфрукта прекращение права личного пользования как по соглашению сторон, так и в судебном порядке по требованию собственником в случае систематического неисполнения обязательств пользователем в отношении обремененной вещи. Социальное пользование может быть прекращено также на основании одностороннего отказа пользователя. По нашему мнению, целесообразно дополнить основания прекращения узурфрукта также в связи с неиспользованием вещи в течение определенного срока, так как такое прекращение позволит избежать собственнику заявлять в судебном порядке требование о прекращении пользования по основаниям, которые предусмотрены п. 2 ст. 302.5 проекта ГК.

Таким образом, при введении узурфрукта в российское законодательство, опираясь на правовое регулирование данного института в зарубежных странах, необходимо также учитывать особенности функционирования общества, его готовность принять узурфрукт как отдельное ограниченное вещное право, а также неизбежные трудности правоприменения совершенно новых норм гражданского законодательства РФ на практике, в том числе при разрешении возникающих споров и защиты личного пользования различными способами.

-
1. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.
 2. Дыдынский Ф. М. Латинско-русский словарь к источникам римского права. Варшава, 1896. С. 38.
 3. Горбунов М.А. Система римского вещного права I—III веков нашей эры : монография. М., 2011. С. 13.
 4. См.: Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / пер. с фр., предисл., коммент., прим. В. Н. Захватаева. М. ; Берлин, 2012.
 5. См.: Бергман В. Гражданское уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому уложению. М., 2008.
 6. См.: Гражданский кодекс Грузии. СПб., 2002.
 7. См.: Хубуа, Г., Зарандия Т. Вещное право Грузии. М., 2013.
 8. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 347.918.2

Ю. О. Порошкина
Y. O. Poroshkina

Возможности использования медиации как альтернативного способа разрешения корпоративных споров и конфликтов

The Possibility of Using Mediation as an Alternative Dispute Resolution of Corporate Disputes

Представленная публикация посвящается проблемам и перспективам использования медиации как альтернативного способа разрешения различного рода корпоративных споров и конфликтов. Применительно к указанному вопросу автор отмечает, что медиация будет вполне применима как в спорах между хозяйствующими субъектами (корпорациями), так и во внутрикорпоративных спорах, поскольку данная процедура обладает существенными преимуществами перед судебным разбирательством. Следует подчеркнуть, что в данной статье приводятся аргументы, в частности, в отношении необходимости во избежание различных толкований дополнить некоторые нормы Закона о медиации указанием на возможность применять процедуры медиации к спорам, возникающим из корпоративных правоотношений.

Медиация; альтернативные способы разрешения споров; корпорации; корпоративные правоотношения; корпоративные споры; корпоративные конфликты

The publication is dedicated to some vital issues of the possibility of using mediation as an alternative Dispute Resolution of the different kinds of corporate disputes. With the regard to the mentioned issue the author notes that the mediation will be fully applicable both in disputes between economic entities (corporations) and in internal disputes since this procedure has significant advantages over litigation. It should be also emphasized that the author of the article summarizes the arguments, in particular, about the need to add some legal norms of the Law on mediation, stating the possibility of use of mediation for disputes arising from corporate relations.

Mediation; Alternative Dispute Resolution (ADR); economic entities (corporations); corporate relations; corporate disputes

Успешное развитие и функционирование бизнеса в современных условиях неразрывно связано с потребностью приспосабливаться к постоянно изменяющейся внешней обстановке. Известно, что любой коммерческой организации, претендующей на перспективную деятельность на соответствующем рынке необходимо постоянно выявлять возможные факторы как внутреннего, так и внешнего роста, а также по возможности изыскивать

максимально эффективные способы предотвращения и разрешения часто сопровождающих предпринимательскую деятельность конфликтов.

Действительно в сфере корпоративного права трудно на сегодняшний день выделить более проблемный вопрос, чем проблематика различных способов разрешения корпоративных конфликтов. Для грамотного решения указанной проблемы важно осознать ее истинную суть.

Безусловно, стоит признать, что во все времена и в любой коммерческой организации существует явный или скрытый конфликт интересов между лицами, от вкладов которых зависит эффективность деятельности такой организации (акционеры — «экономические собственники», менеджеры и директора компании, трудовой коллектив, кредиторы, сообщество в целом и др.). Этот конфликт обусловлен прежде всего ограниченностью единых для множества лиц экономических ресурсов организации, необходимых для полного удовлетворения постоянно возрастающих имущественных интересов всех.

Для доступа к ресурсу заинтересованные лица используют различные модели поведения (институты), как получившие закрепление в праве, так и нет. Результатом применения той или иной модели поведения может явиться ущемление интересов какой-либо группы лиц. Например, акционеры компании принимают решение о выплате дивидендов, в то время как трудовой коллектив организации недополучает причитающуюся ему заработную плату.

В литературе выработались различные понятия корпоративного конфликта и конфликта интересов. При этом под корпоративным конфликтом понимаются разногласия (споры) между участниками (инвесторами) и менеджерами общества в связи с нарушением прав участников общества, которые приводят или могут привести в суд с исками к обществу, контролирующему акционеру или управляющим по существу принимаемых ими решений, досрочному прекращению полномочий органов управления, существенному изменению в составе акционеров. В отличие от корпоративного конфликта конфликт интересов означает ситуацию, когда имеется высокая вероятность возникновения корпоративного конфликта, связанная с необходимостью выбора управленческого решения субъектом управления, собственные интересы которого вступают в противоречие с интересами компании [1]. Многообразие корпоративных конфликтов, а также потребность выявления оптимального метода реагирования в конкретной спорной ситуации обуславливают необходимость структурного и научно-обоснованного подхода к данному процессу. Как отмечают исследователи, корпоративный конфликт представляет собой процесс динамичный развивающийся. В своем развитии корпоративный конфликт проходит три периода:

- 1) предконфликтная ситуация;
- 2) открытый конфликт, включающий в себя этапы начала, развития и завершения конфликта;
- 3) послеконфликтный период [2].

Субъектами корпоративных конфликтов выступают корпорация, участники корпорации, управляющие корпорацией. Объектом корпоративных конфликтов являются отношения, связанные с реализацией прав участников корпорации, а также имущество корпорации.

В частности, одной из наиболее типичных форм корпоративных конфликтов являются конфликты, связанные с попыткой перехвата управления в АО или ООО, они обладают определенными характерными чертами. Очень часто катализатором возникающего конфликта может стать нарушение не правовых, а моральных норм; в подавляющем большинстве таких случаев определить кто прав, а кто виноват в конфликте, крайне затруднительно. За довольно небольшой промежуток времени ссора между партнерами может обрасти большим количеством исков и заявлений, поданных в компетентные органы, и для разрешения конфликта будет необходимо каждое из этих обращений в суды и в иные органы довести до логического завершения. Даже если одна из сторон получит положительное судебное решение, нет никаких гарантий, что проигравшая сторона не продолжит противоборство либо в суде, либо с использованием административного ресурса.

Озабоченность по поводу развития корпоративных конфликтов высказывают многие известные специалисты в области гражданского права. Так, например, Ю. К. Толстой подчеркивает, что поистине небывалой остроты достигли и социальные противоречия, раздирающие хозяйственные общества и товарищества как изнутри, так и извне [3]. Действительно подобная степень озабоченности небезосновательна, ведь конфликты в корпоративной сфере зачастую принимают столь большие масштабы, что причиняют ущерб не только частным, но и публичным интересам. Угрожающая стабильности гражданского оборота распространенность конфликтов стала поводом к реформе корпоративного законодательства (имеется в виду принятие в 2008–2009 гг. антирейдерского пакета законов) [4].

Каковы же видятся пути выхода из сложившейся ситуации? Стабилизировать ситуацию, возникающую внутри организации в связи с корпоративным конфликтом, можно путем изменения и совершенствования действующего законодательства, создания работающих на практике механизмов предотвращения и разрешения корпоративных споров. В данной связи, безусловно, необходима детальная научная разработка и законодательное урегулирование таких вопросов корпоративного управления, которые по тем или иным причинам не учтены действующим законодательством.

Для предотвращения негативных последствий конфликта, использования его в мирных целях необходимо прибегать к моделям поведения, учитывающим интересы всех тех лиц, от деятельности которых зависит успешность компании: конфликтом необходимо управлять во благо всех участвующих в нем сторон. Между тем на практике результаты применения избранной законодателем модели поведения, сколь ни была бы она выверена с точки зрения юридической техники, могут существенно различаться в силу действия специфических объективных условий, характерных для данного общества.

Именно поэтому в данной связи в России в настоящее время активно идет обсуждение возможностей использования важнейшей альтернативной процедуры разрешения споров — медиации для урегулирования различных споров, возникающих из гражданских правоотношений, а прежде всего упомянутых выше многочисленных споров и конфликтов, возникающих из корпоративных правоотношений. Даже навскидку можно привести множество аргументов в поддержку эффективности использования данного альтернативного способа разрешения корпоративных конфликтов. И здесь абсолютно все без исключения исследователи проблематики сходятся во мнении, что использование медиации может не только помочь снять определенную нагрузку с судей, но и предоставить сторонам правового спора более гибкий, быстрый и конфиденциальный инструмент урегулирования конфликта [5].

Известно, что институт медиации хорошо зарекомендовал себя в зарубежных странах как эффективный инструмент разрешения споров с участием предпринимателя. В России, несмотря на то что Федеральный закон РФ от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее — Закон о медиации) [6] принят не так давно, весьма активно идет развитие данного института. Соответственно на сегодняшний день можно сказать, что в нашей стране уже накоплен определенный практический опыт применения медиации [7], созданы и функционируют институты, занимающиеся развитием медиации (Центр медиации и права, Коллегия посредников по проведению примирительных процедур при ТПП России, Объединенная комиссия по корпоративной этике и Объединенная служба медиации (посредничества) при Российском союзе промышленников и предпринимателей и др.).

Напомним, что медиация в России сформировалась как самостоятельный правовой институт впервые в области именно предпринимательских и коммерческих отношений в связи с суще-

ствовавшей потребностью в конфиденциальном разрешении спора с учетом понимания предмета спора медиатором-экспертом. По своему определению медиация является одним из способов альтернативного разрешения спора, который представляет собой способ защиты прав и находит выражение в переговорах между сторонами спора с участием независимого третьего лица в целях разрешения возникшего спора по правилам, определенным сторонами спора или с согласия сторон спора третьим лицом — медиатором [8]. При этом способы альтернативного разрешения спора определены как альтернатива судебным и административным процедурам разрешения юридических конфликтов. Положительными моментами подобного посредничества являются возможность выбора сторонами посредника, с помощью которого будут разрешаться разногласия, а также возможность сторон активно участвовать в урегулировании конфликта и в вынесении окончательного решения по спору. Стороны сами приходят к компромиссному решению, а не получают его в качестве императива, при этом и ответственность как за принятие решения, так и за его выполнение лежит на самих сторонах.

Применительно же к рассматриваемому вопросу разрешения и предотвращения столь разнообразных корпоративных споров и конфликтов следует отметить, что медиация будет вполне применима как в спорах между хозяйствующими субъектами (корпорациями), так и во внутрикорпоративных спорах. При разрешении корпоративных конфликтов медиация обладает определенными преимуществами перед судебным разбирательством, а именно:

- медиатор не отстаивает позицию одной из сторон (как адвокат), а исследует их реальные интересы, на основе которых и может сформироваться приемлемое для обеих сторон решение;
- в медиации сильны диспозитивные начала, и, по сути, медиативное соглашение представляет собой гражданско-правовую сделку, а следовательно, стороны могут предусмотреть в нем то, что считают нужным. В данном случае над ними не будут довлеть формальные требования или процедура.
- процедура медиации занимает меньше времени, чем судебный процесс, последующее вступление в законную силу решения суда и исполнительное производство вместе взятые;
- затраты на выплату гонорара медиатору существенно меньше, чем затраты на юридическое сопровождение судебного процесса;
- в ходе разбирательства сохраняется полная конфиденциальность (судебные процессы же, как правило, публичны);

- если по окончании судебного процесса из зала суда уходят порой непримиримые враги, то в ходе медиации удастся сохранить партнерские отношения и в дальнейшем стороны продолжают сотрудничество в рамках общего бизнеса.

При этом применение медиации при конфликтах между компаниями имеет ряд преимуществ перед традиционными судебными тяжбами. Во-первых, судебные споры могут затягиваться, парализуя тем самым деятельность компаний. Во-вторых, они подчас требуют огромных затрат на юридические услуги (даже при том, что размеры госпошлины при обращении в суд у нас в стране небольшие). Наконец, в-третьих, судебная тяжба между компаниями, как правило, делает невозможными дальнейшие партнерские отношения, а также чаще всего наносит непоправимый вред репутации компании. Перечисленные проблемы может помочь разрешить медиация. Правда, для этого необходимо, чтобы стороны были заинтересованы в продолжении взаимовыгодного сотрудничества, а не в «уничтожении» одного из противников.

При внутрикорпоративных спорах медиация также является весьма востребованным методом, ведь разрешение корпоративных споров в суде всегда серьезно влияет не только на отношения сотрудников, но и на работу подразделений. А это сказывается на рыночной стоимости компании, приводит к утрате доверия со стороны партнеров и к потере клиентов. Медиация способна в такой ситуации не только разрешить конфликт на условиях конфиденциальности, но и стабилизировать ситуацию. Кроме того, по сравнению с судебным разбирательством спор разрешается достаточно быстро: процедуры медиации могут продолжаться от нескольких часов до нескольких недель. Однако бывает, что медиация завершается в течение одного дня. Вот почему важно, чтобы знаниями о медиации и соответствующими навыками владели представители юридических департаментов компаний. Также навыки медиации необходимы HR-специалистам и другим сотрудникам, по роду своей деятельности вынужденным разрешать спорные ситуации, стабилизирующие работу коллектива.

Одним из наиболее удачных примеров использования возможностей медиации в предотвращении корпоративных конфликтов, как показывает практика, является участие медиатора в переговорах акционеров ОАО при объединении пакетов акций крупных компаний в целях их защиты от рейдера. Здесь следует отметить следующее.

Известно, что вообще формальная процедура слияния или присоединения компании в России является более чем дорогостоящей сделкой. Некоторые авторы считают, что этот факт явля-

ется одной из основных причин, по которой в настоящее время в России сложилась несколько иная практика слияний и поглощений, чем за рубежом. Принято считать, что если за рубежом компании покупают, используя систему слияний и поглощений, предлагая за них «справедливую цену», то в России фирмы попросту отнимают, используя пробелы в законодательстве и откровенные противозаконные методы [9].

В свете вышесказанного актуальным аспектом становится защита от поглощения, под которой подразумеваются все действия, предпринимаемые советом директоров и топ-менеджментом корпорации-цели, направленные на снижение вероятности поглощения корпорации. Многими методами защиты корпорации вооружаются для того, чтобы заранее исключить выдвижение не согласованного менеджментом корпорации-цели тендерного предложения и не позволить своим акционерам продавать акции по несправедливо низкой цене [10]. В зависимости от ситуации инициаторами создания защиты от враждебного поглощения могут быть менеджмент, совет директоров или сами акционеры корпорации.

Углубляясь же в субъектный состав описываемых правоотношений, следует отметить, что акционер в ОАО — лицо независимое, соответственно он может по своему усмотрению в любой момент распорядиться принадлежащим ему пакетом акций, превратив его в деньги. В то же время в России существует большое количество ОАО с так называемой менеджерской собственностью, в которых контрольный пакет принадлежит группе топ-менеджеров (пять-десять человек).

Интересы совместного управления бизнесом в таких ОАО вступают в противоречие с интересами топов как акционеров. Если вверх берет коллективный интерес, то неизбежно приходится договариваться и объединяться, цементировать контрольный пакет акций в целях защиты его от размывания, прятать его от рейдера. Независимый посредник, принимающий участие в переговорах, поможет найти баланс интересов и подсказать такой вариант, который устроит всех собственников [11]. Безусловно, достичь успеха в подобной процедуре можно, на наш взгляд, лишь при условии добросовестного подхода к нему всех заинтересованных сторон: акционеров (участников) компании, топ-менеджеров и иных лиц, настроенных на конструктивный диалог и продолжение своих партнерских отношений.

Таким образом, учитывая все непростые особенности и нюансы российской практики корпоративных конфликтов, на наш взгляд, будет целесообразно использовать медиацию при разрешении корпоративных конфликтов в случаях, если:

- сторонами конфликта являются добросовестные компании, их акционеры (участники) или топ-менеджеры, дорожащие своими партнерскими отношениями, своей репутацией, настроенные на диалог и продолжение этих партнерских отношений;

- главными являются не правовые претензии, связанные с прошлым, а будущие интересы партнеров по бизнесу, возможность сохранения нормальных отношений в перспективе;

- для достижения своих целей стороны не используют в ходе конфликта сомнительные средства;

- отсутствует необходимость в создании юридических прецедентов, а также необходимость добиваться вынесения судебных решений против партнера по бизнесу.

Как небезосновательно предлагают некоторые авторы, медиация также может быть использована в качестве средства предупреждения корпоративных конфликтов как возможная добровольная плановая процедура на стадии конфликта корпоративных интересов. В частности, можно сделать вывод о том, что медиацию можно применять на стадии корпоративного спора в любых видах корпоративных споров. Однако

с точки зрения действующего законодательства может возникнуть вопрос о возможности такого решения.

В соответствии с Законом о медиации возможность применения процедуры медиации предусмотрена к спорам, возникающим из гражданских правоотношений (п. 2 ст. 1 Закона о медиации). При этом корпоративные правоотношения не вынесены отдельной категорией. Так что в данном случае может возникнуть проблемы в толковании указанной нормы. А поскольку доктринальный спор относительно природы правоотношений не должен влиять на возможность предпринимателя использовать медиацию в качестве способа защиты прав в корпоративных спорах, в данной связи весьма небезосновательным представляется, на наш взгляд, предложение во избежание различных толкований дополнить п. 2 ст. 1 Закона о медиации указанием на возможность применять процедуры медиации к спорам, возникающим из корпоративных правоотношений [12]. При этом стоит еще раз подчеркнуть столь важное преимущество медиации для субъектов корпоративной деятельности как нацеленность на сотрудничество.

-
1. См.: Шимбарева Е. В. Корпоративные конфликты и контроль: гражданско-правовой аспект. М., 2010.
 2. См.: Осипенко О. В. Институты корпоративного управления и акционерные конфликты в России. М., 2004. С. 87.
 3. См.: Толстой Ю. К. К разработке теории юридического лица на современном этапе // Проблемы современного гражданского права : сб. ст. М., 2001. С. 91.
 4. См.: Шимбарева Е. В. Корпоративные конфликты и контроль: гражданско-правовой аспект. М., 2010. С. 35.
 5. См., напр.: Добролюбова Е. А. Медиация в системе способов защиты прав предпринимателей : дис ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 15.
 6. См.: СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.
 7. См.: Добролюбова Е. А. Указ. соч. С. 87.
 8. См.: Давыденко Д. Медиация как примирительная процедура в коммерческих спорах: сущность, принципы, применимость // Хоз-во и право. 2005. № 5. С. 108–109.
 9. См.: Молотников А. Е. Слияния и поглощения — российский опыт. М., 2007; Рудык Н. Б. Методы защиты от враждебного поглощения. М., 2010; Астахов П. А. Противодействие рейдерским захватам. М., 2008.
 10. См.: Порошкина Ю. О. Некоторые правовые аспекты защиты от слияний и поглощений : монография. М., 2013. С. 87.
 11. См.: Колтунов И. В. Антирейдер или как методами корпоративного управления обеспечить корпоративную безопасность бизнеса // Акционерный вестник. 2010. № 12.
 12. См.: Добролюбова Е. А. Указ. соч. С. 22.

УДК 343.2

А. В. Денисова
A. V. Denisova

Правоположения как элемент системосохраняющего механизма в уголовном праве

Provisions as an Element of the Saving System Mechanism in the Criminal Law

В статье анализируется функционирование системосохраняющего механизма в отрасли уголовного права; выявляется роль и значение правовых положений в работе данного механизма. Особое внимание уделено исследованию их сущности и юридической природы; описаны конкретные виды правовых положений, имеющие значение для отрасли уголовного права.

Правоположения; коллизионные правила; системность; система уголовного права; системосохраняющий механизм

The article deals with the functioning of the saving system mechanism in the branch of criminal law; the role and the meaning of provisions in this mechanism's activity is explored. Much attention is paid to the research of their essence and legal nature; specific types of provisions that are important for the branch of criminal law are described.

Provisions; conflict rules; systemacity; the system of criminal law; the saving system mechanism

Отдельные уголовно-правовые нормы и институты, юридические формы их внешнего выражения, а также уголовно-правовые отношения не могут выполнить функции, стоящие перед отраслью уголовного права в целом, не способны решить возложенные на нее задачи. Есть в системе уголовного права нечто, что их объединяет, благодаря чему все вышеуказанные элементы интегрируются в единое целое, в рамках которого возможно их эффективное сосуществование и взаимодействие. Этим интегрирующим правовым спецсредством, по нашему мнению, является так называемый системосохраняющий механизм (он существует в любой правовой системе, но действует на разных уровнях, как на межотраслевом, так и на отраслевом), именно он обеспечи-

вает целостность и системность отрасли уголовного права, делает возможным согласованное взаимодействие всех вышеуказанных отраслевых элементов, упорядочивает и координирует их, а также регулирует воздействие внешних условий на уголовное право, обеспечивая относительную стабильность и достаточную динамичность уголовно-правового регулирования.

В качестве одного из значимых компонентов структуры данного обеспечительного механизма выступают правовые положения. В самом общем виде они трактуются как определенные коллизионные правила, выработанные в судебной практике для преодоления правовых коллизий и правовой неопределенности. Однако взгляды теоретиков разнятся относительно сущности данного

юридического явления. Так, по мнению известного ученого-юриста С. С. Алексеева, под правоположениями следует понимать «устоявшиеся типовые решения применения юридических норм, которые реально приобретают черты общих правил» [1]. Н. А. Власенко полагает, что правоположениями являются «юридические правила, выработанные в ходе правореализующей практики и направленные на ее обслуживание» [2]. Однако все исследователи едины в том, что данные правовые явления характеризуются своей функциональной направленностью на обслуживание нужд правоприменительной деятельности.

Правоположения создаются именно в процессе правоприменительной, а не правотворческой деятельности, вследствие чего их создателями являются судебные, правоохранительные и прокурорские органы. Правоположения не закреплены в официальных правовых источниках, они содержатся в индивидуальных правовых актах, принятых по конкретному уголовному делу. Кроме того, они уступают нормативно-правовым предписаниям по юридической силе и значению, более тесно связаны с фактическими обстоятельствами дела, как правило, не имеют собственных средств юридического обеспечения, но следуют отраслевым принципам, общим основам и смыслу уголовного законодательства и иных отраслевых источников. Они создаются первоначально в связи с наступлением конкретных жизненных фактов и только затем начинают применяться ко всем аналогичным фактам как общее правило. Иными словами, это устоявшиеся и признанные позиции правоприменительных органов, которые с наибольшей определенностью отражают волю законодателя и оказывают определенное юридическое воздействие на участников общественных отношений, относящихся к предмету уголовно-правового регулирования.

Так, правоположением можно признать правило о том, что действия виновного следует квалифицировать по п. «Г» ч. 2 ст. 158 УК [3] в тех случаях, когда имущество похищается из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся у живых лиц. Следовательно, хищение имущества, находившегося при потерпевшем, после его убийства не может быть квалифицировано по п. «Г» ч. 2 ст. 158 УК (см. Определение № 11-О11-99 [4], Определение Верховного Суда РФ от 12.04.2012 № 33-Д12-1 [5]). Данное правило сформировалось в процессе правоприменительной деятельности, не закреплено ни в одном из формально-юридических источников уголовного права, тем не менее оно строго соблюдается правоприменителями, исходя из анализа обзоров практики вышестоящих судебных органов. Очевидно, что вышеука-

занное правоположение соответствует принципам уголовного права (в первую очередь, справедливости и гуманизма), общим основам и смыслу уголовного законодательства и иных отраслевых источников, а также иноотраслевому законодательству (включая положения Конституции [6] о праве на личную неприкосновенность граждан). Данное правило появилось в правоприменительной деятельности после дополнения в 2002 г. состава кражи новым квалифицирующим признаком «из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем», первоначально оно было сформулировано в отдельных процессуальных документах в связи с наступлением конкретных жизненных фактов (как правило, связанных с убийством потерпевшего или обнаружением его мертвым), его признание не было повсеместным и только затем оно стало применяться ко всем аналогичным фактам как общее правило. В настоящее время это устоявшаяся и признанная позиция правоприменительных органов, которая с наибольшей определенностью отражает волю законодателя и оказывает существенное юридическое воздействие на субъектов охранительных правоотношений, возникновение которых обусловлено совершением уголовно наказуемых краж.

Таким образом, нужда в правоположениях возникает при выявлении возможности различного понимания уголовного законодательства и иных отраслевых источников, именно тогда правоприменитель вынужден в принимаемом индивидуальном правовом акте прописать единственно верный, по его мнению, смысл нормативно-правовых предписаний уголовно-правового характера. Иными словами, правоположения необходимы, чтобы исключить возможность различной интерпретации содержания воли правотворческих органов в юридической практике. В свою очередь они призваны «обслужить» данное конкретное уголовное дело, в связи с которым и принимается соответствующий правоприменительный акт. Однако далее в силу авторитета соответствующего государственного органа и обдуманности его позиции по данному вопросу, не вызывающей сомнения ни у теоретиков уголовного права, ни у практиков, сформулированные им выводы приобретают широкое действие, применяются при расследовании и рассмотрении других дел. При этом следование правоположениям не носит обязательного характера, они лишены властного начала; правоприменители не могут официально ссылаться на них в материалах уголовных дел. Иначе говоря, сделанные выводы по конкретному уголовному делу отделяются от фактических обстоятельств, послуживших поводом для их формулирования (фиксирования) в правоприменительных документах,

приобретают относительную самостоятельность. В то же время они неразрывно связаны с существующими уголовно-правовыми нормами, не могут применяться в отрыве от них, созданы для их обслуживания и приладки к актуальным потребностям социальной действительности.

Следовательно, правоположения следует признать своеобразными «праобразами» уголовно-правовых норм, дополнительным поднормативным средством юридического воздействия на общественные отношения. Как верно отмечают С. С. Алексеев и З. А. Незнамова, будучи объективированным результатом судебной и иной индивидуально-правовой деятельности компетентных органов, правоположения, не сливаясь с действующими нормами, представляют собой относительно самостоятельные правовые явления, специфическую разновидность правовой реальности; они лишены нормативности и формальной определенности, вырабатываются в ходе правореализующей деятельности и направлены на ее обслуживание, объективируются вовне в актах правоприменительных органов [7]. Иными словами, это некие рекомендательные установки, позиции правоприменительных органов, выраженные в индивидуальных правовых актах, принимаемых по конкретным уголовным делам, и негласно признанные, получившие поддержку со стороны иных правоприменителей, которые в свою очередь начинают им следовать повсеместно.

Нужда в правоположениях возникает в связи с тем, что в ряде случаев распространение предписаний уголовного законодательства на конкретные общественные отношения требует от правоприменительных органов дополнительных усилий: наиболее полного выражения государственной воли применительно к тому или иному уголовно-правовому отношению, ее развития, актуализации, а иногда и доформулирования. Именно такого рода правоприменительная деятельность и порождает правоположения. По своему содержанию всякое правоположение есть официальная позиция правоприменительного органа относительно понимания и реализации той или иной уголовно-правовой нормы в связи с возникновением определенной жизненной ситуации, подпадающей под действие уголовного закона. Юридической формой (своеобразным источником) для правоположений выступают, как правило, приговоры судов по конкретным уголовным делам, определения и постановления вышестоящих судебных инстанций, инструкции Генерального прокурора РФ и т. п.

Социологические исследования, проводимые автором настоящей статьи свидетельствуют о том, что правоприменители в своей профессиональной деятельности ориентируются на право-

положения; потому как и в судебной, и в прокурорской системах, и в правоохранительных органах принимаются меры по обеспечению единообразного разрешения принципиальных и спорных вопросов и считается ненормальным принятие разных, зачастую противоположных решений по аналогичным уголовным делам.

Относительно момента возникновения правоположения в специальной литературе высказана следующая точка зрения: «Лишь с момента закрепления в актах правоприменительных органов выработанные в ходе теоретического осмысления судебной практики правила преодоления коллизий норм права приобретают статус «правоположения», представляют собой относительно самостоятельные правовые явления, специфическую разновидность правовой реальности» [8]. Позволим себе не согласиться с данным высказыванием по той причине, что соответствующие положения правоприменительных актов приобретают статус «правоположения» не в момент закрепления в соответствующем индивидуальном правовом акте, а с момента их признания (одобрения) другими правоприменителями в виде следования им в своей практической деятельности, последующего опосредования в иных актах правоприменительных органов, в момент констатации их достаточно распространенной востребованности, признания их устоявшимися. Иначе говоря, когда соответствующее положение из единичного разъяснения по конкретному уголовному делу трансформировалось в некое общее правило, распространенное и общепризнанное в правоприменительной среде, тогда мы можем говорить о появлении нового правоположения.

Применение правоположений позволяет, не изменяя сложившейся системы уголовного права, преодолевать правовые коллизии и неопределенности в каждом конкретном случае возникновения соответствующей спорной ситуации. Таким образом, правоположения выступают одним из способов преодоления коллизионных и пробельных ситуаций, возникающих в системе уголовного права, дорабатывают ее, совершенствуют и видоизменяют, без задействования громоздкой и длительной процедуры внесения поправок и дополнений в действующие отраслевые формально-юридические источники. Именно правоположения в состоянии компенсировать естественное отставание уголовного права от динамики общественных отношений, могут устранять противоречия между относительным консерватизмом исследуемой отрасли права и изменчивостью общественной жизни, способны обеспечить их сцепку и системное взаимодействие. Все это подтверждает наш вывод о том, что правоположения являются важным

элементом системосохраняющего механизма в праве (в том числе и в уголовном праве).

Обобщая вышеизложенное, отметим, что правовоположения — это объективированные в индивидуальных актах правоприменительных органов специальные правила преодоления коллизионных и пробельных ситуаций, возникающих в системе уголовного права, признанные и одобренные иными правоприменителями, которые следуют им в своей профессиональной деятельности, придавая им тем самым востребованный характер.

В то же время правовоположения менее авторитетны, чем нормативно-правовые предписания, содержащиеся в формально-юридических источниках уголовного права, достаточны непрочны, их в любой момент можно отвергнуть или модифицировать в связи с изменением позиций правоприменительных органов. Так, во второй половине 1990-х гг. благодаря опубликованию в БВС РФ решений по ряду конкретных уголовных дел о незаконном предпринимательстве, сформировалось правовоположение, согласно которому при исчислении крупного дохода как конститутивного признака данного состава преступления необходимо вычитать из него понесенные преступником расходы, связанные с осуществлением незаконной предпринимательской деятельности (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17.12.1998 г. по делу Леонова) [9]. Однако впоследствии в связи с принятием Пленумом Верховного Суда РФ постановления от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» [10] данное правовоположение было отвергнуто в связи с изменением позиций высшей судебной инстанции и закреплением новых правил в отраслевом формально-юридическом источнике (в вышеназванном постановлении Пленума Верховного Суда РФ). В настоящее время согласно п. 12 данного постановления под доходом в ст. 171 УК следует понимать выручку от реализации товаров (работ, услуг) за период осуществления незаконной предпринимательской деятельности без вычета произведенных лицом расходов, связанных с осуществлением незаконной предпринимательской деятельности.

Отметим, что в специальной литературе подчеркивается необходимость трансформации правовоположений, сформулированных правоприменителями в индивидуальных правовых актах и не вызывающих сомнения ни у теоретиков, ни у практиков, в коллизионные нормы, их перевода в разряд нормативно-правовых предписаний путем опосредования в формально-юридических источниках уголовного права [11]. Однако следу-

ет учитывать, что соответствующие трансформационные процессы весьма протяженны по времени и ресурсозатратны (зачастую правотворческие органы достаточно далеки от нужд правоприменительной деятельности «на местах», своевременно не осведомлены о существовании тех или иных противоречий, пробелов или неопределенностей в сфере уголовно-правового регулирования, либо сами подталкивают к формулированию правовоположений, допуская различные логико-структурные дефекты в процессе уголовного правотворчества), в то время как потребности правореализационной практики вынуждают правоприменителей действовать здесь и сейчас, работать с имеющимися нормативно-правовыми предписаниями уголовно-правового характера, без оглядки на возможные в будущем изменения уголовного законодательства и других отраслевых источников. Поэтому правовоположения являются неотъемлемыми реалиями современной российской правовой системы, были, есть и всегда будут, они помогают правоприменителям преодолевать возникающие на практике соответствующие неоднозначные ситуации. Правоприменительная практика своими решениями нейтрализует многие неясности, противоречия и пробелы, существующие в системе уголовного права. Мы не считаем такой способ разрешения соответствующих ситуаций идеальным, однако признаем его наиболее оперативным и оптимальным способом поднормативного юридического воздействия на уголовно-правовые отношения в современных условиях.

Зачастую существующие нормативно-правовые предписания уголовно-правового характера наполняются реальным содержанием, начинают работать, активно применяться на практике, только после того как будут сформулированы правовоположения, их обслуживающие; без них они достаточно абстрактны и маловостребованны (особенно это прослеживается в случае той или иной формальной неопределенности, противоречивости или пробельности соответствующих предписаний). Однако в настоящее время судебная практика не может сослаться на ранее вынесенные решения, содержащие правовоположения — созданные ею правила, для обоснования принимаемого решения. В свете вышеизложенного представляется целесообразным закрепить на законодательном уровне право судей ссылаться в обоснование своих выводов по уголовному делу на опубликованные решения (в частности, Верховного Суда РФ) по конкретным делам, в которых разрешены спорные вопросы применения уголовно-правовых норм.

Итак, правовоположения в уголовном праве — это определенные обобщения и выводы, получаемые в ходе правореализационной практики; это

правила, выработанные в ходе правоприменительной деятельности и направленные на совершенствование и развитие системы уголовного права, на обеспечение согласованности и целостности функционирования отрасли, на ее эффективное взаимодействие с окружающей средой. Несмотря на то что правоположения достаточно активно применяются на практике, они не находят закрепления в формально-юридических источниках уголовного права (УК, международно-правовых актах, актах об амнистии; подзаконных нормативных правовых актах, принимаемых Правительством РФ для нормативного обеспечения определенных статей УК, и актах судебных органов

нормативно-прецедентного значения (постановлениях ЕСПЧ, решениях Конституционного Суда РФ) и нормативно-интерпретационного значения (постановлениях Пленума Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики по уголовным делам о конкретных видах преступлений). Тем не менее благодаря данному им элементу системосохраняющего механизма, функционирующая система уголовного права не остается беззащитной перед правовыми коллизиями, пробелами и неопределенностями, она как бы усиливает и дополняет себя неформальными правилами, тем самым гарантируя отраслевое единство и самосохранение.

-
1. Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 2. С. 93.
 2. Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984. С. 31.
 3. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
 4. См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2012 года // БВС РФ. 2012. № 10.
 5. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
 6. См.: Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
 7. См.: Алексеев С. С. Общая теория права : курс в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 351; Незнамова З. А. Коллизии в уголовном праве. Екатеринбург, 1994. С. 59–60.
 8. Яценко Б. В. Правоположения в уголовном праве // Гос-во и право. 2000. № 6. С. 35.
 9. См.: БВС РФ. 1999. № 7.
 10. См.: Там же. 2005. № 1.
 11. См.: Яценко Б. В. Указ. соч. С. 37; Чуличкова Е. А. Коллизионное толкование как способ преодоления коллизий уголовно-правовых норм // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. «Право». 2010. № 5. С. 48.

УДК 343.851.5

М. С. Кучина
M. S. Kuchina

Криминогенные дисфункции семьи

Criminogenic Disfunction of Family

В статье приводится типология семейных отношений, детерминирующих различные криминогенные дисфункции. Рассматривается формирование социальных механизмов компенсации криминогенных дисфункций семьи как одно из ключевых направлений уголовной политики.

Криминогенные дисфункции семьи; социальные компенсаторные механизмы; преступность; преступность несовершеннолетних

The article provides a typology of family relationships which determine different criminogenic disfunction. We consider the formation of social compensation mechanisms of criminogenic family disfunction as one of the most meaningful directions of criminal policy.

Criminogenic disfunction of family; social compensatory mechanisms; crime; juvenile delinquency

Проблема поиска причин преступности несовершеннолетних и путей ее предупреждения давно привлекает интерес ученых. Ювенальная преступность является одной из наиболее значимых проблем общества. И это не случайно, поскольку от того, кем вырастут дети — преступниками или законопослушными гражданами — зависит будущее страны. Профилактика преступности несовершеннолетних является важным условием снижения уровня преступности в целом.

Многие преступления, совершенные подростками, обусловлены дефектами семейного воспитания, дисфункциями семьи. Те дисфункции семьи, которые формируют у ребенка отрицательные качества личности, обуславливающие выбор соответствующего поведения, относятся к разряду криминогенных. Они возникают в результате

невыполнения семьей основных функций в отношении детей: воспитания, образования, контроля, первичной социализации.

Сравнение условий семейного воспитания подростков, совершивших преступление, с условиями воспитания правопослушных сверстников (данные опроса 350 несовершеннолетних преступников в возрасте от 14 до 18 лет: 107 чел. — в воспитательной колонии в Ставрополе, 80 чел. — в Липецке, 75 чел. — в Барнауле, 88 чел. — в Рязани, проведенного автором за период с 2009 по 2012 г.; данные опроса 350 правопослушных подростков в возрасте от 14 до 18 лет из разных городов России, проведенного автором за период с 2010 по 2011 гг.) позволило выявить криминогенные дисфункции семьи и рассчитать коэффициент криминогенности дисфункций семьи.

В основу расчета коэффициента криминогенности той или иной семейной дисфункции положен демографический и социологический анализ. Коэффициент криминогенности дисфункции семьи рассчитывался на основе вычисления соотношения распространенности той или иной дисфункции семьи в группе несовершеннолетних, совершивших преступление, и в группе несовершеннолетних, не совершавших преступлений. Например, применение насилия родителями в отношении детей в группе несовершеннолетних преступников фиксировалось в 24 % случаев, а в контрольной группе (правопослушные несовершеннолетние) эта дисфункция отмечалась лишь в 2 % случаев. Соответственно коэффициент криминогенности данной семейной дисфункции k будет равен

$$k = 24/2 = 12.$$

Коэффициент криминогенности дисфункции семьи — величина, показывающая, во сколько раз повышается вероятность возникновения преступного поведения у несовершеннолетних, воспитывавшихся в семье, в которой нарушены функции по воспитанию, образованию, контролю, первичной социализации. Величина рассчитанного коэффициента варьировалась в диапазоне от 1,7 (низкий коэффициент) до 35 (высокий коэффициент). Таким образом, предлагается следующая типология семейных отношений, детерминирующих различные криминогенные дисфункции:

1) тип семьи, в которой родители формируют криминогенные качества у ребенка, склоняют его к совершению преступления. По нашим расчетам коэффициент криминогенности данной дисфункции равен 14. По результатам наших исследований доля таких семей в общей структуре семей с той или иной криминогенной дисфункцией составляет 3 %;

2) тип семьи, в которой один из родителей или оба родителя употребляют наркотики. По нашим расчетам коэффициент криминогенности данной дисфункции семьи равен 13,5. По результатам наших исследований доля таких семей в общей структуре семей с той или иной криминогенной дисфункцией составляет 2,5 %;

3) тип семьи, в которой родители применяют насилие, жестокость по отношению к ребенку. По нашим расчетам коэффициент криминогенности данной дисфункции семьи равен 12. По результатам наших исследований доля таких семей в общей структуре семей с той или иной криминогенной дисфункцией составляет 10 %;

4) тип семьи, в которой имеют судимость родители либо другие родственники, которые прямо или косвенно оказывают негативное воздей-

ствие на взгляды и психику ребенка и служат негативным примером. По нашим расчетам коэффициент криминогенности данной дисфункции равен шести. По результатам наших исследований доля таких семей в общей структуре семей с той или иной криминогенной дисфункцией составляет 20 %;

5) тип семьи, в которой оба родителя злоупотребляют алкоголем. По нашим расчетам коэффициент криминогенности данной дисфункции семьи равен 11. По результатам наших исследований доля таких семей в общей структуре семей с той или иной криминогенной дисфункцией составляет 9 %;

6) тип семьи, в которой один из родителей злоупотребляет алкоголем (мать / мачеха). По нашим расчетам коэффициент криминогенности данной дисфункции семьи равен 7,8. По результатам наших исследований доля таких семей в общей структуре семей с той или иной криминогенной дисфункцией составляет 11,5 %;

7) тип семьи, в которой один из родителей злоупотребляет алкоголем (отец / отчим). По нашим расчетам коэффициент криминогенности данной дисфункции семьи равен 1,7. По результатам наших исследований доля таких семей в общей структуре семей с той или иной криминогенной дисфункцией составляет 14 %;

8) тип семьи, в которой родители используют неправильные методы педагогического воздействия на ребенка, не справляются с его воспитанием, утратили контроль над его поведением. По нашим расчетам коэффициент криминогенности данной дисфункции семьи равен трем. По результатам наших исследований доля таких семей в общей структуре семей с той или иной криминогенной дисфункцией составляет 30 %.

Семьи с криминогенными дисфункциями в зависимости от нарушения воспитательной функции можно разделить на следующие группы:

1) семьи, воспитательная функция которых ослаблена (педагогически несостоятельные семьи);

2) семьи, в которых выражена дефектность воспитательной функции (родители злоупотребляют алкоголем, употребляют наркотики, подают пример аморального поведения; жестоко обращаются с детьми, применяют по отношению к детям насилие; формируют у подростков криминогенные качества; наличие в семье судимых родителей либо других родственников, которые прямо или косвенно оказывают негативное воздействие на взгляды и психику ребенка и служат негативным примером).

Задача государственной политики состоит в том, чтобы создать условия, при которых бы успешно осуществлялся процесс социализации

несовершеннолетних. Осуществление мер воздействия на преступность обеспечивается конкретными органами и учреждениями, составляющими систему, под которой в научной литературе понимается множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и образующих определенное единство [1]. Субъектами предупредительной деятельности следует считать совокупность государственных и общественных организаций и граждан, осуществляющих на различных уровнях планирование мероприятий по предупреждению преступлений, управление этими мероприятиями или их непосредственную реализацию; имеющих в этой связи определенные права и обязанности и несущих ответственность за достижение намеченных целей [2].

Одним из эффективных способов профилактики преступности несовершеннолетних является создание социальных механизмов компенсации криминогенных дисфункций семьи. Функции, которые не выполняются семьей, должны быть реализованы вне ее, дисфункции семьи — компенсированы теми или иными социальными механизмами. В качестве социальных компенсаторных механизмов можно рассматривать деятельность различных государственных органов и социальных институтов, выполняющих функции социализации детей и подростков — те функции, которые по тем или иным причинам не выполняют родители. Данные механизмы призваны дублировать некоторые функции семьи. Они направлены на своевременную компенсацию детям и подросткам потерь, которые вызваны семейным неблагополучием или утратой родительской семьи.

Идея создания компенсаторных механизмов в целях профилактики преступлений отечественными криминологами высказывалась давно. М. М. Бабаев в структуре профилактики преступности выделял компенсирующие меры, которые используются в случаях, когда не созданы нормальные условия для воспитания отдельных людей (например, деятельность системы государственных учреждений для детей компенсирует отсутствие условий семейного воспитания) [3]. А. Б. Сахаров отмечал, что предупреждение преступлений должно рассматриваться как система мероприятий различного социального характера и содержания, осуществляемых на различных уровнях, в различных социальных сферах, применительно к характеру и иерархии причин преступности [4]. Г. М. Миньковский указывал, что нельзя забывать, что в области мер борьбы с преступностью несовершеннолетних характерен приоритет задач социального и раннего специального предупреждения преступлений [5]. Й. Вигх утверждал: «Общепризнанно, что в любом государстве наиболее эффективной формой борьбы с преступностью является

предупреждение. Именно поэтому нужно создать государственную и общественную сеть предупреждения преступности» [6].

На различные государственные органы, общественные организации, социальные институты возложены функции социализации детей и подростков. Исходя из этого мы выделяем виды социальных механизмов компенсации криминогенных дисфункций семьи. К числу таких механизмов относится деятельность следующих органов, учреждений и социальных институтов:

- общеобразовательные учреждения;
- специальные школы для трудных подростков (детей с аномалиями психики, гиперактивных детей, нравственно запущенных);
- специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, органов управления социальной защитой населения;
- органы и учреждения культуры, досуга, спорта и туризма;
- институт наставничества, шефства;
- институт приемной семьи;
- институт патронатного воспитания;
- институт социального патроната.

Реализация социальных механизмов компенсации криминогенных дисфункций семьи в социальной практике осуществляется в определенных формах. Формы реализации компенсаторных механизмов — это способы их осуществления и организации.

Социальные компенсаторные механизмы в зависимости от того, происходит изъятие ребенка из семьи или нет, подразделяются на:

- 1) компенсаторные механизмы, не связанные с изъятием ребенка из семьи;
- 2) компенсаторные механизмы, связанные с изъятием ребенка из семьи.

К формам реализации компенсаторных механизмов, не связанных с изъятием ребенка из семьи, относятся следующие:

- осуществление комплекса мер по улучшению воспитательной работы в школах;
- улучшение организации досуга несовершеннолетних;
- организация спортивно-трудовых лагерей для трудных подростков;
- введение института наставничества, проведение шефской работы с трудными подростками;
- обеспечение временной занятости подростков;
- осуществление социального патроната семьи.

К формам реализации компенсаторных механизмов, связанных с изъятием ребенка из семьи, относятся:

- временное помещение несовершеннолетнего, проживающего в семье, находящейся в социально-опасном положении, и нуждающегося в социальной реабилитации, в социально-реабилитационный центр;

- помещение детей на воспитание в замещающие семьи (приемные, патронатные).

Экономический анализ позволяет провести классификацию социальных механизмов компенсации криминогенных дисфункций семьи в зависимости от затрат, необходимых для реализации данных механизмов:

1) экономические компенсаторные механизмы:

- осуществление комплекса мер по улучшению воспитательной работы в школах;

- введение института наставничества, проведение шефской работы с «трудными» подростками;

- обеспечение временной занятости подростков;

2) затратные компенсаторные механизмы:

- улучшение организации досуга несовершеннолетних;

- организация спортивно-трудовых лагерей для трудных подростков;

- осуществление социального патроната семьи;

- помещение детей на воспитание в замещающие семьи (приемные, патронатные).

Проведенный нами экономический анализ показывает, что реализация первого направления требует, главным образом, организационных мер без серьезных материальных вложений. Вторая группа мер без соответствующего экономического обеспечения должным образом реализована быть не может. Неадекватное финансирование данной программы профилактики преступлений несовершеннолетних может обусловить то, что все запланированные меры окажутся лишь имитацией результативной деятельности.

Некоторые социальные компенсаторные механизмы находятся во взаимодействии, и конечный результат достигается именно этим взаимодействием. Например, школы, занимающиеся обучением и воспитанием несовершеннолетних, выполняют функции и в области профилактики правонарушений. То же самое можно сказать о деятельности клубов по месту жительства по вовлечению подростков в организованные формы досуга. Их совместная деятельность усиливает работу по социализации подростков. Развитие сети дошкольных учреждений, школ и групп продленного дня постепенно позволит добиться уменьшения случаев недостаточного контроля и надзора за детьми, воспитывающимися в неполных семьях, а также в семьях, в которых родители большую часть времени заняты на работе.

В отношении педагогически несостоятельных семей, а также семей, в которых родители злоупотребляют алкоголем, употребляют наркотики, аморально ведут себя, имеют судимость и прямо или косвенно оказывают криминогенное воздействие на ребенка, и при этом отсутствуют достаточные основания для ограничения или лишения родителей (одного из них) родительских прав, предлагается устанавливать социальный патронат. Социальный патронат — комплекс мер, направленных на создание нормальных условий для физического и нравственного развития ребенка, сохранение за ним родительского попечения путем оказания семье педагогической, психологической, медицинской, социальной и иной помощи в воспитании, развитии и защите прав несовершеннолетнего. Социальный патронат не предусматривает изъятие ребенка из семьи.

Эффективность форм реализации социальных компенсаторных механизмов (в отношении педагогически несостоятельных семей), которые по экспертным оценкам влияют на повышение уровня социализации несовершеннолетних и компенсируют криминогенные дисфункции семьи, подтверждается данными, полученными при опросе подростков-правонарушителей. По данным исследования 24 % подростков, совершивших преступление, ответили, что дополнительный контроль и внимание со стороны учителей способствовали бы предотвращению совершенного ими преступления; 43 % из них указали, что своевременное улучшение организации их досуга способствовало бы предупреждению совершенного ими преступления; 32 % подростков-правонарушителей ответили, что своевременная помощь в трудоустройстве могла бы повлиять на предупреждение совершенного ими преступления.

При дефектности воспитательной функции семьи требуется применение особых социальных компенсаторных механизмов. В случаях, когда родители жестоко обращаются с детьми, формируют у подростков криминогенные качества, предлагаем развивать институт замещающих семей (приемные, патронатные). Государство должно создавать механизмы, компенсирующие ребенку все то, что он утратил в результате неблагоприятных условий воспитания в родительской семье.

Эффективность функционирования замещающих семей (приемной, патронатной) для успешной социализации подростков и компенсации криминогенных дисфункций семьи, по экспертным оценкам, возможна при осуществлении:

- более тщательного отбора замещающих родителей;

- профессионального обучения замещающих родителей;

- профессионального сопровождения замещающих семей;
- более тщательного контроля за замещающими родителями.
Таким образом, в качестве одного из

ключевых направлений уголовной политики можно рассматривать формирование социальных компенсаторных механизмов, которые способствуют минимизации криминогенных дисфункций семьи.

1. См.: Бакаев А. А. Система профилактики правонарушений несовершеннолетних : монография. М., 2003. С. 19.
2. См.: Там же. С. 23.
3. См.: Бабаев М. М. Значение профилактики в борьбе с преступностью // Сов. юстиция. 1973. № 19. С. 24.
4. См.: Сахаров А. Б. Социальная система предупреждения преступлений // Сов. гос-во и право. 1972. № 11. С. 67.
5. См.: Миньковский Г. М. Личность несовершеннолетнего преступника и современные проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних в СССР : дис. ... докт. юрид. наук. М., 1972. С. 359.
6. Вигх Й. Некоторые вопросы предупреждения преступности несовершеннолетних // Несовершеннолетние: их возрастные особенности и проблемы правовой ответственности : сб. науч. тр. М., 1992. С. 104.

УДК 343.236.1

Г. А. Насимов
G. A. Nasimov

Неоконченные преступления в уголовном законодательстве зарубежных стран

Unfinished Crime in the Criminal Law of Foreign Countries

В статье анализируются неоконченные преступления в уголовном законодательстве зарубежных стран. Проведен сравнительный анализ отечественного законодательства и законодательства зарубежных стран. Выявлены существенные отличия различных законодательных систем в области неоконченных преступлений.

Неоконченное преступление; приготовление к преступлению; покушение на преступление

The article analyzes the unfinished crime in the criminal law of foreign countries. A comparative analysis of the national legislation and the legislation of foreign countries. Revealed significant differences between the various legal systems in the area of unfinished crimes.

Uncompleted crime; preparation of a crime; attempted crime

В отличие от отечественного уголовного права, которое устанавливает уголовную ответственность не только за покушение на совершение преступления, но и за приготовление к преступлению, большинство уголовных законов зарубежных стран не предусматривает ответственности за приготовление к совершению преступления. «Международное уголовное право знает стадию приготовления к преступлению, которая выражается в заговоре (сговоре) с целью последующего совершения преступления» [1]. Следует отметить, что в УК КНР в отличие от большинства зарубежных уголовных кодексов предусматривается ответственность за приготовление к преступлению. Причем обязательное снижение срока или размера наказания за неоконченное преступление отсутствует. Правда, возможность полного осво-

бождения от уголовного наказания за приготовление к преступлению существует. Китайское законодательство формулирует статьи, посвященные неоконченным преступлениям следующим образом:

«Статья 22

Приготовлением к преступлению признается приискание орудий, создание условий для совершения преступления.

За приготовление к преступлению можно назначить наказание более мягкое, чем за оконченное преступление, наказание ниже низшего предела либо освободить от наказания.

Статья 23

Покушением на преступление признается действие, непосредственно направленное на совершение преступления, если при этом преступление

не доведено до конца по причинам, независящим от воли преступника.

За покушение на преступление можно назначить наказание более мягкое, чем за оконченное преступление, либо наказание ниже низшего предела» [2].

Голландское уголовное право также предусматривает уголовную ответственность за приготовление к преступлению с 1994 г. (ст. 46). В статье, посвященной приготовлению, говорится о случаях, когда приобретение вещей осуществляется в целях совершения совместного преступления. Данное посягательство наказывается тюремным заключением на срок не менее восьми лет. Так квалифицируется, например, приобретение оружия для использования его при ограблении банка, которое лицо планирует совершить совместно с кем-либо еще. Целью ст. 46 является получение возможности применять уголовную ответственность за подготовительные действия до момента совершения лицом покушения или оконченного преступления.

В соответствии с Нидерландским уголовно-процессуальным законодательством полицейским даны соответствующие полномочия по предотвращению запланированных преступлений, находящихся в стадии подготовки.

Уголовный кодекс Японии в ст. 43 устанавливает ответственность за покушение, но в ст. 44 оговаривает, что ответственность за него возможна лишь тогда, когда это предусмотрено в конкретных стадиях о соответствующем преступлении.

Уголовное законодательство Республики Корея 1987 г. в ст. 25–29 также описывает разновидности незавершенного преступления (покушение). В отличие от этого кодекса УК Народно-Демократической Республики в редакции 1993 г. наряду с покушением в ст. 15 и 16 предусматривает ответственность за приготовление. Само понятие «приготовление» не раскрывается, но содержит положение о том, что ответственность как за приготовление к преступлению, так и за покушение на него зависит от степени опасности и тяжести последствий [3].

В ч. 3 ст. 24 УК Республики Казахстан предусматривается уголовная ответственность за покушение на преступление, причем она возможна за покушение только на преступление средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое [4].

Своеобразно ответственность за приготовление регламентируется УК Украины, которым устанавливается, что уголовная ответственность не наступает за приготовление к преступлению небольшой тяжести. В ст. 12 УК Украины преступления в зависимости от степени тяжести подразделяются на преступление небольшой тяжести,

средней тяжести, тяжкие, особо тяжкие [5]. Таким образом, по украинскому законодательству уголовная ответственность за приготовление к преступлению возможна за три из четырех категорий преступлений. В других уголовных кодексах государств постсоветского пространства вопросы неоконченного преступления решаются сходно с российским законодательством.

В российском УК [6] уголовная ответственность за приготовления ограничена лишь приготовлением к тяжкому и особо тяжкому преступлению, тем самым законодатель учел исторический опыт не только отечественного уголовного права, но и уголовного законодательства стран Запада, которое обычно устанавливает уголовную ответственность только за покушение, а наказание за приготовление распространяется лишь на некоторые, исключительные преступления.

Нередко в общей части уголовного кодекса провозглашается наказуемость лишь покушения, а ответственность за приготовление предусматривается статьями, устанавливающими ответственность за отдельные преступления. Например, УК Швеции 1962 г. в ч. 2 ст. 23 предусматривает наказание за приготовление к преступлениям, совершаемым с применением ядов, взрывчатых веществ, оружия [7].

Многие зарубежные уголовные кодексы предусматривают ответственность за сговор. Например, в уголовном законодательстве Испании дается следующее определение сговора: «Наличие сговора существует, когда двое или более лиц договариваются между собой в совершении преступления и решают его полностью». Наряду со сговором испанское законодательство устанавливает ответственность за подстрекательство и провоцирование. «Наличие предложения существует, когда лицо, решившее совершить преступление, предлагает другому лицу или другим лицам исполнить его» [8]. Под провокацией испанский кодекс понимает непосредственное побуждение лица к совершению преступления, которое способствует соглашению информации или перед скоплением народа.

В отличие от многих систем общего права в УК Голландии сговор не считается неоконченным преступлением. Сговор на совершение особо опасных преступлений является наказуемым, так же как и оконченное преступление. Так, наказание за сговор на преступление против государственной безопасности рассматривается ст. 96 и 103 УК Голландии [9].

В уголовном законодательстве Испании установлена ответственность за сговор, подстрекательство и провоцирование преступления. Сговор и предложение совершить преступление

наказывается только в случаях, прямо предусмотренных законом. Необходимо отметить, что уголовная ответственность наступает не за каждый сговор, подстрекательство и провоцирование, а только в случаях, когда речь идет о некоторых преступлениях, перечисленных в Особенной части УК, а именно о преступлениях против жизни (ст. 141), о незаконном лишении свободы (ст. 163) и о мятеже (ст. 477).

Институт сговора, традиционно существующий в англо-американском праве, включен в уголовные кодексы в ряде других государств, принадлежащих к континентальной системе права. Например, сговор по УК Испании 1995 г. наказуем лишь в случае, когда виновные приступают к осуществлению своего замысла.

В отличие от испанского законодательства уголовное право Англии и США предусматривает ответственность за сговор как за оконченное преступление в случае, если двое или более лиц договариваются между собой совершить преступление даже сравнительно небольшой тяжести, а порой и просто противоправные действия.

Необходимо отметить, что сговор был включен и в новый УК, но не в качестве самостоятельного правового института, а как одна из разновидностей приготовления к преступлению (ч. 1 ст. 30).

Такой вид неоконченного преступления как покушение на преступление содержится практически во всех зарубежных уголовных кодексах. Отсутствие уголовной ответственности за приготовительные действия в большинстве стран Запада заменяется зарубежными законодателями расширением формулировки покушения на совершение преступления. Несмотря на различие между ними в деталях в большинстве западных стран термин «покушение» сводится к достаточно широкому понятию «начало исполнения». Так, в п. «е» ч. 3 ст. 25. римского статута Международного уголовного суда от 17.07.1998 дается следующее определение покушения на преступление: преступление осталось незавершенным по обстоятельствам, не зависящим от намерения данного лица. Это позволяет включить в него действия, которые в нашем уголовном законодательстве могли бы считаться лишь приготовлением к совершению преступления.

Так, УК Дании предусматривает уголовную ответственность только за покушение на преступление, причем случаи наказания за покушение определены в соответствующих статьях. В Особенной части УК Дании после главы о половых преступлениях следует ст. 179, в которой сказано, что «покушение на совершение деяний, предусмотренных тремя предыдущими статьями, наказуемо» [10].

Детализирует виды покушения УК Швейцарии 1937 г. Например, ст. 21 предусматривает понятие неоконченного преступления, ст. 22 — оконченного, а ст. 23 — негодного. По первым двум разновидностям может быть назначено более мягкое наказание, а по третьему виду суд может смягчить наказание по своему усмотрению, либо вообще освободить от него [11].

В разд. 5 Примерного УК США, который представляет собой не закон, а его модель, неоконченное преступление наряду с понятием сговора включает в себя понятие покушения на совершение преступления, а также квалификацию этих действий. Покушение на совершение преступления по американскому кодексу определяется следующим образом: лицо является виновным в покушении на совершение преступления, если, действуя с той формой виновности, которая при иных обстоятельствах требовалась бы для совершения этого преступления, оно:

а) с целью осуществляет поведение, которое составило бы это преступление, если бы сопутствующие обстоятельства были такими, какими оно себе их представляет;

б) в случае, когда элементом посягательства является причинение определенного результата, делает что-либо с целью причинить или в предположении, что это причинит такого рода результат без какого либо дальнейшего с его стороны поведения;

в) с целью делает что-либо или не делает чего-либо, что при обстоятельствах, какими оно себе их представляет, является действием или бездействием, составляющим существенный шаг в ходе поведения, рассчитанного на то, что оно завершится совершением преступления.

Ответственность за неоконченные преступления в зарубежном уголовном праве определяется по-разному. Так, ст. 3.5 УК Испании устанавливает, что «наказуемыми являются оконченное преступление и покушение на преступление. Проступки наказываются только тогда, когда они были окончены, за исключением покушения на преступление против личности и имущества» [12]. Таким образом, наказанию подлежит только виновный в покушении на преступление, а виновный в покушении на проступок наказывается лишь в случаях, когда он совершает посягательство против личности или имущества. В то же время УК Испании предусматривает обязательное смягчение наказания на одну или две степени за покушение на преступление.

Уголовное законодательство США предусматривает смягчение ответственности за совершение неоконченного преступления, в случае если общественная опасность этого преступления по

своему характеру настолько мала, способна иметь своим результатом совершение преступления или завершаться совершением преступления, что ни это доведение, ни деятельность не представляют общественной опасности, суд имеет право вынести решение и приговор в отношении преступления разряда или низшей степени или, в крайнем случае, суд может прекратить уголовное преследование. Уголовное право США запрещает множественность осуждения, то есть при наличии одновременно покушения, подстрекательства и сговора или любых двух из этих форм поведения в отношении одного и того же преступления, вменяется в вину какая-либо одна форма.

По уголовному законодательству ФРГ покушение на преступление наказуемо всегда, покушение на проступок лишь в том случае, если это прямо предусматривается законом. Покушение может наказываться мягче, чем оконченное деяние, если же лицо не сознает, что покушение либо из-за вида объекта, на который покушение направлено, либо из-за средств, с помощью которых должно было осуществиться, вообще не могло привести к окончанию деяния, то суд может отказаться от наказания или смягчить его по своему усмотрению. Таким образом, законодательство ФРГ предусматривает в качестве неоконченного преступления только покушение на совершение преступления.

Сходно вопрос решается в ст. 121-5 УК Франции 1992 г.: «Попытка совершения преступления имеет место тогда, когда явно выражена началом исполнения, она была прервана или ее последствия не наступили только в силу обстоятельств, независимых от воли ее исполнителя» [13].

Зарубежное уголовное законодательство вопросы, связанные с неоконченным преступлением, регламентирует иначе, чем уголовное пра-

во РФ. Это связано с различием в уголовно-правовой политике и мерах, применяемых для борьбы с неоконченными преступлениями, а также с разным историческим опытом исследования этого уголовно-правового института. Большинство зарубежных кодексов не выделяют приготовления к преступлению и не назначают за него уголовной ответственности. Как правило, в общей части зарубежных уголовных кодексов провозглашается уголовная ответственность за покушение на преступление, а наказание за приготовление распространяется лишь на некоторые, исключительные преступления (в основном, относящиеся к государственным преступлениям). Отсутствие уголовной ответственности за приготовительные действия в большинстве стран Запада заменяется зарубежными законодателями расширением формулировки покушения на совершение преступления.

Несмотря на некоторые различия в определении покушения на преступление, оно сводится к достаточно широкому понятию «начало исполнения». Это позволяет включать в него действия, которые в нашем уголовном законодательстве могут признаваться лишь приготовлением к совершению преступления. Особенностью многих зарубежных кодексов является самостоятельное использование такого института, как сговор. Понятие сговора включено и в наше уголовное законодательство, но не в качестве самостоятельного основания ответственности, а как одна из форм приготовительных действий.

И самое существенное, зарубежное законодательство не использует понятий стадий предварительной преступной деятельности. Это чисто российское явление, которое постепенно уходит из уголовного законодательства государств постсоветского пространства.

1. Адельханян Р. А. *Преступность деяния по международному уголовному праву*. М., 2002. С. 20
2. *Уголовный кодекс Китайской Народной Республики* / под ред. А. И. Кораблева. СПб., 2001. С. 24–25.
3. См.: Иванов А. М., Корчагин А. Г. *Уголовный закон и уголовная политика на Корейском полуострове*. Владивосток, 2002. С. 48.
4. См.: *Уголовный кодекс Республики Казахстан*. СПб., 2001. С. 26.
5. См.: *Уголовный кодекс Украины. Комментарий отдельных положений* / сост. Н. И. Хаврюшок. Киев, 2001.
6. См.: *Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ*. 1996. № 25. Ст. 2954.
7. См.: *Уголовный кодекс Швеции* / под ред. Н. Ф. Кузнецова и С. С. Беляева. СПб., 2001. С. 220.
8. *Уголовный кодекс Испании*. М., 1998. С. 14.
9. См.: *Уголовный кодекс Голландии* / под ред. Б. В. Волженкина. СПб., 2000.
10. *Уголовный кодекс Дании* / под ред. С. С. Беляева. СПб., 2001. С. 112.
11. См.: *Уголовный кодекс Швейцарии*. М., 2000. С. 9–10.
12. *Уголовный кодекс Испании*. М., 1998. С. 15.
13. *Уголовное законодательство зарубежных стран*. М., 2000. С. 197.

УДК 343.225

С. А. Огурцов
S. A. Ogurtsov

Невменяемость: комплексный подход

Insanity: Comprehensive Research

В статье с использованием междисциплинарного подхода анализируются правовые и медицинские критерии невменяемости. В ходе исследования правового критерия автор приходит к выводу, что он состоит из памяти, концентрации внимания, мышления, а также восприятия, которые подвержены психическим расстройствам. Кроме того, особое внимание в статье уделяется медицинскому критерию, поскольку в уголовно-правовой доктрине сформировалось неверное толкование без учета современных тенденций в сфере судебной психиатрии.

Юридический и медицинский критерий невменяемости; сознание и воля; психическое расстройство

The article with the use of interdisciplinary approach analyses legal and medical criteria of insanity. During the study of legal criterion the author comes to a conclusion that it consists of memory, concentration, mentality, as well as perception, which are affected by psychic disorder. Besides, a special attention in the article is paid to medical criterion, because in the criminal law doctrine it was formed a misinterpretation as a result of disregarding of modern developments in the sphere of mental and legal psychiatry.

Legal and medical criteria of insanity; consciousness and intention; psychic disorder

Наиболее глубокие нарушения интеллектуально-волевой сферы приводят, как правило, к невменяемости. Согласно ч. 1 ст. 21 УК [1] не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, т. е. не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики.

Понятие «невменяемость» конструируется на основании двух критериев — юридического и медицинского.

Юридический критерий невменяемости означает, что у лица отсутствует способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) либо руководить ими. Содержание данного критерия составляют интеллектуальный и волевой признаки. Первый из них означает, что лицо при совершении общественно опасного деяния не могло понимать социально значимый характер своих действий (бездействий). Согласно второму признаку лицо при совершении общественно опасного деяния не может воздержаться от его совершения или выполнить возложенные на него обязанности.

Между интеллектуальным и волевым признаками юридического критерия невменяемости стоит разделительный союз «либо». Это означает, что для юридического критерия невменяемости необязательно устанавливать одновременно и интеллектуальный, и волевой признаки, достаточно констатировать наличие хотя бы одного из них. Необходимо отметить, что при отсутствии интеллектуального критерия всегда исключается и волевой, тогда как при отсутствии возможности руководить своими действиями (бездействию) у лица может сохраниться возможность к осознанию фактического характера и общественной опасности своих действий (бездействия) [2].

Сознание и воля являются основой произвольной регуляции человека, состоящей из четырех элементов:

- 1) память;
- 2) внимание;
- 3) мышление;
- 4) восприятие.

В психологии уровень развития внимания и восприятия считается достаточным в тех случаях, когда появляются способности адекватно отражать существенные связи и отношения предметов и явлений внешнего мира, как и существенные признаки самих этих предметов и явлений в пределах, необходимых для ориентации в содержании и последствиях действий, значимых для уголовного закона. Однако применительно к сформированности интеллектуально-мнестических функций решающим является возможность адекватного восприятия не только физических тел, но и ситуаций взаимодействия людей и так называемых информационных объектов — устных, письменных, графических, знаковых систем, фиксирующих определенные правила, запреты, последствия нарушения последних. Иначе уровень восприятия не может быть оценен как достаточный — эта способность должна сочетаться с наличием психологического механизма коррекции ошибочного выбора объектов внимания и селекции ненужных вариантов [3].

Для характеристики интеллектуально-мнестических функций основополагающее значение имеет память, под которой в психологии понимается процесс запечатления, сохранения и воспроизведения следов прошлого опыта и его организации, создающего возможность целесообразного поведения путем повторного использования этого опыта в деятельности [4].

Требуемый уровень памяти для привлечения лица к уголовной ответственности связан со следующими параметрами:

- достаточный объем долговременной памяти для запечатления и хранения комплекса базовых норм морали и правил поведения;

- способность к прочному запечатлению;
- способность к воспроизведению соответствующей информации точно по смыслу и без существенных ограничений объема;
- наличие достаточного темпа извлечения информации из долговременной памяти для ее использования при решении познавательных и поведенческих задач;
- избирательность запечатления, хранения и воспроизведения информации, обусловленная направленностью личности, ее ценностными ориентациями и мотивами [5].

Последним элементом, который относится к данной сфере, является мышление. Под ним психологи понимают множество разных по организации, уровню и средствам психических процессов, осуществляющих решение проблемных задач, которые возникают как в обыденной жизни, так и в сфере профессиональной деятельности [6]. Исходя из понятия «мышление» психологи наполняют его содержание следующими свойствами:

- понятийность мышления, связанная с ним способность к обобщению, достаточная для осознания и прогнозирования (моделирования) будущего поведения;
- способность к осознанному восприятию, интериоризации (или, по крайней мере, следованию нормам в силу осознания негативных последствий нарушения нормативных стандартов поведения);
- категориальный характер анализа и оценки событий, ситуаций, идей, норм и т. д. как сходных или различных между собой и как относящихся к определенному типу, классу, что позволяет, несмотря на «свернутость», стереотипность оценки, обоснованно определить значимость или незначимость объекта;
- критичность как способность к осознанию и устранению ошибок в моделируемых и фактических действиях. Выделенный параметр достаточной зрелости мышления тесно связан, с одной стороны, с более широким понятием — возможностью опосредования своего поведения, включающей осознание мотивов, целей деятельности, а с другой стороны — с критичностью, правильной оценкой своего «Я» и др. [7].

Предусмотренные в Международной классификации болезней десятого пересмотра (МКБ-10) психические расстройства могут оказывать существенное влияние на память, внимание, мышление, восприятие, регуляцию, прогноз, критику, на эмоциональную сферу лица, совершившего общественно опасное деяние.

В зависимости от степени выраженности психического расстройства и глубины нарушения интеллектуально-мнестической и эмоционально-волевой сферы у лица, совершившего общественно

опасное деяние, оно может быть оценено как невменяемость.

Второй критерий, который характеризует невменяемость, является медицинским. В ч. 1 ст. 21 УК закреплена система болезненных форм психических расстройств, при установлении которой можно констатировать наличие медицинского критерия невменяемости. В эту систему входят хронические психические расстройства, временные психические расстройства, слабоумие либо иные болезненные состояния психики.

В доктрине уголовного права вопросами невменяемости занималась большая группа ученых, которые предлагали авторские определения перечисленных в ч. 1 ст. 21 УК признаков медицинского критерия невменяемости, а также отнесения той или иной нозологической формы психического расстройства к группе хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики.

Думается, что подходы, посвященные медицинскому критерию невменяемости, являются дискуссионными по следующим основаниям.

Во-первых, при определении хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики в современной литературе по судебной психиатрии используется более четкая характеристика этих категорий, которая была разработана в последнее десятилетие.

Во-вторых, неправильное установление содержания данных категорий не позволяет отне-

сти ту или иную нозологическую форму психического расстройства к хроническому психическому расстройству, временному психическому расстройству, слабоумию или иному болезненному состоянию психики.

В-третьих, отнесение той или иной нозологической формы психического расстройства к хроническому психическому расстройству, временному психическому расстройству, слабоумию или иному болезненному состоянию психики носит весьма условный характер, что было подробно продемонстрировано М. В. Усюкиной на примере эпилепсии. Так, судебно-психиатрическая оценка эпилепсии может быть отнесена к наиболее сложным и одновременно наименее разработанным проблемам судебной психиатрии. В значительной степени это связано с теми затруднениями, которые возникают при выборе того или иного критерия невменяемости. Затруднения определяются с той мнимой легкостью, с которой всегда может быть избрана категория «хроническое психическое расстройство». Тем не менее злоупотребление подобным выбором может в последующем приводить к неоправданной тактике ведения таких больных, в том числе при определении мер медицинского характера. Наиболее целесообразным представляется выбор медицинского критерия, наиболее полно и точно очерчивающего те психические расстройства, которые играют роль ведущего психопатологического синдрома на момент совершения общественно опасного деяния, о чем свидетельствует следующая таблица.

Таблица

№ п/п	Критерий	Идиопатический		Симптоматический		Всего	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	Хроническое психическое расстройство	10	8,8	40	35,4	50	44,2
2	Временное психическое расстройство	2	1,8	18	15,9	10	17,7
3	Слабоумие	15	13,3	28	24,8	43	38,1
4	Иное	0	0	0	0	0	0

Анализируя медицинский критерий невменяемости у обследованных больных, следует отметить, что в 44,2 % можно было говорить о хроническом психическом расстройстве (8,8 % при идиопатической и 35,4 % — при симптоматической), в 17,7 % — о временном психическом расстройстве (значительно преобладало при симптоматической эпилепсии — 15,9 %, идиопатической — 1,8 %), в 38,18 % — о слабоумии (13,3 % — при идиопатической, 24,8 % — при симптоматической) [8].

Исходя из всего вышесказанного, можно попытаться раскрыть содержание хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики, а также те нозологические формы психических расстройств, которые к ним относятся.

Хронические психические расстройства характеризуются нарастающей клинической динамикой, так называемой прогрессирующей

С медицинской и клинической позиций эти состояния проявляются продуктивными симптомами, как то: бред, галлюцинации, иллюзии, аффективные расстройства. Имеют тенденцию к постепенному нарастанию либо затуханию. Первое связано с прогрессирующей (нарастанием), второе — с терапевтическим вмешательством, обрывающим их, либо с спецификой течения болезни, связанной со спонтанностью возникновения продуктивных расстройств и их обрывом. При хроническом психическом расстройстве может наблюдаться длительная ремиссия, которая может продолжаться пять, десять и более лет, или вообще прекращение продуктивных расстройств, что в ряде случаев требует иной экспертной оценки.

Продуктивные психические расстройства по мере развития заболевания сменяются негативными нарушениями, среди них — изменения эмоционального фона, волевой регуляции, познавательный дефицит. По мере нарастания негативных симптомов отмечается психический дефект, который в конечной стадии может достигнуть слабоумия.

В общем, хронические психические расстройства объединяют не только шизофрению, но и в соответствии с современной классификацией болезней также шизотипические, шизофреноподобные и шизоаффективные состояния. Сюда же могут быть отнесены эндогенные нарушения (маниакально-депрессивный психоз), выраженные сосудистые заболевания, состояния, связанные с опухолевыми процессами в головном мозге.

Временные психические расстройства — наиболее редкие в судебной психиатрии и практике состояния. Ранее в психиатрии их называли исключительными. Они сопровождаются динамизмом, как правило, выраженным нарушением сознания, ориентировки, продуктивными психопатологическими состояниями в виде иллюзий, галлюцинаций и бредовой трактовки окружающего. Эти состояния мимолетны и получили в медицине название «транзитивность». Примерами могут служить нарушения сознания по типу патологического аффекта, просоночных состояний, патологического опьянения. Они отличаются определенной парадоксальностью: в момент их развития человек выделяется высокой степенью общественной опасности. В силу актуализации психопатологических расстройств лицо не может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия). Однако после нивелировки таких расстройств восстанавливаются критические способности и эмоционально-волевая реакция.

Слабоумие подразумевает ряд состояний, не только связанных с нарушениями интеллекта

и познавательной деятельности в детстве (некоторые варианты умственной отсталости — имбецильность, идиотия), но и отличающихся нарастанием неврологических и психопатологических симптомов и синдромов. Прогрессирующая наблюдается при эпилепсии, атеросклеротических заболеваниях, сосудистых и опухолевых заболеваниях, интоксикационных заболеваниях, при которых слабоумие является терминальным (конечным) этапом заболевания.

Иное болезненное состояние психики объединяет гетерогенную по нозологической принадлежности группу. К иному болезненному состоянию психики могут быть отнесены нарушения, характеризующиеся клиническим атипизмом и не укладывающиеся в классическое представление из юридической классификации о хронических психических расстройствах, временных психических расстройствах и слабоумии. Это состояния, которые могут быть связаны с сочетанием не одного, а нескольких соматических факторов, обуславливающих развитие психопатологического состояния, при котором нарушается способность к прогнозу, критике и волевой регуляции поведения. Примерами могут служить галлюцинации и бред на фоне соматического истощения и туберкулезной интоксикации при туберкулезе, выраженная психическая незрелость при замедлении психического и физического развития при органическом поражении головного мозга, эндокринных нарушениях, при психическом и физическом инфантилизме и др.

Отнесение той или иной нозологической формы психического расстройства к хроническому психическому расстройству, к временному психическому расстройству, слабоумию или иному болезненному состоянию психики является весьма условным, потому что решение о них принимается индивидуально в каждом конкретном случае. Кроме того, необходимо учитывать характер протекания психического расстройства, влияющего на осознание фактического характера и общественной опасности своих действий либо руководство ими, потому что возможны случаи, которые не приводят к полной утрате интеллектуально-волевой сферы, а только частично поражают ее.

Некоторые правоведы и психологи ставят вопрос об исключении из медицинского критерия невменяемости указания на хроническое психическое расстройство, временное психическое расстройство, слабоумие либо иное болезненное состояние психики, предлагая заменить его термином «психическое расстройство». Так, Р. Р. Тугушев утверждает, что в медицинском критерии невменяемости не следует выделять каких-либо

видов психических расстройств. В качестве обоснования автор пишет о сложности отнесения той или иной нозологической формы психического расстройства к хроническому психическому расстройству, временному психическому расстройству, слабоумию или иному болезненному состоянию психики. Кроме того, распределение болезней по указанным в ст. 21 УК видам психических расстройств (хроническое психическое расстройство, временное психическое расстройство, слабоумие, иное болезненное состояние психики) абсолютно не влияет на решение вопроса о признании лица невменяемым, и такое распределение представляется лишним смысловой нагрузки [9].

Думается, что приведенные аргументы являются неубедительными. Действительно, отнесение той или иной нозологической формы психического расстройства к хроническому психическому расстройству, временному психическому расстройству, слабоумию или иному болезненному состоянию психики является весьма сложным экспертным вопросом. Однако эксперты-психиатры получают высшее медицинское образование специального профиля для того, чтобы они могли точно определить, к какому признаку медицин-

ского критерия невменяемости относится та или иная нозологическая форма психического расстройства.

Кроме того, нельзя согласиться с тем, что выделение хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики лишено всякого смысла. Его основополагающее значение состоит в том, что при выяснении нозологической формы психического расстройства и отнесении ее к хроническому психическому расстройству, временному психическому расстройству, слабоумию или иному болезненному состоянию психики суд может применить определенные виды принудительных мер медицинского характера, поскольку принудительное лечение каждого больного должно осуществляться в строгом соответствии с видом психического расстройства и характером его протекания.

Следовательно, удаление из ч. 1 ст. 21 УК таких категорий, как хроническое психическое расстройство, временное психическое расстройство, слабоумие или иное болезненное состояние психики, не имеет никакого теоретического и практического оправдания.

-
1. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
 2. См.: Ткаченко А. А., Яковлева Е. Ю. Психосексуальные расстройства, исключаящие вменяемость // Практика судебно-психиатрической экспертизы / под ред. Т. Б. Дмитриевой. М., 2008. С. 65–66; Вандыш-Бубко В. В., Сафуанов Ф. С. Ограниченная вменяемость: судебно-экспертологический анализ // Юрид. психология. 2009. № 2. С. 9.
 3. См.: Ситковская О. Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1999. С. 10.
 4. См.: Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М., 2009. С. 446.
 5. См.: Ситковская О. Д. Указ. соч. С. 11.
 6. См.: Большой психологический словарь ... С. 376.
 7. См.: Ситковская О. Д. Указ. соч.
 8. См.: Усюкина М. В. Психические расстройства при эпилепсии и их судебно-психическое значение : дис. ... д-ра мед. наук. М., 2001. С. 224.
 9. См.: Тугушев Р. Р. Невменяемость: уголовно-правовое значение и проблемы отграничения от вменяемости и ограниченной вменяемости : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 130–140; См. также: Ситковская О. Д. Использование психологических познаний для определения общих условий уголовной ответственности. М., 2005. С. 31.

УДК 343.123.5

О. А. Чабукиани
O. A. Chabukiani

Институт предъявления обвинения нуждается в упразднении

Arraignment Needs Abolishment

В настоящей статье рассматриваются понятие предъявления обвинения, последовательность и сроки допроса лица в качестве обвиняемого, анализируется процессуальный статус подозреваемого и обвиняемого по действующему законодательству, предлагается упразднение рассматриваемого института с учетом реформирования уголовного судопроизводства. Высказываются плюсы и минусы такого упрощения, предлагаются пути совершенствования законодательства в части предварительного расследования.

Предъявление обвинения; допрос обвиняемого; процессуальный статус обвиняемого; процессуальный статус подозреваемого

The definition of arraignment, the sequence and terms of interrogation of an accused person are considered; procedural status of a suspected and accused person are analyzed according to the actual legislation; and abolishment of the arraignment institution is in consideration of the reforms in criminal proceedings is suggested. All the pros and cons of summary investigation are considered: the ways of preliminary investigation legislation are suggested.

Arraignment; interrogation of an accused person; procedural status of an accused person; procedural status of a suspect

Изучением процессуального статуса подозреваемого, обвиняемого занимались многие ученые [1]. Вместе с тем назрела необходимость переосмысления ряда положений законодательства в целях исключения дублирования работы и обеспечения реализации прав участников процесса. В обоснование данной точки зрения на возможное упразднение института предъявления обвинения проанализируем ч. 4 ст. 46 и 47 УПК [2].

Все пункты практически идентичны, однако имеется ряд разночтений, определенных процессуальным положением участников.

При раскрытии прав подозреваемого необходимо «знать, в чем он подозревается, и по-

лучать копию постановления о возбуждении против него уголовного дела, либо копию протокола задержания, либо копию постановления о применении к нему меры пресечения» (п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК);

Аналогичное право обвиняемого с учетом приобретенного им статуса сформулировано иначе: «знать, в чем обвиняется» (п. 1 ч. 4 ст. 47 УПК); «получать копию постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, копию постановления о применении к нему меры пресечения, копию обвинительного заключения или обвинительного акта» (п. 2 ч. 4 ст. 47 УПК).

Ошибочна позиция законодателя о том, что знакомить с постановлением о назначении

судебной экспертизы, ставить вопросы эксперту и знакомить с его заключением обязан лишь следователь, поскольку это право участника предусмотрено не в ст. 46, а в п. 11 ч. 4 ст. 47 УПК. Иными словами, при точном следовании норме закона в случае возникновения дополнительных вопросов и необходимости предоставления ряда объектов следователю придется назначать повторные экспертизы, что затянет сроки расследования и усложнит производство по уголовному делу.

При расследовании же в форме дознания это право теряет всякий смысл, так как у участника своевременно не выясняются существенные вопросы по назначаемому экспертному исследованию, а он лишь формально знакомится с документами непосредственно при ознакомлении со всеми материалами уголовного дела.

Согласно анализу изученных нами 250 уголовных дел небольшой и средней тяжести, находящихся в производстве следователей органов внутренних дел, лишь в 7 % из них осуществлялась переквалификация деяния. Таким образом, в абсолютном большинстве уголовных дел подозрение просто перерастало в обвинение после проведения ряда следственных действий, а в 91-м случае — после придания статуса доказательств материалам первоначальной подготовки, т. е. объем информации оставался прежним — изменялись лишь наименования документов (объяснение — допрос; заключение специалиста — заключение эксперта и т. д.). Но ситуация кардинальным образом меняется при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений.

Кто-то скажет: «Но ведь хотя квалификация остается той же, может измениться содержание предъявляемого обвинения». Да, согласны, однако: 1) по правилам производства по уголовному делу обвинение может быть изменено или дополнено; 2) следователь обладает соответствующей квалификацией, чтобы грамотно сформулировать подозрение и обвинение (в отличие от дел частного обвинения, где заявитель сам выдвигает обвинение, а дело считается возбужденным с момента принятия соответствующего заявления), т. е. в вопросах квалификации доверяет государство частным гражданам, но не правоохранительным органам.

Выяснение у лица, «считает ли он себя виновным, если да, то полностью или частично», не после предъявления обвинения, а в ходе допроса в качестве подозреваемого, поможет на более ранних стадиях расследования выяснить, готово ли оно оказывать содействие в расследовании, и можно ли констатировать наличие деятельного раскаяния. Также это нововведение будет способствовать реализации прав подозреваемого в ходе

дознания. Ведь при расследовании в форме дознания, осуществляемом в общем порядке и в сокращенной форме, обвинение не предъявляется, и с момента принятия УПК до сегодняшнего дня законодатель не исправил это положение, т. е. не считает отсутствие в ходе расследования допроса обвиняемого существенным нарушением прав участника.

Таким образом, если предоставить подозреваемому ряд дополнительных прав, в частности право на ознакомление со всеми материалами после вынесения существующего обвинительного заключения, то права обвиняемого в ходе предварительного следствия по уголовным делам небольшой и средней тяжести, возбужденным в отношении конкретного лица, никаким образом нарушены не будут.

О необходимости видоизменения института предъявления обвинения неоднократно говорилось в юридической литературе [3].

Это с теоретической точки зрения, теперь посмотрим с практической.

Во-первых, в науке уголовного процесса существовало единое мнение о том, что привлечение лица в качестве обвиняемого «является переломным моментом досудебных стадий уголовного судопроизводства, когда следователь принимает решение о том, что им собрана достаточная совокупность доказательств, позволяющих вменить конкретному лицу, совершившему преступление, облеченный в специальный акт материально-правовой тезис обвинения» [4]. Но при наличии существующей формы дознания можно сказать, что у дознавателей такой «переломный момент» есть не что иное, как окончание расследования (составление обвинительного акта).

Во-вторых, доказательства должны быть достаточны для предъявления обвинения. А разве уголовное дело следователь, дознаватель возбуждает без достаточных оснований и следственные действия в отношении конкретного участника тоже проводят лишь при мнимых основаниях и условиях?

Подтверждением необходимости введения упрощенного досудебного производства, на наш взгляд, служат положения п. 1 ст. 6 Европейской конвенции «О защите прав и основных свобод», Пекинских правил, Рекомендаций комитета министров Совета Европы от 17.09.1987 «Об упрощении уголовного правосудия» [5], а также требования высокопоставленных должностных лиц [6].

Основываясь на историческом опыте России, можно выявить ряд аргументов против протокольной формы досудебной подготовки материалов:

- нарушение конституционных прав участников процесса;
- протокол по своей сути являлся результатом административно-процессуальной деятельности, но не уголовно-процессуальной [7];
- отсутствие института обвинения;
- отсутствие четкой регламентации правового статуса участников упрощенного производства.

Теперь ответим на вопрос: «А нужно ли упрощать?» Приведем пример: *лицо задержано с порошкообразным веществом, являющимся наркотическим средством, и его массы достаточно для возбуждения уголовного дела.*

Основаниями для возбуждения уголовного дела в настоящее время служат: 1) протокол личного досмотра; 2) объяснения лиц, участвующих в качестве понятых при личном досмотре; 3) рапорт сотрудника полиции о доставлении лица в орган дознания; 4) объяснение сотрудников полиции, осуществивших личный досмотр (в зависимости от практики структурного подразделения составляет не всегда); 5) осмотр места происшествия (может быть составлен в зависимости от обстоятельств задержания); 6) сопроводительное письмо на медицинское освидетельствование; 7) сопроводительное письмо на оперативное исследование изъятого вещества; 8) заключение об отнесении изъятого вещества к наркотическим или психотропным и о его массе; 9) само изъятое вещество.

Если количество вещества не достигнет крупного размера, в возбуждении уголовного дела будет отказано; если размер будет определен как крупный, уголовное дело поручат расследовать дознавателю в форме дознания (п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК); в случае признания размера особо крупным — следователю в форме предварительного следствия (п. 3 и 5 ч. 2 ст. 151 УПК).

А в чем разница доказывания? Следственные действия одинаковы: допросы одних и тех же участников; химические экспертизы изъятого вещества одними и теми же экспертами; возможные обыски по месту жительства и работы подозреваемого. Разница лишь в том, что следователь после проведения названных действий предъявит лицу обвинение и допросит в качестве обвиняемого, а дознаватель составит обвинительный акт и ознакомит с ним обвиняемого. При этом в ходе допроса выясняются повторно обстоятельства, установленные на основании показаний очевидцев при получении объяснения. Таким образом, работа первоначальной проверки дублируется в полном объеме — видоизменяются лишь названия документов. Кто-то скажет, что это существенно, так как лицом приобретает статус участника при принятии следователем или дознавателем процессуального решения. Да, но почему не пре-

дусмотреть появление того или иного участника на более раннем этапе уголовного судопроизводства? Чем и какие права будут нарушаться? Например, статус понятых уже разъяснен при личном досмотре или возможном осмотре места происшествия. В ходе расследования их допрашивают в качестве свидетелей, разъясняя при этом ст. 51 Конституции [8]; а также право давать объяснения на родном языке или языке, которым они владеют; заявлять отводы переводчику; заявлять ходатайства и приносить жалобы; являться на допрос с адвокатом, ходатайствовать о применении мер безопасности, т. е. все права, предусмотренные ч. 4 ст. 56 УПК. Права подозреваемого на стадии возбуждения уголовного дела в такой ситуации также не ущемляются, а реализуются в полном объеме с момента фактического задержания (ст. 46 УПК, ст. Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [9]). Если рассматривать общественно опасные деяния, наносящие вред, то и здесь не будет ущемления и прав потерпевшего, так как должностное лицо при получении объяснения обязано разъяснить ему права, предусмотренные ст. 42 УПК, ибо этот участник в силу ч. 1 указанной статьи приобретает статус с момента причинения вреда, а не с момента вынесения процессуального решения о признании потерпевшим.

Существенным различием двух форм будет являться срок производства (общий срок дознания 30 суток; предварительного следствия — два месяца). Это искусственное порождение волокиты, дублирования действий, значительное увеличение объема работы и затрат бюджетных средств (особенно если в деле участвует переводчик), несвоевременное возмещение причиненного вреда, что подрывает авторитет правоохранительных органов, оттягивает момент наказания виновных, приводит к недостижению целей не только уголовного судопроизводства, но и уголовно-исправительной политики государства.

Одним из выходов из данной ситуации может послужить упрощение расследования по отдельным категориям уголовных дел, в том числе исключение института предъявления обвинения по уголовным делам небольшой или средней тяжести в случае возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, а также расширение перечня следственных действий, допустимых до возбуждения уголовного дела, и переосмысление правил подследственности, с тем чтобы задачи следователя и дознавателя различались по сути, а не формально. При положительном решении вопроса об упрощении производства принципиально важно предусмотреть не сделку с подозреваемым («Ты сознайся, а мы упростим расследование»), а механизм объективного расследования в максимально сжатые сроки.

1. См.: *Андреянов В. А. Обвинение в российском уголовном процессе: понятие, сущность, значение и теоретические проблемы реализации* : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009 ; *Захожий Л., Мельник С. Вопросы, возникающие при применении протокольной формы досудебной подготовки материалов // Сов. юстиция. 1987. № 1 ; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1970.*
2. См.: *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921.*
3. См.: *Гаврилов Б. Я. О мерах по законодательному совершенствованию досудебного производства // Рос. следователь. 2011. № 16 ; Касаткина С. А. Признание обвиняемого : монография. М., 2010. С. 19–21.*
4. *Крюков В. Ф. Уголовное преследование в досудебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора. М., 2010. С. 24.*
5. См.: *Совет Европы и Россия : сб. документов. М., 2004. С. 502.*
6. См.: *Доклад министра внутренних дел РФ генерала армии Рашида Нургалиева на расширенном заседании коллегии МВД России от 6 февраля 2006 г. // Шит и меч. 2006. № 884.*
7. См.: *Захожий Л., Мельник С. Указ. соч.; Строгович М. С. Указ. соч.*
8. См.: *Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.*
9. См.: *РГ. 2011. 8 февр.*

УДК 343.21

Б. В. Яцеленко
B. V. Yatselenko

Толкование уголовного закона как способ преодоления его неопределенности

Interpretation of the Criminal Law as a Way to Overcome its Uncertainty

В статье анализируется природа рекомендаций Верховного Суда РФ нижестоящим судам, содержащихся в его постановлениях по вопросам применения уголовного закона. Отстаивается позиция о необходимости отказа от расширительного и ограничительного толкования уголовно-правовых норм. Обосновывается целесообразность совершенствования содержащейся в ст. 3 УК нормы, характеризующей содержание принципа законности.

The article examines the nature of the recommendations of the Supreme Court to the lower courts, contained in its decisions on the application of the criminal law. Defended the position of the need to abandon the expansion and restrictive interpretation of criminal law. The feasibility of improving contained in Art. 3 Criminal Code, which characterizes the content of the principle of legality.

Уголовный закон; толкование; прецедент толкования; постановления Пленума Верховного Суда РФ; коллизии

Criminal law; interpretation; precedent for interpretation; Resolution of the Plenum of the Supreme Court; collision

По своему основному функциональному назначению толкование уголовного закона направлено на уяснение его содержания, установление выраженной в нем воли законодателя. Кроме того, анализ судебной практики показывает, что толкование уголовного закона нередко выступает в виде способа преодоления неопределенности уголовно-правовых предписаний, содержащихся в статьях Общей и Особенной части УК [1]. О неопределенности уголовного закона свидетельствуют присущие ему оценочные признаки, специальная терминология, несовершенные конструкции отдельных норм и институтов, обуславливающие появление коллизий и пробелов уголов-

но-правового регулирования, которые нуждаются в устранении либо преодолении. Примером существования неопределенного нормативного предписания, отрицательно влияющего на практику деятельности органов уголовной юстиции, может, в частности, служить норма ст. 315 УК, устанавливающая ответственность за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта. Содержащийся в ней термин «злостное неисполнение», будучи по своей природе оценочным, не получил однозначной интерпретации как в самом уголовном законе, так и в доктрине уголовного права. В обзоре практики применения ст. 315 УК, подготовленном Генеральной

прокуратурой РФ и ФССП России, отмечается, что «при решении вопросов о наличии или отсутствии злостности в действиях (бездействии) должника органы дознания и прокуроры на местах ориентируются на сложившуюся в регионе практику и собственный опыт, основанный на анализе совокупности обстоятельств, характеризующих признаки исследуемого преступления. Невозможно сформулировать универсальные признаки (критерии) злостности неисполнения решения суда» (письмо ФССП России от 16.06.2014 № 00040/14/34207-АП «Об обзоре практики применения статьи 315 Уголовного кодекса Российской Федерации»).

В подобного рода случаях одним из способов преодоления неопределенности уголовного закона выступает его толкование компетентными участниками правотворческой и правоприменительной деятельности. В отечественной правовой системе длительное время функцию преодоления неопределенности уголовного закона выполняло так называемое аутентичное толкование, осуществлявшееся тем органом, который издал толкуемый нормативный правовой акт. Таким органом был в свое время Верховный Совет РСФСР, в обязанность которого согласно п. 8 ст. 109 Конституции РСФСР [2] вменялась дача толкования законов, в том числе уголовных. В принимаемых им постановлениях или законах о порядке введения в действие вновь принимаемых уголовных законов содержались преимущественно так называемые темпоральные и пространственные коллизионные правила, направленные на преодоление временных и пространственных коллизий норм уголовного права. В качестве примера можно сослаться на Закон РСФСР № 752-1, принятый Верховным Советом РСФСР 28.02.1991 г., «О действии на территории РСФСР Закона СССР от 31 октября 1990 года “Об усилении ответственности за спекуляцию, незаконную торговую деятельность и за злоупотребления в торговле”» (далее — Закон о действии Закона об усилении ответственности за спекуляцию) [3].

Известно, что годом раньше, 27 февраля 1990 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении ответственности за злоупотребления в торговле и спекуляцию» № 13837-ХI, вступившим в силу 2 марта 1990 г. [4], в УК РСФСР [5] были внесены существенные изменения в диспозиции и санкции ст. 154 («Спекуляция») и ст. 156.3 («Нарушение правил торговли»). С принятием Закона СССР от 31.10.1990 № 1767-1 «Об усилении ответственности за спекуляцию, незаконную торговую деятельность и за злоупотребления в торговле» (далее — Закон об ответственности за спекуляцию) [6] встал вопрос о том, нор-

мы какого акта подлежат применению в случае совершения спекуляции или нарушения правил торговли: российского или общесоюзного. Разрешая данную темпоральную коллизию, Закон о действии Закона об усилении ответственности за спекуляцию исключил из УК РСФСР 1960 г. ст. 154 и 156.3 и постановил при решении вопросов о преступности и наказуемости спекуляции и нарушении правил торговли руководствоваться непосредственно нормами Закона об ответственности за спекуляцию.

В некоторых случаях в актах аутентичного толкования раскрывалось предметное содержание признаков отдельных составов преступлений. Так, в постановлении Президиума Верховного Совета РСФСР от 21.09.1981 «О порядке применения статьи 156-2 Уголовного кодекса РСФСР» [7] нормативную интерпретацию получило понятие «вымогательство незаконного вознаграждения». Под вымогательством, в частности, рекомендовалось признавать не только прямо выраженное требование работника, занятого в сфере обслуживания населения, об уплате гражданином определенного вознаграждения за выполнение определенной работы или оказание услуги, которые входят в круг служебных обязанностей этого работника, но и умышленное поставление гражданина в такие условия, при которых он вынужден уплатить незаконное вознаграждение для предотвращения вредных последствий его законным интересам.

С принятием Конституции РФ [8], не наделившей Государственную Думу правом разъяснения содержания законов, возможности аутентичного толкования оказались исчерпанными. В этой связи для преодоления неопределенности уголовно-правовых предписаний на первый план выдвигается толкование уголовного закона, осуществляемое высшей судебной инстанцией — Верховным Судом РФ. Толкование норм уголовного права Верховным Судом РФ традиционно облекается в форму принимаемых его пленумом постановлений по вопросам применения уголовного законодательства и преследует цель формирования единой судебной практики в масштабах всей страны. И хотя интерпретационная деятельность Верховного Суда РФ в виде адресованных нижестоящим судам рекомендаций по правильному применению уголовного закона в силу закрепленного в ст. 10 Конституции 1993 г. принципа разделения властей лишена законотворческого начала, в литературе справедливо подчеркивается, что разъяснения высших судебных органов по вопросам правоприменительной деятельности «часто являются образцом квалифицированного решения сложных проблем уголовного права и убедительной аргументации» [9], воспринимаются большинством

судей как имеющие обязательную силу [10]. Фактически в результате праворазъяснительной деятельности высшей судебной инстанции в области уголовно-правового регулирования формируются так называемые прецеденты толкования, необходимость существования которых в целом не может быть поставлена под сомнение, учитывая наличие в действующем уголовном законодательстве большого количества дефектов системно-структурного и технико-юридического характера, неизбежно возникающих в ходе его перманентного реформирования. Нельзя игнорировать и тот факт, что в результате интерпретационной деятельности Верховного Суда РФ наряду с рекомендациями нижестоящим судам по применению уголовно-правовых норм, которые не изменяют объем и содержание закрепленных в них запретов, формируются такие прецеденты толкования, которые выходят за рамки установленных уголовно-правовых предписаний, содержат новые уголовно-правовые веления, отсутствующие в уголовном законе. Появление прецедентов толкования, не противоречащих уголовному закону, обусловлено использованием высшей судебной инстанций в процессе интерпретационной деятельности буквального толкования уголовно-правовых норм, что соответствует закрепленному в ст. 3 УК принципу законности. Напротив, основу формирования прецедентов толкования, вступающих в противоречие с принципом законности, образует использование высшей судебной инстанцией распространительного (расширительного) или ограничительного приема толкования уголовно-правового текста. Разумеется, примеры формирования и использования в судебной практике прецедентов толкования, не отвечающих принципу законности, встречаются не так часто, но, будучи инициированными Верховным Судом РФ на основании расширительной или ограничительной интерпретации воли законодателя, они фактически расширяют или сужают круг уголовно-наказуемых деяний, порой превращая разъяснения по вопросам применения уголовно-правовых норм в «первоисточник» уголовного права, существующий наравне с уголовным законом. Так, вопреки предписанию ч. 4 ст. 34 УК о том, что «лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшим в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя или пособника», Пленум Верховного Суда РФ в п. 16 постановления от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» формулирует

вступающее в противоречие с законом положение, согласно которому «в случае признания получения взятки либо предмета коммерческого подкупа организованной группой действия всех ее членов, принимавших участие в подготовке и совершении этих преступлений, независимо от того, выполняли ли они функции исполнителя, организатора, подстрекателя или пособника, подлежат квалификации по соответствующей части ст. 290 или 204 УК без ссылки на ст. 33 УК» [11].

Складывается парадоксальная ситуация, когда разъяснения высшей судебной инстанции, будучи одним из способов преодоления неопределенности уголовного закона, включая ликвидацию присущих ему коллизий технико-юридического характера, нередко сами вступают в отношении противоречия с принципом законности и сформулированными на его основе нормами и институтами уголовного права по причине использования расширительного (распространительного) или ограничительного приемов толкования. Указывая на недопустимость чрезмерно вольной трактовки Пленумом Верховного Суда РФ действующего уголовного законодательства, отдельные ученые предлагают признать единственным официальным толкованием уголовных законов только орган, принявший данный закон, т. е. закрепить в законодательном порядке в качестве единственного способа официального толкования — аутентичное толкование [12]. Будучи реализованным на практике, данное предложение лишит высшую судебную инстанцию возможности своевременно реагировать на запросы нижестоящих судов, например, в случае необходимости уточнения или конкретизации оценочных признаков при их появлении в уголовном законе, формулирования отдельных правил квалификации при конкуренции уголовно-правовых норм, разработки иных рекомендаций, способствующих преодолению неопределенности уголовного закона. Вместе с тем нельзя впадать и в другую крайность, настаивая на неизбежности расширительного (распространительного) или ограничительного толкования, оправдывая его потребностью утверждением о том, что буква закона далеко не всегда соответствует его духу. Напротив, в процессе интерпретационной деятельности, на наш взгляд, целесообразно придерживаться позиции, согласно которой дух закона выражен в его букве. Фундаментальное единство духа и буквы уголовного закона отражено в известном из глубокой древности принципе законности, выраженном в гуманной и демократичной формуле *Nullum crimen, nullum poena sine lege* («Нет преступления, нет наказания без указания о том в законе»). В этой связи перспективы упорядочения сложившейся

практики интерпретации высшей судебной инстанцией уголовного закона, на наш взгляд, связаны с дальнейшим совершенствованием редакции ст. 3 УК, определяющей содержание принципа законности. Сущность данного принципа характеризует следующее положение: «Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом. Применение уголовного закона по аналогии не допускается».

Более развернутое содержание принципа законности, предложенное в юридической литературе, выражается посредством указания на следующие его элементы:

1) преступность, наказуемость деяния и иные уголовно-правовые последствия его совершения определяются только уголовным законом;

2) лицо, признанное виновным в совершении преступления, несет обязанности и пользуется правами, установленными уголовным законом;

3) содержание уголовного закона следует понимать в точном соответствии с его текстом [13].

Нетрудно убедиться в том, что лишь первый предлагаемый наукой элемент принципа законности отражен в тексте ст. 3 УК. Это не означает, что в процессе реализации российского уголовного права граждане не наделены правами и не несут обязанностей, обусловленных совершением преступлений, или исключается сама возможность буквального толкования уголовного закона. Тем не менее опыт уголовно-правового развития показывает, что предпочтительнее именно развернутое формулирование в специальных нормах содержательных сторон принципа законности, поскольку это может свести к минимуму (либо вообще исключить из правовой системы) все еще имеющие место факты расхождения, а порой и конфликта между декларируемым принципом законности и его реальным воплощением в правотворческой и правоприменительной деятельности. В этом смысле предпочтительным решением в части упорядочения интерпретационной деятельности высшей судебной инстанции было бы не возвращение к практике аутентичного толкования уголовного закона, но дополнение текста ст. 3 УК положением о том, что «содержание уголовного закона следует понимать в точном соответствии с его текстом». Таким образом, на законодательном уровне был бы поставлен заслон расширительному (распространительному) или ограничительному толкованию уголовно-правовых норм, в том числе со стороны Верховного Суда РФ.

Признание в качестве единственного приема интерпретации уголовно-правовых текстов буквального толкования гарантирует реализацию провозглашенной в ст. 1 УК идеи, согласно кото-

рой источником уголовно-правовых норм является уголовный закон, основанный на Конституции 1993 г. и общепризнанных принципах и нормах международного права, а также исключает саму возможность появления коллизий норм уголовного права и актов их толкования. Кроме того, буквальное толкование уголовно-правового текста приобретает особую значимость в случаях, когда ни уголовный закон, ни акты толкования высшей судебной инстанции не содержат четких рекомендаций относительно определения предметного содержания признаков составов преступлений, характеризующихся повышенной или абсолютной неопределенностью.

В этом можно убедиться, обратившись к сформулированному в ст. 213 УК криминообразующему признаку хулиганства — «грубое нарушение общественного порядка», который является оценочным, т. е. неопределенным на законодательном уровне. В этой связи Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» указывает: «При решении вопроса о наличии в действиях подсудимого грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, судам следует учитывать способ, время, место их совершения, а также их интенсивность, продолжительность и другие обстоятельства. Такие действия могут быть совершены как в отношении конкретного человека, так и в отношении неопределенного круга лиц. Суду надлежит устанавливать, в чем конкретно выразилось грубое нарушение общественного порядка, какие обстоятельства свидетельствовали о явном неуважении виновного к обществу, и указывать их в приговоре» [14]. Очевидно, что в данном фрагменте акта толкования высшей судебной инстанции, так же как и в самой ст. 213 УК, не определены с достаточной точностью и ясностью как для правоприменителя, так и для других лиц действия, образующие грубое нарушение общественного порядка, осознание которых является необходимым компонентом вины лица, обвиняемого в хулиганстве. Тем не менее приходится с сожалением констатировать, что в судебной практике отнюдь не редки случаи признания лиц виновными в совершении хулиганства за нарушение неопределенного в уголовном законе и в акте толкования высшей судебной инстанции запрета, так же как являются нередкими случаи признания лиц виновными в совершении преступлений в связи с нарушением ими запретов, содержащихся не в уголовном законе, а в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. Такое положение, по нашему мнению, обусловлено тем, что, с одной стороны,

нижестоящие суды рассматривают результаты интерпретационной деятельности высшей судебной инстанции в качестве источника уголовного права, а с другой — в отношении привлекаемых к уголовной ответственности лиц суды руководствуются правовой аксиомой: «Незнание закона не освобождает от уголовной ответственности». Абсолютизация данного постулата в судебной практике противоречит принципу вины, ибо не учитывает вполне извинительных ситуаций не-

знания гражданами уголовного закона, а тем более незнания многочисленных постановлений Пленума Верховного Суда РФ, толкующих уголовный закон, в том числе расширительно или ограничительно. Иными словами, закрепление в уголовном законе нормы, исключающей его расширительную или ограничительную трактовку, позволит реализовывать на практике принципы законности и вины в точном соответствии с их содержанием.

-
1. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
 2. См.: ВВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.
 3. См.: ВСНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 9. Ст. 204.
 4. См.: ВВС РСФСР. 1990. № 10. Ст. 287.
 5. См.: Закон РСФСР от 27.10.1960 «Об утверждении Уголовного кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // ВВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591
 6. См.: ВСНД СССР и ВС СССР. 1990. № 45. Ст. 953.
 7. См.: СЗ РСФСР. 1988. Т. 8. С. 604.
 8. См.: Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
 9. Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. Т.1 : Общая часть. М., 2011. С. 264.
 10. См.: Ображиев К. В. Судебный прецедент в уголовном праве России. Ставрополь, 2002. С. 59; Бибик О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации. СПб., 2006. С. 156.
 11. РГ. 2013. 17 июля.
 12. См.: Незнамова З. А. Коллизии в уголовном праве. Екатеринбург, 1994. С. 255.
 13. См.: Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. С. 76.
 14. БВС РФ. 2008. № 1. С. 3.

Стадии назначения и исполнения наказания в виде административного приостановления деятельности

Stages of Setting and Execution of Punishment by the Way of Administrative Suspension of Activity

В данной статье исследуются условия и стадии назначения, а также исполнения такой санкции, как административное приостановление деятельности. Анализируются положения законодательства, регулирующего указанный институт, а также различные мнения исследователей, ученых-административистов. Приводятся коллизии законодательства и некоторые проблемы практики.

Административное правонарушение; административное приостановление деятельности; стадии; этапы; назначение; исполнение; исполнительное производство; условия; судебный пристав-исполнитель; постановление; суд; должностное лицо; коллизия

In this article researched stages of setting and execution of administrative suspension of activity sanction. Law regulations, different opinions of administrative law scientists and researchers are analyzed here. Legislation collisions, some practice problems are represented.

Administrative infraction; administrative suspension of activity; stages, steps; setting; execution; executory process; terms; bailiff; enactment; court; functionary; collision

Реализация меры административного приостановления деятельности обуславливается выявлением административного правонарушения.

Последовательность назначения наказания административного приостановления деятельности, как и иные виды соответствующих санкций, состоит из определенных взаимосвязанных стадий.

Применительно к юриспруденции процессуальные стадии понимаются как совокупность определенных действий, решений, преследующих общую цель и завершаемых выводами по делу. Каждая стадия самостоятельна и имеет конкретную, но подчиненную цели задачу.

В настоящее время в среде ученых-административистов не существует абсолютного единства по количеству и наименованию стадий по делам об административных правонарушениях.

Так, в качестве первой стадии некоторые ученые называют установление факта противоправного деяния и его фиксацию (возбуждение дела) [1], административное расследование и возбуждение дела об административном правонарушении [2], административное расследование [3].

Вторую стадию называют рассмотрением и разрешением дела по существу [4], рассмотрением дела по существу и вынесением постановления [5].

В качестве третьей стадии предлагается пересмотр дела и вынесение решения [6], обжалование и пересмотр постановления [7].

Четвертую стадию подавляющее большинство авторов рассматривают в качестве исполнительной стадии.

Так, Р. А. Брунер и А. А. Резникова придерживаются четырех стадий производства по делам об административных правонарушениях, что следует из анализа норм КоАП [8]:

- 1) возбуждение дела об административном правонарушении (гл. 28 КоАП);
- 2) рассмотрение дела об административном правонарушении (гл. 29 КоАП);
- 3) пересмотр постановления и решения (гл. 30 КоАП);
- 4) исполнение постановления по делу об административном правонарушении (гл. 31–32 КоАП) [9].

Например, Д. Н. Бахрах выделяет по меньшей мере три стадии:

- 1) анализ ситуации;
- 2) подготовка и принятие административного акта;
- 3) исполнение правового акта [10].

Наиболее приемлемой видится позиция ученых, рассматривающих четырехступенчатую вертикаль стадийности. Однако справедливо следует признать позицию исследователей, выделяющих стадию установления или выявления административного правонарушения, что впоследствии формирует пятиступенчатую систему.

Что касается условий назначения наказания в виде административного приостановления деятельности, стоит отметить справедливое замечание о том, что законодателем была использована принципиально новая юридическая техника, суть которой заключается в том, что условия, при наступлении которых может быть назначено наказание в виде административного приостановления деятельности, выведены из статей Особенной части КоАП и перечислены в ст. 3.12, предусматривающую рассматриваемый вид наказания [11].

Иными словами, при рассмотрении вопроса о применении указанной меры правоприменителю следует руководствоваться не только нормами Особенной части КоАП, предусматривающими исследуемый вид санкции, но и условиями, приведенными в ст. 3.12 КоАП «Административное приостановление деятельности», что позволяет говорить о самостоятельном составе административного правонарушения, который можно представить в виде следующей формулы:

Основание 1 + Условие = Основание 2,

где **Основание 1** — это состав правонарушения, указанный в статье Особенной части КоАП, предусматривающий наказание в виде административного приостановления деятельности;

Условие — это условие, содержащееся в ст. 3.12 КоАП, при наступлении которого возможно назначение исследуемой меры;

Основание 2 — самостоятельный состав правонарушения, предусматривающий назначение или влекущий административное приостановление деятельности [12].

В работах ученых-административистов также не сложилось единства по вопросу оснований или условий применения рассматриваемой меры.

Понятия основания и условия ответственности подчас смешиваются и подменяются. Поэтому необходимо учитывать, что основание — это то, что порождает какое-либо явление, это фундамент, на который опираются [13]. Условия же представляют собой определенные обстоятельства, наступление которых предопределяет те или иные события.

Относительно оснований административной ответственности стоит отметить, что в юридической литературе присутствуют различные мнения. Подавляющее большинство авторов склонны полагать, что единственным основанием привлечения к административной ответственности является административное правонарушение. Однако в науке административного права принято выделять три вида оснований для привлечения к административной ответственности: нормативное, фактическое и процессуальное.

Под нормативным основанием следует понимать нормы закона, в соответствии с которыми устанавливается и применяется административная санкция.

Под фактическим основанием подразумевается совершенное административное правонарушение, предусматривающее потенциальное наказание.

Соглашаясь и с нормативным, и с фактическим основанием, Д. Н. Бахрах указывает на существование третьего основания административной ответственности — процессуального, то есть на «акт компетентного субъекта административной юрисдикции о наложении административного взыскания за совершенное конкретное административное правонарушение» [14].

Автором высказывается позиция, согласно которой для наступления реальной ответственности необходимо, чтобы все три основания в определенной последовательности (нормативное, фактическое, процессуальное) имели место быть.

Реальным основанием наступления административной ответственности является нарушение норм административного законодательства, т. е. административный деликт. Оно может быть совершено как виновно, так и невиновно.

Относительно стадии исполнения стоит отметить, что в большинстве случаев в научной литературе обозначенный этап рассматривается, как было отмечено выше в качестве завершающей стадии, которая, в свою очередь, содержит собственную дифференцированную систему определенных ступеней. Среди исследователей не сложилось единой точки зрения относительно состава обозначенной системы, однако приведенные ими конструкции в большинстве случаев совпадают. Так, Ю. М. Козлов, Д. М. Овсянко, А. А. Попов, Д. Н. Бахрах склонны полагать, что стадия исполнения состоит из следующих ступеней:

- обращение к исполнению;
- реальное исполнение наказания;
- окончание производства по исполнению [15].

По мнению Р. А. Брунера, В. В. Головки и Н. П. Парыгина, стадия исполнения (с небольшими расхождениями) включает следующие этапы:

- возбуждение дела и доведение постановления до сведения нарушителя, если в деле отсутствует документ, подтверждающий ознакомление нарушителя с принятым постановлением или решением;

- обращение постановления к исполнению;
- приведение в исполнение постановления;
- окончание исполнения постановления [16].

Наиболее содержательной представляется последняя, четырехступенчатая система стадий исполнения.

В соответствии со ст. 32.12 КоАП постановление суда, органа, должностного лица, назначивших административное наказание в виде административного приостановления деятельности, исполняется судебным приставом-исполнителем немедленно после его вынесения. Исходя из этого следует вывод о том, что акты указанных должностных лиц вступают в силу немедленно после их вынесения, это отмечается и иными исследователями [17].

Однако следует отметить, что в соответствии с ч.1 ст. 31.1. КоАП постановление по делу об административном правонарушении вступает в законную силу:

- после истечения срока, установленного для обжалования постановления по делу об административном правонарушении, если указанное постановление не было обжаловано или опротестовано;
- после истечения срока, установленного для обжалования решения по жалобе, протесту,

если указанное решение не было обжаловано или опротестовано, за исключением случаев, если решением отменяется вынесенное постановление;

- немедленно после вынесения не подлежащего обжалованию решения по жалобе, протесту, за исключением случаев, если решением отменяется вынесенное постановление.

Налицо наличие определенной коллизии норм. По исследуемой мере наказания возможно принесение протеста и обжалование. Представляется, что законодатель намеренно сделал исключение в целях оперативной реализации санкции ввиду угрозы негативных последствий, которые могут наступить вследствие промедления.

Например, А. А. Резникова предлагает изменить редакцию нормы, предусмотренной ч. 1 ст. 32.12 КоАП, и обозначить институт опровержения исполнения с момента вступления актов в законную силу, за исключением случаев немедленного исполнения [18].

Следует также отметить, что в соответствии с ч. 2 ст. 31.6 КоАП принесение протеста на постановление об административном приостановлении деятельности не приостанавливает исполнение этого постановления, а в соответствии со ст. 31.5 отсрочка и рассрочка для исследуемой меры наказания также не предусмотрены.

За вынесением акта об административном правонарушении следует этап обращения последнего к исполнению. В соответствии с ч. 1 ст. 31.3 КоАП обращение постановления по делу об административном правонарушении к исполнению возлагается на судью, орган, должностное лицо, вынесших постановление. В данном случае можно провести аналогию со ст. 393 УПК [19], согласно которой обращение к исполнению приговора, определения, постановления суда возлагается на суд, рассматривавший уголовное дело в первой инстанции.

Многие авторы, под обращением акта к исполнению понимают передачу его из органа или от должностного лица, вынесшего указанный документ, органу или должностному лицу, обязанному его исполнять [20]. Однако М. Я. Масленников считает, что под данным этапом следует понимать реальные действия, т. е. фактическое начало исполнения [21]. В контексте обозначенного, точка зрения предыдущих ученых, является наиболее приемлемой.

С точки зрения практики реализации данной ступени исполнения также возникают определенные вопросы. Законодателем не указано, каким образом должностное лицо, обязанное исполнять постановление об административном правонарушении, т. е. судебный пристав-исполнитель, получает соответствующий акт. В ст. 12 Федерального

закона от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» [22] не обозначено право присутствия судебного пристава при рассмотрении дел об административных правонарушениях, ни в зале суда, ни в ином другом органе. Безусловно, никакими нормативными правовыми актами не предусмотрено ограничение в присутствии на открытом судебном заседании или же присутствие при рассмотрении дела в иных уполномоченных на то органах, однако фактическое участие на практике почти не реализуемо ввиду отсутствия профессиональной необходимости. Как правило, постановление об административном приостановлении деятельности направляется в территориальное подразделение службы судебных приставов, где пристав и получает его. Вполне вероятно, в целях исключения потенциально возможных практических противоречий и двойственного толкования норм, следует поставить вопрос о внесении изменений в законодательство, в соответствии с которыми будет обозначен механизм получения постановления об административном правонарушении судебным приставом-исполнителем.

Далее следует этап обращения постановления к исполнению, т. е. реализуются меры, вследствие которых и должно наступить приостановление деятельности. В соответствии с законодательством (ч. 2 ст. 32.12 КоАП и ст. 109 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [23]) судебный пристав-исполнитель при исполнении содержащегося в исполнительном документе требования об административном приостановлении деятельности производит наложение пломб, опечатывание помещений, мест хранения товаров и иных материальных ценностей, касс должника, а также применяет другие меры по административному приостановлению деятельности должника, т. е. список действий не является исчерпывающим, однако не допускается применение мер, которые могут повлечь необратимые последствия для производственного процесса, а также для функционирования и сохранности объектов жизнеобеспечения. В соответствии с ч. 2 ст. 29.10 КоАП при назначении административного наказания судьей, уполномоченным на то органом или должностным лицом в виде административного приостановления деятельности решается вопрос о мероприятиях, необходимых для обеспечения исполнения данного административного наказания. Однако если в случае с Ростехнадзором ведомство способно определить должные меры применения, то в случае с судебными органами может потребоваться привлечение специалиста, обладающего определенной квалификацией и знаниями, который будет способен определить, в виду каких манипуляций или отсут-

ствия таковых возможны необратимые негативные последствия производственного процесса, особенно это касается технологически сложных предприятий, сооружений и т. д.

Постановление по делу об административном правонарушении обязательно для исполнения всеми органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами, гражданами и их объединениями, юридическими лицами (ч. ст. 31.2 КоАП).

В случае же неисполнения постановления об административном приостановлении деятельности, т. е. непринятие в какой-либо форме определенных мер по устранению причин, способствовавших возникновению угроз, указанных в норме, является иным административным правонарушением и влечет соответствующую ответственность в форме штрафа.

Следует также отметить и административную ответственность за преднамеренное повреждение или срыв печати (пломбы), наложенной соответствующим уполномоченным должностным лицом (ст. 19.2 КоАП).

Завершающей стадией, как и было обозначено, является этап окончания исполнительного производства.

Судебный пристав-исполнитель обязан осуществлять контроль за исполнением постановления об административном приостановлении деятельности в течение всего срока приостановления и завершить исполнительное производство только в случае истечения срока административного наказания либо при досрочном его прекращении.

Фактическим завершением исполнения является устранение оснований, явившихся причиной применения санкции, и прекращение соответствующего контроля со стороны судебного пристава, однако в соответствии с законодательством основанием для завершения исполнительного производства служит новое постановление судьи, органа, должностного лица, назначившего административное наказание о прекращении исполнения наказания (ч. 4 ст. 32.12 КоАП), в котором также указываются сведения, предусмотренные ст. 29.10 КоАП, и дата возобновления деятельности. Кроме того, указанные субъекты должны осуществить запрос заключения должностного лица, уполномоченного составлять соответствующий протокол об административном правонарушении, об устранении нарушений, и ознакомиться с ним, как в случае истечения срока приостановления, так при досрочном прекращении наказания по ходатайству, которое рассматривается в течение пяти дней. Согласно ч. 3 ст. 32.12 КоАП запрос осуществляется в обязательном порядке, и заключение

должно быть предоставлено в письменной форме, однако там же указывается, что данное заключение не является обязательным для судьи, органа, должностного лица, назначивших административное наказание, налицо наличие определенной коллизии нормы.

Таким образом, можно заключить, что стадии назначения и исполнения наказания в виде административного приостановления деятельности представляют собой дифференцированные и взаимосвязан-

ные системы определенных этапов, при реализации на практике которых возникают определенные вопросы, а в теории не сложилось единства мнений и взглядов при изучении обозначенных институтов, что позволяет сделать вывод о необходимости более детального изучения теории и практики механизма реализации нормы административного приостановления и выработки соответствующих рекомендаций в целях устранения пробелов законодательства и оптимизации применения.

-
1. См.: Масленников М. Я. Административно-юрисдикционный процесс. Воронеж, 1990. С. 17.
 2. См.: Якимов А. Ю. Административный процесс и административно-юрисдикционное производство // Гос-во и право. 1999. № 3.
 3. См.: Телегин А. С. Расследование административных правонарушений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1984. С. 8.
 4. См.: Шергин А. П., Фефилова В. Ф., Михайлов А. А., Скворцов С. М. Процессуальные формы административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел. М., 1985. С. 9.
 5. См.: Масленников М. Я. Указ. соч. С. 14; Телегин А. С. Указ. соч. С. 6.
 6. См.: Якимов А. Ю. Указ. соч. С. 8.
 7. См.: Шергин А. П., Фефилова В. Ф., Михайлов А. А., Скворцов С. М. Указ. соч. С. 9.
 8. См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1.
 9. См.: Брунер Р. А. Административное приостановление деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 115; Резникова А. А. Административное приостановление деятельности как мера административного принуждения : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009. С. 116.
 10. См.: Бахрах Д. Н. Административное право России : учебник для вузов. М., 2010. С. 178.
 11. См.: Брунер Р. А. Указ. соч. С. 85.
 12. См.: Там же. С. 86.
 13. См.: Розина С. Ф. Деликтные обязательства. Судебная практика по делам о возмещении ущерба // Адвокатская палата. 2005. № 3.
 14. Бахрах Д. Н. Административная ответственность : учеб. пособие. М., 1999. С. 25.
 15. См.: Его же. Административное право России. С. 541 ; Козлов Ю. М., Овсянко Д. М., Попов Л. Л. Административное право России : учебник для вузов. М., 2002. С. 434.
 16. См.: Парыгин Н. П., Головкин В. В. Исполнение административных наказаний : учеб. пособие. М., 2006. С. 25–26; Брунер Р. А. Указ. соч. С. 160.
 17. См.: Бахрах Д. Н., Ренов Э. Н. Вступление постановления по делу об административном правонарушении в законную силу. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / под общ. ред. Э. Н. Ренова. М., 2002. С. 996.
 18. См.: Резникова А. А. Указ. соч. С. 146.
 19. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921.
 20. См.: Арбузкин А. М., Бирюков М. Н., Шергин А. П., Якимов А. Ю. Административная ответственность за нарушения общественного порядка: законодательство и практика применения органами внутренних дел : учеб. пособие. М., 1993. С. 58 ; Андреев Е. М., Бертуш С. И., Шергин А. П., Якимов А. Ю. Исполнение административных взысканий органами внутренних дел. М., 1990. С. 12.
 21. См.: Масленников М. Я. Исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях. Калининград, 1989. С. 25.
 22. См.: СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3590.
 23. См.: Там же. 2007. № 41. Ст. 4849.

УДК 343.26

А. А. Мнацаканян
A. A. Mnatsakanyan

Принудительная высылка иностранных лиц как мера административного принуждения в Российской Федерации и Республике Армении

Forcible Expulsion of Foreign Citizens as a Measure of Administrative Enforcement in the Russian Federation and the Republic of Armenia

В статье на основе сравнения и анализа правового регулирования принудительной высылки иностранных граждан как меры административного принуждения в Российской Федерации и Республике Армении показаны отличия и пробелы в нормативно-правовых актах. Констатируется, что в Российской Федерации есть правовая коллизия между терминами «административное выдворение» и «депортация». Говорится об административном и исполнительном производстве в Российской Федерации и Республике Армении. В заключение кратко разбирается отличие правового регулирования принудительной высылки в России и Армении.

Сравнение; анализ; депортация; административное выдворение; иностранные граждане; коллизия; Российская Федерация; Республика Армения

In the article the differences and gaps in normative legal acts of the Russian Federation and the Republic of Armenia are illustrated on the basis of comparison and analysis of the legal regulation of forcible expulsion of foreign citizens as a measure of administrative enforcement. It states that there is a legal collision between the terms of “administrative expulsion” and “deportation in the legislation” of the Russian Federation. The article considers administrative and executive proceedings of the Russian Federation and the Republic of Armenia. In conclusion the differences between legal regulation of expulsion in Russia and Armenia are briefly examined.

Comparison; analysis; deportation; expulsion; foreign citizens; collision; Russian Federation; Republic of Armenia

На современном этапе государственного регулирования миграционная политика является неотъемлемой частью государственной политики в целом. В процессе ее реализации важным условием эффективности становится применение различных методов ее осуществления, в том числе административно-правовых. Последний включает в себя реализацию органами исполнительной власти своих властно-распорядительных функций посредством использования мер административно-правового характера. Среди них действующее

законодательство РФ называет депортацию и административное выдворение за пределы РФ иностранных граждан и лиц без гражданства (в качестве сравнения в Республике Армении законодатель выделяет только депортацию).

Таким образом, Россию и Армению объединяет употребление в правовом поле такой категории, как депортация. Последняя не является мерой административного наказания в отличие от административного выдворения и применяется только как мера административного принуждения.

В то же время необходимо обратить внимание на тот факт, что законодательство указанных государств наделяет термины различным смыслом.

Таким образом, депортация по Федеральному закону РФ от 25.07.2002 № 115 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [1] — это принудительная высылка иностранного гражданина из Российской Федерации в случае утраты или прекращения законных оснований для его дальнейшего пребывания (проживания) в Российской Федерации.

Депортации в Российской Федерации подвергаются в случае, если:

1) срок проживания или временного пребывания иностранного гражданина в Российской Федерации сокращен, данный иностранный гражданин обязан выехать из Российской Федерации в течение трех дней;

2) разрешение на временное проживание или вид на жительство, выданные иностранному гражданину, аннулированы, данный иностранный гражданин обязан выехать из Российской Федерации в течение 15 дней.

Депортация в отличие от административного выдворения не является мерой административного наказания и назначается постановлением начальника территориального органа ФМС России. Иностранному гражданину сообщают об этом на личном приеме под роспись с одновременным вручением ему копии заключения о депортации.

В отличие от депортации принудительное выдворение за пределы РФ иностранных граждан и лиц без гражданства назначается судьей за нарушение режима пребывания на территории РФ. Кроме того, необходимо указать и на процедурное отличие административного выдворения и депортации.

Так, решению о депортации предшествует акт органа исполнительной власти о целесообразности (нежелательности) пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства на территории РФ. Исходя из наличия правовой связи между такими актами и угрозой возможного применения депортации автор приходит к выводу о том, что депортация — не самостоятельный одноименный акт, а часть процедуры, направленной на удаление иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы РФ.

Предварительным этапом проведения данной процедуры является принятие решения о целесообразности (нежелательности) пребывания на территории РФ. Данный акт существенно влияет на административно-правовой статус иностранного гражданина и влечет за собой сокращение срока его проживания или временного пребыва-

ния либо аннулирование разрешения на временное проживание или вида на жительство. Такое решение может быть принято в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих определенный правовой статус на территории РФ, если их пребывание (проживание) создает реальную угрозу обороноспособности или безопасности государства, общественному порядку, здоровью населения, а также в целях защиты конституционного строя, нравственности, прав и законных интересов граждан.

В случае неисполнения иностранным гражданином или лицом без гражданства полученных предписаний вторым и заключительным этапом процедуры, направленной на удаление иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы РФ, выступает собственно и сама депортация как мера административного пресечения.

Депортация и административное выдворение иностранных граждан за пределы РФ осуществляются за счет средств высылаемого иностранного гражданина, а при их отсутствии либо в случае, если иностранный работник принят на работу с нарушением порядка привлечения и использования иностранных работников — за счет средств пригласившего его органа, дипломатического представительства или консульского учреждения иностранного государства, гражданином которого является высылаемый иностранный гражданин, международной организации либо ее представительства, физического или юридического лица. В случае если установление приглашающей стороны невозможно, мероприятия по депортации или административному выдворению иностранного гражданина за пределы РФ являются расходными обязательствами РФ. Порядок расходования средств на указанные цели определяется Правительством РФ.

В соответствии с Законом Республики Армения от 03.02.2007 № ЗР-47-Н «О иностранных лицах» [2] под депортацией понимают принудительную высылку иностранного лица из Республики Армения в случае отсутствия законных оснований для его пребывания или проживания в Республике Армения.

Наделяя различными смысловыми нагрузками нормативно-правовые акты РФ и Республики Армения, соответственно определяют и по-особенному порядок его применения.

В отличие от Российской Федерации правовое регулирование вопросов депортации в Армении иное. Так, в Армении иностранное лицо обязано добровольно убыть с территории Республики Армения, если: истек срок действительности его визы на въезд или статуса пребывания; виза на въезд признана утратившей силу; отклонено

его заявление о получении или продлении срока статуса пребывания; он лишен статуса пребывания. При этом подчеркивается, что в случае нарушения со стороны иностранного лица вышеуказанного закона в отношении него возбуждается административное производство и направляется в суд [3].

Если иностранное лицо в случаях, предусмотренных законом, добровольно не убыло с территории Республики Армения, то уполномоченный орган государственного управления в области полиции Республики Армения возбуждает дело о депортации и представляет его в административный суд, который действует в Республике с 2008 г. ввиду принятия Кодекса административного судопроизводства Республики Армения от 28.11.2007 № ЗР-269-Н [4].

В правовом регулировании депортации важную роль играют основания для применения данной меры принуждения в отношении иностранных лиц. Так, в Российской Федерации основанием для депортации является нарушение срока временного пребывания (проживания) иностранного гражданина на территории РФ. Данный срок пребывания для граждан, прибывших в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, не может превышать 90 суток (см. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [5]), однако он распространяется на каждый въезд иностранного гражданина. Эту норму в России используют многие мигранты как возможность легализовать свое пребывание для передвижения, ведь они могут пересечь ближайшую границу и вернуться с новой миграционной картой. При этом мигранты начинают злоупотреблять незаконной трудовой деятельностью в РФ и не оформляют разрешение на работу. Как и в Российской Федерации, в Республике Армения основанием депортации служит нарушение режима временного пребывания, однако в Армении срок временного пребывания при режиме безвизового въезда в Республику составляет 90 дней в течение одного года (см. Закон Республики Армения от 03.02.2007 № ЗР-47-Н «Об иностранных лицах» [6]). Таким образом, основания для применения административной меры принуждения в виде депортации в обеих странах одинаковые, но режим пребывания различен.

В Российской Федерации и Республике Армения есть отличия и в процессе исполнительного производства. В России судебный пристав-исполнитель на основании постановления начальника территориального органа ФМС России о депортации выносит постановление о возбуждении исполнительного производства, в рамках которого

происходит фактическое исполнение депортации. В Армении исполнительное производство не возбуждается в данном случае, так как административные суды Республики Армения в своих решениях дают указания о дне депортации, маршруте следования, пункте пересечения Государственной границы, бремени несения расходов на депортацию, месте жительства иностранного лица, о его обязанности по явке с определенной периодичностью в соответствующее подразделение уполномоченного органа государственного управления в области полиции до выезда с территории Республики Армения, а также о запрете на оставление места жительства без разрешения, о содержании под стражей или освобождении из-под стражи до депортации при аресте.

В Армении, как и в Российской Федерации, исполнение заканчивается подписанием двустороннего акта приема-передачи между пограничными службами двух стран, если есть между этими странами договор о реадмиссии, а если нет, то одностороннего акта.

Таким образом, вышеизложенное позволяет утверждать, что в Российской Федерации по сравнению с Республикой Арменией правовое регулирование принудительной высылки иностранных лиц имеет разную смысловую нагрузку и разную процедуру, как в привлечении к ответственности, так и в исполнении данного решения. Кроме того, подобного рода сравнения позволили выявить некоторые пробелы в праве того или иного законодательства. Так, в Российской Федерации основанием депортации является отказ от добровольного выезда из страны в установленный срок. Однако данное деяние образует состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 18.8 КоАП [7], нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации, выразившееся в нарушении установленных правил въезда в Российскую Федерацию, в нарушении правил миграционного учета, передвижения или порядка выбора места пребывания или жительства, транзитного проезда через территорию РФ, в отсутствии документов, подтверждающих право на пребывание (проживание) в Российской Федерации, или в случае утраты таких документов и в неподаче заявления об их утрате в соответствующий орган либо в неисполнении обязанностей по уведомлению о подтверждении своего проживания в Российской Федерации в случаях, установленных федеральным законом, а равно в уклонении от выезда из Российской Федерации по истечении определенного срока пребывания. Санкция данной статьи влечет наложение

административного штрафа в размере от 2 до 5 тыс. руб. с административным выдворением за пределы РФ или без такового [8]. Следовательно, основанием депортации является административное правонарушение, предусмотренное ст. 18.8 КоАП.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о совпадении основных признаков депортации и административного выдворения. Основное отличие данных мер принуждения заключается в том, что решение о депортации принимается уполномоченным должностным лицом ФМС России, а о административном выдворении — судьями.

Таким образом, можно утверждать, что депортация — вид административного наказания в нарушение требований п. 2 ч. 1 ст. 1.3 КоАП,

установленного не данным Кодексом, а иными федеральными законами. Отличие депортации от административного выдворения еще и в том, что она назначается во внесудебном порядке и не подлежит обжалованию. Ввиду нецелесообразности использования двух понятий для обозначения единой процедуры, по нашему мнению, следует исключить термин «депортация» из вышеназванных федеральных законов, предусмотрев единую меру административного принуждения, применяемую к иностранным гражданам и лицам без гражданства, — административное выдворение за пределы РФ как административное наказание, правом назначения которого обладают судьи, а в исключительных случаях, предусмотренных КоАП, — пограничные органы.

-
1. См.: СЗ РФ. 2002. № 140. Ст. 3008.
 2. См.: СДЗ РА. 2006–2007 гг. Т. 10.
 3. См.: *ЗЗ* *ИС*. 2007. 12,19/64 (588).
 4. См.: Там же.
 5. См.: СЗ РФ. 2002. № 140. Ст. 3008.
 6. См.: СДЗ РА ...
 7. См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1.

К вопросу об алиментном содержании несовершеннолетних детей в рамках общего порядка уплаты и взыскания алиментов

To the Question of Alimony Relations in the Scope of General Enforcement Approach

В статье рассматривается взаимосвязь административно-правового статуса судебного пристава-исполнителя и образа ФССП России. В частности, проведен анализ отдельных полномочий судебных приставов-исполнителей на предмет влияния на образ службы. Также на основании проведенного исследования и социологического опроса предложена новая классификация полномочий судебных приставов-исполнителей по степени влияния на образ ФССП России.

Административно-правовой статус; судебный пристав; принудительное исполнение; образ

There is consideration of relationship of administrative and legal status of bailiff and the image of Federal bailiff service in this article. Particularly, analyzed some bailiff's authorities to see their influence on the image of that body. Also author offers new classification of bailiff's authorities (by level of influence on the image of Federal bailiff service) based on conducted research and results of sociological poll.

Administrative and legal status; bailiff; enforcement; image

Вопросы надлежащего исполнения исполнительных документов в отношении лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, приобретают в настоящее время особое звучание, поскольку непосредственно связаны с социально-экономической стабильностью нашего общества. При этом правильный и своевременный расчет задолженности по уплате алиментов обеспечивает как эффективность всего механизма обеспечения прав и интересов лиц, имеющих право на получение алиментов, так и результативность исполнительного производства. В свою очередь, расчет задолженности по алиментам нередко вызывает сложности.

Так, после возбуждения исполнительного производства, получения ответов из государственных органов и беседы с должником и взыскателем или с их представителями с учетом всех оплаченных квитанций, расписок и иных документов, подтверждающих оплату алиментов и доход должника, судебный пристав-исполнитель обязан рассчитать задолженность по алиментам в соответствии со ст. 113 СК [1].

Определение задолженности по уплате алиментов входит в компетенцию судебного пристава-исполнителя и рассчитывается на основании размера алиментов, указанного в решении суда,

судебном приказе или нотариально заверенном соглашении сторон об уплате алиментов. Данная процедура заключается в подсчете судебным приставом-исполнителем размера алиментов за каждый месяц периода, в течение которого взыскание алиментов не производилось (в долях к заработку (доходу) плательщика или в твердой денежной сумме — при уплате алиментов на несовершеннолетних детей, в твердой денежной сумме — при уплате алиментов на других членов семьи), с последующим суммированием за весь период. Расчет алиментов с существующих сумм заработной платы и иного дохода, причитающихся лицу, уплачивающему алименты, производится с учетом удержания (уплаты) из этой заработной платы и иного дохода налогов в соответствии с налоговым законодательством.

В том случае, если должник в этот период не работал или судебный пристав-исполнитель не смог установить место его работы, то задолженность по алиментам определяется исходя из размера средней заработной платы в Российской Федерации на момент взыскания задолженности (ч. 3 ст. 102 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Закон об исполнительном производстве)) [2].

ФССП России рекомендует производить расчет задолженности по алиментам не реже одного раза в квартал. При этом о расчете задолженности судебным приставом-исполнителем выносится постановление.

Следует отметить, что задолженность по алиментам может образоваться как в результате виновных действий должника, так и по не зависящим от него причинам. Самой распространенной причиной образования долга является уклонение обязанного лица от уплаты алиментов. Непредставление должником по требованию судебного пристава-исполнителя документов, подтверждающих заработок (доход), также рассматривается как уклонение от уплаты алиментов.

Образование задолженности по алиментам возможно и по не зависящим от должника обстоятельствам (болезнь; отсутствие средств для уплаты алиментов; неплатежеспособность предприятия, на котором должник работает; задержка выплаты заработной платы; нахождение на территории, где объявлено чрезвычайное или военное положение, и т. д.). По общему правилу, закрепленному в п. 1 ст. 113 СК, срок взыскания алиментов, в пределах которого задолженность подлежит погашению, ограничивается тремя годами, непосредственно предшествующими предъявлению исполнительного документа к взысканию.

Так, п. 2 ст. 113 СК предусматривает, что если образование задолженности произошло по

вине должника, то задолженность взыскивается за весь период, в течение которого алименты не выплачивались. Виновное поведение должника, которое привело к образованию задолженности, может выразиться в сокрытии доходов или иного имущества, несообщении об изменении места работы или жительства и других действиях, препятствующих взысканию алиментов.

Нередки случаи, когда должник по алиментам состоит на учете в центре занятости населения, но пособие по безработице не получает. В этом случае задолженность по алиментам также рассчитывается судебным приставом-исполнителем в соответствии с п. 4 ст. 113 СК исходя из средней заработной платы в Российской Федерации на момент взыскания задолженности, поскольку должник в период нахождения на учете в центре занятости населения не работал, пособие по безработице по тем или иным причинам не получал.

Важным аспектом защиты прав несовершеннолетних лиц выступает институт индексации алиментов, взыскиваемых по решению суда в твердой денежной сумме.

Для этого судебный пристав-исполнитель, а также организация или иное лицо, производящие удержание алиментов из заработной платы или иного дохода должника, производят индексацию алиментов пропорционально росту величины прожиточного минимума для соответствующей социально-демографической группы населения, установленной в соответствующем субъекте РФ по месту жительства лица, получающего алименты.

Величина прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации устанавливается Правительством РФ, в субъектах РФ — в порядке, установленном законами субъектов РФ, и определяется ежеквартально.

При отсутствии в соответствующем субъекте РФ указанной величины индексацию производят пропорционально росту величины прожиточного минимума для соответствующей социально-демографической группы населения в целом по Российской Федерации.

Решение об индексации алиментов судебным приставом-исполнителем оформляется в виде отдельного постановления.

Письмом ФССП России от 21.12.2011 № 12/01-31164-АП «О порядке индексации алиментов» [3] регламентирован порядок индексации судебными приставами-исполнителями алиментов. Так, при индексации алиментов судебному приставу-исполнителю в первую очередь необходимо определить, какой сумме была равна величина прожиточного минимума по месту жительства

лица, получающего алименты, на момент вынесения судом решения.

Затем судебный пристав-исполнитель должен определить, какому количеству величин прожиточного минимума кратен размер алиментов, взыскиваемых в твердой денежной сумме. Получившееся кратное число умножается на величину прожиточного минимума на момент расчета.

В случае если в исполнительном документе размер алиментов указан пропорционально минимальному размеру оплаты труда, рекомендуется судебному приставу-исполнителю разъяснять взыскателю его право на обращение в суд с заявлением об изменении способа и порядка исполнения исполнительного документа.

В связи с ежеквартальным изменением величины прожиточного минимума в субъектах РФ, а также в целом по Российской Федерации ФССП России территориальным органам ФССП России рекомендовано ежеквартально получать актуальную информацию о величине прожиточного минимума в информационно-правовых системах или на официальном сайте Росстата.

На основании подп. «з» п. 2 Перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 18.07.1996 № 841 [4], удержание алиментов производится с доходов от предпринимательской деятельности.

Но каким образом рассчитать задолженность по алиментам в случае, когда предприниматель отчитывается перед налоговым органом о своем доходе с помощью налоговых деклараций по единому налогу на вмененный доход?

В соответствии со ст. 346.27 НК [5] вмененный доход представляет собой потенциально возможный доход плательщика единого налога, рассчитываемый с учетом совокупности условий, непосредственно влияющих на получение такого дохода и используемый для расчета величины единого налога по установленной ставке. Удержание алиментов с предполагаемого дохода законом не предусмотрено.

Таким образом, ФССП России в случаях возбуждения исполнительных производств о взыскании алиментов в отношении должников, являющихся индивидуальными предпринимателями и плательщиками единого налога на вмененный доход, рекомендовала расчет алиментов производить согласно ст. 113 СК.

Вместе с тем иная позиция высказана в Постановлении Конституционного Суда РФ от 20.07.2010 № 17-П «По делу о проверке конституционности подпункта “з” пункта 2 Перечня видов заработной платы и иного дохода, из кото-

рых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей, в связи с жалобой гражданина Л. Р. Амаякяна» [6].

Заявитель, индивидуальный предприниматель, применяющий упрощенную систему налогообложения, обратился в суд с жалобой на постановление судебного пристава-исполнителя от 10.09.2005, которым на основании запрошенных в налоговом органе налоговых деклараций его задолженность по уплате алиментов на несовершеннолетнего ребенка была исчислена из доходов от занятия предпринимательской деятельностью без вычета из них суммы расходов, понесенных в связи с осуществлением этой деятельности.

По мнению Л. Р. Амаякяна, подп. «з» п. 2 Перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей, позволяющих определять размер алиментов, взыскиваемых на содержание несовершеннолетних детей с индивидуального предпринимателя, не принимая во внимание документально подтвержденные расходы, понесенные им в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, нарушает права и свободы, гарантированные ст. 19, 34, 35, 37 и 55 Конституции [7].

По смыслу правовой позиции Конституционного Суда РФ, согласно которой налогоплательщик не вправе распоряжаться по своему усмотрению частью своего имущества, подлежащей в виде определенной денежной суммы взносу в казну (Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.1996 № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года “О федеральных органах налоговой полиции”») [8], это означает, что алименты могут быть взысканы только с тех сумм заработной платы и иного дохода, которыми алиментобязанное лицо вправе распоряжаться.

Следовательно, суммы, подлежащие уплате в бюджет в виде налогов, не входят в состав средств, образующих экономическую выгоду алиментобязанного лица. Не могут быть отнесены к ним и расходы, которые алиментобязанное лицо — индивидуальный предприниматель, несет непосредственно в ходе предпринимательской деятельности и которые действительно необходимы для ее осуществления, поскольку бременем их несения определяется, по сути, сама возможность реализации этим лицом конституционного права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности и соответственно исполнения своих алиментных обязательств.

Соответственно, Конституционный Суд РФ сделал вывод, что правоприменительные органы, осуществляющие расчет и взыскание алиментов (задолженности по уплате алиментов), при определении размера доходов индивидуального предпринимателя, перешедшего на упрощенную систему налогообложения и избравшего объектом налогообложения доходы, обязаны учитывать понесенные им

в связи с осуществлением предпринимательской деятельности расходы в случае их подтверждения.

Таким образом, расчет задолженности по уплате алиментов представляет собой достаточно трудоемкий процесс для судебного пристава-исполнителя, правильность проведения которого во многом детерминирует успешность исполнительного производства в целом.

-
1. См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
 2. См.: Там же. 2007. № 41. Ст. 4849.
 3. См.: Бюллетень ФССП России. 2012. № 3.
 4. См.: СЗ РФ. 1996. Ст. 3743. № 31.
 5. См.: Налоговый кодекс Российской Федерации, часть первая от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; часть вторая от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Там же. 2000. № 32. Ст. 3340.
 6. См.: РГ. 2010. 28 июля.
 7. См.: Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
 8. См.: РГ. 1996. 26 дек.

УДК 347.96

К. Б. Ряховский
K. B. Riakhovsky

Влияние административно-правового статуса судебного пристава-исполнителя на образ Федеральной службы судебных приставов

The Influence of Bailiff's Administrative and Legal Status on the Image of Federal Bailiff Service

В статье рассматривается взаимосвязь административно-правового статуса судебного пристава-исполнителя и образа ФССП России. В частности, проведен анализ отдельных полномочий судебных приставов-исполнителей на предмет влияния на образ службы. Также на основании проведенного исследования и социологического опроса предложена новая классификация полномочий судебных приставов-исполнителей по степени влияния на образ ФССП России.

There is consideration of relationship of administrative and legal status of bailiff and the image of Federal bailiff service in this article. Particularly, analyzed some bailiff's authorities to see their influence on the image of that body. Also author offers new classification of bailiff's authorities (by level of influence on the image of Federal bailiff service) based on conducted research and results of sociological poll.

Административно-правовой статус; судебный пристав; принудительное исполнение; образ

Administrative and legal status; bailiff; enforcement; image

В настоящей статье мы рассмотрим взаимосвязь административно-правового статуса судебного пристава-исполнителя как элемента организации принудительного исполнения и его влияния на образ ФССП России в целом.

Судебный пристав-исполнитель — основное должностное лицо ФССП России, с которым контактирует в рамках исполнительного производства большинство граждан и организаций. Его полномочия представляют для нас интерес в контексте рассматриваемой в настоящей статье проблемы в связи с тем, что именно они обеспечивают практическое взаимодействие пристава и представителей общества, формирующих образ службы в целом, что придает особую важность их пра-

вовому закреплению. С учетом того что его административно-правовое положение неразрывно связано с правосознанием тех субъектов права, с кем он вступают в правоотношения по долгу службы [1], этот вопрос представляет интерес в контексте влияния на образ ФССП России.

Как отмечает Н. Н. Бакурова, административно-правовой статус судебного пристава-исполнителя во многом произведен от статуса ФССП России в целом [2]. Таким образом, общественное восприятие судебного пристава оказывает серьезное влияние и взаимосвязано с образом органов принудительного исполнения.

Согласно общим теоретическим позициям под правовым статусом понимается юридически

закрепленное положение субъекта в обществе, которое выражается в определенном комплексе его прав и обязанностей [3].

Так, А. Л. Попова и М. С. Студеникина отмечают, что правовой статус государственного служащего характеризуется на основании законодательства о государственной службе как совокупность прав, обязанностей, ограничений, запретов, обязательств, социальных гарантий, связанных с государственной службой, а также требований, касающихся поведения на службе, порядка поощрения, привлечения к ответственности, разрешения конфликта интересов и служебных споров [4].

По нашему мнению, с учетом положений действующего законодательства и существующих научных подходов под административно-правовым статусом судебного пристава-исполнителя для целей настоящей статьи следует понимать совокупность его законодательно закрепленных прав и обязанностей, связанных с отношениями власти и подчинения, а также связанных со служебной деятельностью ограничений запретов, ограничений и требований.

Н. Н. Бакурова, характеризуя административно-правовой статус судебного пристава, выделяет следующие его составные элементы: административная правосубъектность судебного пристава, цели, задачи, функции, принципы его деятельности, полномочия, правовые гарантии, поощрения и награждения на государственной службе, юридическая ответственность [5].

Следует заметить, что неотъемлемой частью правового статуса государственного служащего являются и требования к его служебному поведению, которые установлены ст. 18 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе» (далее — Закон о гражданской службе) [6]. По сути, это организационная мера, свойственная административному праву, но при этом по своему содержанию данные требования сводятся к морально-нравственным ориентирам, которые также можно расценивать как факторы, влияющие на образ службы в целом. Представляется разумной точка зрения А. Н. Ананьева о том, что, вводя данную норму в рамки Закона о гражданской службе, законодатель имел цель усилить административные требования к гражданскому служащему моральными [7].

При этом вопрос о месте прав в системе элементов административно-правового статуса уже поднимался в юридической литературе. В частности, Д. Н. Бахрах писал, что основной элемент государственной должности — обязанности. Это ее ядро, смысл существования. А права по должности лишь прямо или косвенно создают условия для надлежащего выполнения обязанностей [8].

Напротив, А. П. Алехин полагает, что служебные права и обязанности государственных служащих обладают единством, своеобразием которого состоит в том, что их права одновременно являются обязанностями, ибо они должны исполняться в интересах службы, а обязанности — правами, так как в противном случае их (обязанности) нельзя будет осуществить [9].

Не оспаривая приведенные выше высказывания, полагаем, что при рассмотрении статуса судебных приставов-исполнителей следует обратить внимание на значительный элемент принуждения, присутствующий в нем. В целях выполнения возложенных задач судебный пристав-исполнитель имеет право совершать определенные юридически значимые действия в отношении любых лиц в установленном законом порядке независимо от их воли и согласия. На наш взгляд, именно в этом заключается элемент принуждения в административно-правовом статусе судебного пристава-исполнителя. И данный факт также имеет свое влияние на образ ФССП России в целом, однако степень положительности такого влияния не является высокой. Так, В. А. Гуреев отмечает, что принуждение, перерастающее в сущность ФССП России, порождает сопротивление в обществе и не может иметь положительный эффект [10].

На сегодняшний день основные права и обязанности судебных приставов содержатся в Федеральном законе от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» (далее — Закон о судебных приставах) [11].

В юридической литературе приводилось несколько классификаций полномочий судебных приставов-исполнителей. В частности, М. А. Клепикова разделяла их в зависимости от категории исполнительного производства на общие и специальные. Согласно данной концепции общие свойственны всем категориям исполнительных производств, а специальные подразделяются на имущественные, неимущественные и полномочия при наложении санкций за нарушение законодательства об исполнительном производстве [12].

И. В. Решетникова и В. В. Ярков предложили классифицировать полномочия судебных приставов-исполнителей по особенностям статуса сторон исполнительного производства. Они отдельно выделили полномочия, направленные на реализацию исполнительных документов в отношении физических лиц, государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, коммерческих организаций, некоммерческих организаций и неопределенного круга лиц [13].

Все из перечисленных полномочий составляют его статус, однако влияние на образ всей ФССП России они имеют различное в зависимости

от практической применимости к широкому кругу лиц. Иными словами, на образ будут влиять те полномочия, которые понятны гражданам и вызывают у них наибольшее внимание.

В целях выяснения влияния отдельных закрепленных в законодательстве полномочий судебных приставов-исполнителей на образ службы в целом, а также отношения людей к деятельности судебных приставов автором настоящей статьи на территории г. Москвы и Московской области проведен социологический опрос. В его рамках были опрошены люди различного возраста, пола, профессий и образования на тему того, какие полномочия судебных приставов-исполнителей, по их мнению, являются самыми важными.

По результатам данного анкетирования установлено следующее.

На вопрос о степени эффективности деятельности ФССП России большинство опрошенных (47 %) ответили, что считают ее средней. При этом по 18 % респондентов оценили ее как высокую или затруднились с ответом. По мнению 15 % лиц, эффективность деятельности ФССП России низка.

Далее опрошенным предлагалось выделить наиболее важные полномочия судебных приставов-исполнителей. Так, 20,8 % респондентов посчитали таковым право судебного пристава-исполнителя арестовывать, изымать, передавать на хранение и реализовывать арестованное имущество; 17,2 % лиц, принявших участие в анкетировании, отметили в качестве самого важного полномочие налагать арест на денежные средства и иные ценности должника, находящиеся на счетах, во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях. Вместе с тем 15,2 % отметили право судебного пристава-исполнителя получать при совершении исполнительных действий необходимую информацию, в том числе персональные данные, объяснения и справки, проверять документы, удостоверяющие личность, у лиц, участвующих в исполнительном производстве.

По мнению 13,6 и 13,2 % опрошенных, наиболее важными является полномочие судебного пристава-исполнителя объявлять розыск должника, его имущества или розыск ребенка и обращаться за содействием к сотрудникам органов внутренних дел, органов миграционного учета, органов федеральной службы безопасности, органов, уполномоченных в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, иных органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также к военнослужащим внутренних войск соответственно.

Наконец, 10,8 и 9,2 % респондентов указали на полномочие входить в помещения и хранилища, занимаемые должниками или принадле-

жащие им, производить осмотры указанных помещений, при необходимости вскрывать их и давать гражданам и организациям, участвующим в исполнительном производстве, поручения по вопросам совершения конкретных исполнительных действий, вызывать граждан и должностных лиц соответственно в качестве самых важных.

При этом 45,1 % опрошенных полагают, что объем полномочий судебных приставов-исполнителей полностью соответствует возложенным на них задачам. Однако довольно большое число респондентов (41,6 %) считают, что объем полномочий недостаточен, и лишь 13,2 % лиц указали на то, что объем полномочий судебного пристава-исполнителя избыточен.

В последнем вопросе анкеты ее участникам предлагалось выразить свое отношение к деятельности судебных приставов-исполнителей. Так, 45,3 и 47,4 % опрошенных относятся к ней положительно и нейтрально соответственно и лишь 7,1 % — отрицательно.

Проанализировав данные проведенного нами социологического исследования, можно сказать, что, по мнению людей, эффективность деятельности Службы является не самой высокой, однако они признают ее значимость, необходимость и общественную полезность. Это говорит о том, что некий авторитет и уважение к ФССП России в обществе на сегодняшний момент имеется, но их степень и размер полностью зависят от эффективности деятельности Службы, выполнения возложенных на нее задач.

Разберем наиболее популярные, по результатам нашего опроса, полномочия с точки зрения влияния на образ ФССП России.

Данные полномочия предусмотрены ч. 2 ст. 12 Закона о судебных приставах.

Согласно ч. 1 ст. 69 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [14] изъятие имущества и его принудительная реализация являются составными частями обращения взыскания на имущество должника. Арест налагается в порядке, предусмотренном ст. 80–81 данного Закона.

Таким образом, респонденты выделили в качестве самых основных полномочий судебного пристава те, которые, во-первых, напрямую затрагивают имущественное положение должника, поскольку лишают его некоторых видов имущества во исполнение требований исполнительных документов, а во-вторых, затрагивают и интересы взыскателя, поскольку являются наиболее часто и эффективно применяемыми инструментами для исполнения требований исполнительных документов в их пользу.

В связи с этим напрашивается логичный вывод о том, что опрошенные назвали самыми

важными те полномочия, результат которых виден, понятен и ошутим сразу.

С учетом изложенного, опираясь на данные проведенного нами социологического исследования, мы пришли к новой классификации полномочий судебных приставов, основанной на величине их влияния на общественное восприятие ФССП России. Основным критерием отбора в данном случае, по нашему мнению, является практическая значимость и ошутимость результата реализации полномочий. Иными словами, чем понятнее полномочие и чем быстрее оно приносит ошутимый результат в исполнительном производстве (как правило, выплата долга), тем более влиятельным и важным оно будет выглядеть в глазах общества, и соответственно, тем

большее воздействие оно будет оказывать на образ ФССП России.

Таким образом, по степени влияния на образ ФССП России мы выделяем значительно влияющие (полномочие судебного пристава-исполнителя по наложению ареста на имущество и денежные средства в банках должника, а также изъятию и принудительной реализации), достаточно влияющие (полномочия по получению информации, объявлению розыска должника, его имущества или розыска ребенка, обращению за содействием к другим органам власти и должностным лицам) и незначительно влияющие (полномочие по вхождению в помещения и хранилища, занимаемые должниками, и по даче гражданам и организациям, участвующим в исполнительном производстве, поручений, их вызову).

1. См.: Бакурова Н. Н. О некоторых аспектах административно-правового положения судебного пристава // *Административное право и процесс*. 2013. № 2.

2. См.: Там же.

3. См.: *Теория государства и права : учебник / отв. ред. А. В. Малько*. М., 2009. С. 102.

4. См.: *Административное право : учебник / под ред. Л. Л. Попова, М. С. Студеникиной*. М., 2008. С. 160.

5. См.: Бакурова Н. Н. Указ. соч.

6. См.: РГ. 2004. 31 июля.

7. См.: Ананьев Н. В. *Административно-правовое положение (статус) государственного гражданского служащего Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук*. М., 2008. С. 139.

8. См.: Бахрах Д. Н. *Административное право России : учебник для вузов*. М., 2000. С. 233.

9. См.: Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. *Административное право Российской Федерации : учебник*. М., 1996. С. 181.

10. См.: Гуреев В. А. *Теоретические и организационно-правовые основы реализации правоохранительной функции государства органами принудительного исполнения в Российской Федерации : монография*. М., 2012. С. 32.

11. См.: СЗ РФ. 1997. Ст. 3590. № 30.

12. См.: Клепикова М. А. *Проблемы правового положения органов принудительного исполнения в исполнительном производстве : дис. ... канд. юрид. наук*. Екатеринбург, 2001. С. 74.

13. См.: Решетникова И. В., Ялков В. В. *Гражданское право и процесс в современной России*. М., 1999. С. 223.

14. См.: РГ. 2007. 6 окт.

Правовая сущность брака в Российской Федерации

The Legal Nature of Marriage in the Russian Federation

В данной статье раскрывается понятие брака в историческом аспекте, его правовая сущность и особенности юридических признаков брака. Данные признаки брака должны быть закреплены законодательно. Необходимо различать понятия брака и его государственной регистрации. Также предлагается исключить фиктивный брак как основание признания брака недействительным.

Семейное право; понятие брака; признаки брака; брачная правоспособность; государственная регистрация брака; субъекты семейных правоотношений; добровольность брака; права и обязанности супругов; принципы семейного права

This article reveals the concept of marriage in the historical aspect, its legal nature and peculiarities of the legal characteristics of marriage. These signs marriage should be enshrined in law. It is necessary to distinguish the concepts of marriage and its state registration. It is also proposed to eliminate fictitious marriage as the basis of recognition of the marriage invalid.

Family law; the concept of marriage; signs marriage; marriage legal capacity; the state registration of marriage; the subjects of family relations; the voluntary nature of marriage; the rights and obligations of spouses; principles of family law

В современном российском семейном праве легальное определение брака отсутствует. Его внутренний правовой смысл приходится выводить путем толкования семейно-правовых принципов. Так, в ст. 1 СК [1] сказано, что «регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, равенства прав супругов в семье». Брачно-семейные кодексы советского периода развития семейного права (1918, 1926, 1969 гг.) также не содержали понятия брака. Таким образом, ряд ученых рассматривают брак доктринальным образом в социологическом смысле.

Как указано в современной юридической литературе по семейному праву, отсутствие законодательно установленного понятия брака связано с тем, что «брак является сложным комплексным социальным явлением, находящимся под воздействием не только правовых, но и этических, моральных норм, а также экономических законов» [2]. Другими словами, «юридическое определение брака неизбежно было бы неполным, так как не могло бы охватить существенные признаки брака, лежащие за пределами права» [3]. С этим утверждением трудно спорить, так как брак является объектом изучения самых различных наук: философии, социологии, психологии,

медицины, истории, демографии и др. Однако для юридической науки представляется интересным лишь тот аспект брака, который можно урегулировать правом, подвергнуть воздействию соответствующих норм.

В дореволюционный период брак определялся как «союз мужчины и женщины с целью сожительства, основанный на взаимном соглашении и заключенный в установленной форме» [4].

В послереволюционный период под влиянием идеологии появилось понятие так называемого социалистического брака. В положениях Кодекса законов о браке, семье и опеке [5] брак понимался как свободное и добровольное сожительство на началах любви, дружбы и сотрудничества. В этом было основное его отличие от брака буржуазного, рассматриваемого в законодательстве зарубежных стран не в виде равноправного союза мужчины и женщины, а как гражданско-правовую сделку [6]. Указанный Кодекс вводит обязательные элементы брака: наличие общего хозяйства супругов, их взаимная материальная поддержка и совместное воспитание детей.

Также многие ученые в период развитого социализма относили к признакам брака его пожизненный характер [7], обязательное рождение и воспитание детей [8].

В теории современного семейного права под браком понимается «моногамный добровольный и равноправный союз мужчины и женщины, заключенный с соблюдением установленного законом порядка и порождающий между супругами взаимные личные и имущественные права и обязанности» [9].

Например, Л. М. Пчелинцева отмечает, что брак это «юридический факт, вызывающий возникновение семейно-правовых связей, направленный на создание семьи» [10].

Однако помимо традиционного понимания высказывается суждение, что брак является сделкой. Так, М. В. Антокольская считает, что «соглашение о заключении брака по своей правовой природе не отличается от гражданско-правового договора» [11]. Данная концепция с учетом развития института брачного договора является наиболее распространенной в семейном праве стран Западной Европы.

Таким образом, основная ошибка юридического понятия брака заключается в том, что ряд авторов как в советский, так и в российский период ссылаются на внеправовые признаки брака, воздействовать на которые право по определению не может. Фактически происходит отождествление понятия семьи и соответствующих признаков с понятием брака либо сведение брака к одной из разновидностей сделок [12].

С учетом принятия СК и изменения политико-экономической формации в России необходимо выявить соответствующие признаки именно брака, а не семьи, при этом анализировать только юридическую его составляющую.

Первый юридический признак брака — это моногамный союз мужчины и женщины, достигших брачного возраста. Субъектами брака в Российской Федерации являются только два разнополюх физических лица, достигших 18 лет (ст. 12, 13 СК).

В различных культурах, в основном в Азии (мусульманская система права), сегодня разрешается иметь нескольких жен, как правило, до трех. Также истории известны культуры, где существовали гаремы из мужчин (например, племена амазонок в районе реки Дон, I тыс. до н. э.). В современном обществе зачастую супруги имеют сексуальные отношения вне брака, но данный аспект является не предметом права, а норм морали и нравственности, господствующих в соответствующий исторический период. Однако доказанный факт прелюбодеяния в рамках религии всегда отрицательно характеризовал супруга и являлся поводом к разводу. Другими словами, моногамность как таковая или ее отсутствие — юридический признак брака с учетом доминирующих социальных, в том числе правовых норм во времени и пространстве.

В советский период подчеркивалось, что одной из целей семьи считается рождение и воспитание детей, т. е. дети являются естественным «продуктом» развития отношений в браке, что физически невозможно при наличии двух однополюх супругов.

Однако в настоящее время все больше пар не могут (возраст, бесплодие, медицинские противопоказания) или не желают иметь своих детей, что привело в XX в. к юридическому оформлению института суррогатного материнства, а ранее, в XVI — XVII вв. — к институту опеки и попечительства (усыновление, приемная семья).

Кроме того, ряд развитых стран (Нидерланды, Бельгия, Испания, Норвегия, Франция, Англия, некоторые штаты США и Мексики, Канада, Новая Зеландия и др.) с 2001 г. узаконили браки (союзы, партнерства) между лицами одного пола. В то же время в Северной Африке и Передней Азии (Алжир, Египет, Иран, Пакистан и др.) однополюе отношения, наоборот, влекут уголовную ответственность вплоть до пожизненного заключения или смертной казни. В Российской Федерации уголовная ответственность за мужеложство отменена 27 мая 1993 г., в отношении женщин она не предусматривалась вообще. Несложный метод интерполяции показывает, что страны континентальной системы права (в меньшей степени),

англо-американской системы права (в большей степени) в недалеком будущем полностью узаконят права и обязанности однополых и разнополых супругов, в том числе право на усыновление детей. Другими словами, однополость как таковая или ее отсутствие — также исключительно юридический признак брака и также с учетом доминирующих социальных норм во времени и пространстве.

Кодекс законов о браке, семье и опеке впервые в России установил единый брачный возраст для мужчин и женщин — 18 лет. Пункт 1 статьи 13 СК, повторяя эту норму, ввел несколько исключений, направленных на снижение брачного возраста до 16 лет с разрешения органов местного самоуправления и до достижения 16 лет (как правило, с 14 лет) с разрешения органов власти субъекта РФ. Однако в некоторых законах субъектов РФ минимальный возраст не установлен, т. е. теоретически можно вступать в брак с любого возраста или, по крайней мере, с началом пубертата (см. Закон Орловской области от 21.04.1997 № 33-ОЗ «О порядке и условиях вступления в брак лиц, не достигших возраста шестнадцати лет» [13]). Основная функция права — установить общее правило поведения, а не индивидуализировать его под конкретных лиц. Личное правило поведения конкретного лица устанавливается в зависимости от его физического состояния, воспитания, жизненных идеалов и т. д. Так, некоторые могут стать супругами в 14 лет, но данный социальный экстремум не является основанием для его закрепления в качестве правовой нормы для всех.

Кроме того, законы субъектов устанавливают различные основания для снижения брачного возраста, что является недопустимым, так как ставит объем брачной правоспособности в зависимости от места проживания будущего супруга (ст. 19 Конституции) [14].

В этой связи целесообразно установить единый на всей территории РФ минимальный брачный возраст (например, 16 лет).

Второй признак брака — добровольность брачного союза. Данный признак можно разделить на несколько составляющих. С одной стороны (внешняя часть), запрещаются любые формы ограничения прав при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ст. 1 СК), причем государство это должно гарантировать (ст. 19 Конституции). С другой стороны (внутренняя часть), необходимо единство воли и волеизъявления будущего супруга (п. 3 ст. 1, п. 1 ст. 12 СК), желание должно быть осознанным, взаимным, и будущие супруги

должны отдавать отчет в своих действиях, руководить ими, понимать их значение. При этом поспешное, необдуманное вступление в брак, психологическая и практическая неподготовленность к семейной жизни и, как следствие, накопление ошибок в семейных отношениях не является основанием, чтобы считать, что признак добровольности брака был нарушен.

Также необходимо отсутствие физического и психического принуждения, насилия, обмана и т. д. со стороны кого бы то ни было. Практика похищения невесты у некоторых народов юга России влечет уголовную ответственность до 15 лет лишения свободы (ст. 126 «Похищение человека» УК [15]).

Добровольность брачного союза предполагает свободу заключения брака как такового, свободу выбора разнополого брачного партнера при заключении брака и, что немаловажно, свободу расторжения брака.

Отсутствие воли на заключение брака или ее неправильное (незаконное) формирование может привести к признанию брака недействительным (ст. 28 СК РФ), что является тождественным институту признания сделки недействительной в гражданском праве. Однако вопрос санации брака в семейном праве прописан гораздо более четко, чем вопрос санации сделки в гражданском.

С третьей стороны (процессуальная часть), добровольность брачного союза выражается в личном присутствии в письменном виде путем прямого волеизъявления. Правомерность действия реализуется через процедуру государственной регистрации. Заключение брака через представителя или заочно не допускается (ст. 11 СК). Не допускается регистрация брака и при наличии обстоятельств, препятствующих его заключению (ст. 14 СК). Вопрос о реальной проверке сотрудниками органов ЗАГС данных обстоятельств вынесем за пределы данной статьи. В настоящее время не создано даже единой базы супругов в РФ, не говоря уже об иных препятствующих обстоятельствах.

Неоднозначными также являются нормы некоторых законов субъектов РФ, предполагающие письменное согласие родителей (лиц, их заменяющих) на вступление в брак лица, не достигшего возраста 16 лет (см. ст. 3 Закона Орловской области от 04.03.2011 № 1177-ОЗ «О порядке и условиях выдачи разрешения на вступление в брак лицам, не достигшим возраста шестнадцати лет, в Орловской области» [16]).

Свобода расторжения брака в Российской Федерации ограничивается для мужчин во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка, если нет ее согласия на развод (ст. 17 СК).

Третий признак брака — равные, взаимные личные и имущественные права и обязанности супругов (п. 3 ст. 1, п. 2, ст. 10, ст. 31 СК).

В 1551 г. «Стоглав» в рамках церковного права закрепил власть мужа над женой, запрещая, однако, распоряжаться приданым жены без ее согласия. Впоследствии имущество супругов стало раздельным [17].

В настоящее время каждый из супругов свободен в выборе рода занятий, профессии, мест пребывания и жительства. Данные права являются конституционными правами мужчины и женщины (ст. 19, 27, 34, 37 Конституции).

Реальным личным правом супруга СК предусматривает выбор последним фамилии, которое реализуется однократно при заключении или расторжении брака. Это право также не является исключительным. Так, федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» [18] предоставляет данное право любому лицу, достигшему 14 лет в более широком варианте: смена фамилии, отчества и собственно имени.

Реальных личных обязанностей супругов СК не предусмотрено. Норма ст. 31 СК только декларирует, что вопросы жизни семьи решаются супругами совместно, а свои отношения они должны строить на основе взаимоуважения и взаимопомощи, содействовать благополучию и укреплению семьи. Данные обязанности юридически не выполнимы, так как лежат во внеправовой сфере. Вопросы материнства, отцовства, воспитания, образования детей, заботы о благосостоянии и развитии своих детей, указанные в данной статье, являются обязанностями родителей, а не супругов.

Имущественные права и обязанности супругов урегулированы более детально. Так, супругам предоставляется режим общей совместной собственности, если брачным договором не установлено иное (ст. 33 СК). Надо отметить, что данный режим в ст. 257 ч. 1 ГК [19] установлен также для членов крестьянского (фермерского) хозяйства.

Единственная имущественная обязанность супругов заключается в уплате алиментов друг другу (соглашение между супругами или в судебном порядке). Причем СК установил возможность получения алиментов и бывшим супругом (ст. 90 СК). Норма ст. 89 СК в той части, что супруги должны материально поддерживать друг друга также является юридически не выполнимой из-за отсутствия легальных критериев данной поддержки.

Особенности ответственности по обязательствам именно супругов установлены в гл. 9 СК.

Как видим, собственно семейных прав и обязанностей супругов не так уж много, их объем (брачная правоспособность) зависит исключительно от усмотрения законодателя.

Четвертый признак брака — государственная регистрация брака в специальных органах: ЗАГС, дипломатические представительства и консульские учреждения РФ, компетентные органы иностранных государств (п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 10, ст. 157, ст. 158 СК).

Данный признак был введен декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 18.12.1917 «О гражданском браке, о детях и ведении книг актов гражданского состояния» [20], отменив заключение брака по религиозным обрядам (венчание). Исключение было только для религиозных браков, заключенных до образования или восстановления государственных органов ЗАГС на соответствующей территории.

Фактические браки признавались наряду с зарегистрированными в период действия Кодекса законов о браке, семье и опеке до принятия Указа Президиума ВС СССР от 08.07.1944 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждения ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» [21].

Настоящий Кодекс предусматривает единственное исключение из принципа государственной регистрации брака и придания правовой силы бракам, совершенным по религиозным обрядам на оккупированных территориях, входивших в состав СССР в период Великой Отечественной войны, до восстановления на этих территориях органов ЗАГС (п. 7 ст. 169 СК). Такие браки не нуждаются в последующей государственной регистрации.

Необходимо различать понятия брака и его государственной регистрации. Так, государственная регистрация брака — это акт признания государством перед самим собой и третьими лицами созданного союза мужчины и женщины, влекущего семейно-правовые и гражданско-правовые последствия. При этом семья как социально-психологическое явление может быть уже создана до государственной регистрации, будет создана после таковой либо не создана никогда между этими лицами. Таким образом, целевые признаки брака — создание семьи, рождение и воспитание детей и т. д., утрачивают смысл, так как лежат во внеправовой сфере.

Предлагается исключить фиктивный брак как основание признания брака недействительным (п. 1 ст. 27 СК), в силу того что закон не устанавливает конкретных сроков создания семьи после государственной регистрации брака, нет легального понятия семьи в семейном законодательстве, и, следовательно, доказывание фиктивности брака в рамках гражданского

процесса достаточно затруднительно, личные семейные права, обязанности и отношения в целом СК только декларируются, не становясь при этом правоотношением. Брак по расчету, осуждаемый обществом с моральной стороны, тем не менее не является основанием для признания его недействительным, так как согласно п. 2 ст. 31 СК вопросы семьи решаются супругами

совместно и без вмешательства третьих лиц и государственных органов.

Кроме того, в настоящее время распространены так называемые гостевые браки, браки на определенное время. Статистика разводов показывает, что распадается каждый второй из зарегистрированных браков [22]. Историческое развитие брака в России показано в таблице.

Таблица

Генезис брака в России

Этапы	I	II	III	IV	V
Вид брака	Полигамия	Моногамия	Религиозный брак	Гражданский брак	Гражданский брак
Социальные нормы, регулирующие брак	Обычаи, языческая вера, культ природы	Обычаи, традиции, культ предков	Церковное право, религиозные нормы	Семейное законодательство	Семейное и гражданское законодательство
Объективная форма	—	—	Венчание, метрические книги	Свидетельство о заключении брака	Брачный договор
Период	Дохристианский период (до 988 г.)		988–1917 гг.	С 1917 г. по настоящее время	С 1995 г. по настоящее время

Таким образом, брак в Российской Федерации — это моногамный, добровольный союз мужчины и женщины, достигших брачного возраста, заключенный с соблю-

дением установленного законом порядка и порождающий между супругами равные, взаимные личные и имущественные права и обязанности.

1. См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
2. Пчелинцева Л. М. Семейное право России : учебник. М., 2008. С. 94.
3. Советское семейное право / под ред. В. А. Рясенцева. М., 1982. С. 64.
4. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 408.
5. См.: СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.
6. См., напр.: Большая советская энциклопедия : в 30 т. / под ред. А. М. Прохорова. М., 1970. Т. 3. С. 635.
7. См., напр.: Божко В. И. Очерки советского семейного права. Киев, 1952. С. 104; Нечаева А. М. Брак, семья, закон. М., 1984. С. 6.
8. См., напр.: Белякова А. М., Ворожейкин Е. М. Советское семейное право. М., 1974. С. 87.
9. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / отв. ред. И. М. Кузнецова. М., 2000. С. 51.
10. Пчелинцева Л. М. Указ. соч. С. 100.
11. Антокольская М. В. Семейное право. М., 1996. С. 109–114.
12. См. подробно: Агапов С. В. О необходимости правового понятия семьи // Вестник Российской правовой академии. 2011. № 4.
13. См.: Орловская правда. 1997. 13 мая.
14. См.: СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
15. См.: Там же. 1996. № 25. Ст. 2954.
16. См.: Орловская правда. 2011. 12 марта.
17. См.: Цатурова М. К. Русское семейное право XVI–XVIII вв. М., 1991. С. 38, 54, 70.
18. См.: СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.
19. См.: Там же. 1994. № 32. Ст. 3301.
20. См.: СУ РСФСР. 1917. № 17. Ст. 160.
21. См.: Ведомости ВС СССР. 1944. № 37.
22. См.: РФ. 2013. 18 июля.

**Организационные и координационные полномочия
Министерства юстиции Российской Федерации
в области антикоррупционной экспертизы
нормативных правовых актов
и их проектов**

**Organizational and Coordination Authorities
of Ministry of Justice of Russian Federation
in the Area of Anti-corruption Expertise
of Legal Acts and Their Projects**

В статье дается характеристика полномочий Минюста России по проведению и организации антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. На основе проведенного исследования реализации функций государственного управления в полномочиях Минюста России в области антикоррупционной экспертизы, делается вывод, что данный орган выступает организатором и координатором в указанной области деятельности.

Антикоррупционная экспертиза; органы исполнительной власти; полномочия; государственные функции; координация; организация; независимые эксперты; взаимодействие; мониторинг правоприменения

The article describes the authorities of the Ministry of Justice of Russian Federation to carry out and organize of anti-corruption expertise of legal acts and their projects. Based on the research implementation of government functions in authorities of the Ministry of Justice of Russian Federation in the area of anti-corruption expertise, it is concluded that the public body is the organizer and coordinator of activities in this area.

Anti-corruption expertise; the executive authorities; authorities; public functions; coordination; organization; independent experts; interaction; monitoring of law enforcement

Анализ п. 7 Положения о Минюсте России, утвержденного Указом Президента РФ от 13.10.2004 № 1313 [1], позволяет сделать вывод о том, что эти нормы регулируют два направления деятельности Минюста России в области антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов (далее — антикоррупционная экспертиза). Это, во-первых, проведение Минюстом России антикоррупционной экспертизы. В данном случае Минюст России осуществляет экспертную деятельность, которая регулируется основополагающими актами в этой области — Федеральным законом от 17.07.2009

№ 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (далее — Закон об антикоррупционной экспертизе) [2] и постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», которым были утверждены правила и методика [3]. Другое направление его деятельности связано с осуществлением комплекса разнохарактерных мер, не направленных на непосредственное проведение данной экспертизы. Цель этих мер — решение информационных, кадровых,

методических и других вопросов обеспечения деятельности Минюста России в области организации и производства указанного вида экспертизы как самим Минюстом России, так и другими субъектами этой деятельности. Такая организация направлена на урегулирование деятельности внутренних подразделений Минюста России (см. приказ Минюста России от 04.10.2013 № 187 «Об утверждении Порядка организации работы по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, проектов нормативных правовых актов и иных документов структурными подразделениями Министерства юстиции Российской Федерации» [4]), его территориальных органов (см. приказ Минюста России от 01.04.2010 № 77 «Об организации работы по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и уставов муниципальных образований» [5]), а также независимых экспертов (см. приказ Минюста России от 27.07.2012 № 146 «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации» [6]). Рассмотрим указанные полномочия и дадим их характеристику.

Минюст России имеет больше возможностей по проведению антикоррупционной экспертизы, что обусловлено его компетенцией. Во-первых, объект антикоррупционной экспертизы, проводимой Минюстом России, представляет собой различные виды нормативных правовых актов:

- проекты федеральных законов, проекты указов Президента РФ и проекты постановлений Правительства РФ, разрабатываемых федеральными органами исполнительной власти, иными государственными органами и организациями;

- проекты поправок Правительства РФ к проектам федеральных законов, подготовленным федеральными органами исполнительной власти, иными государственными органами и организациями;

- нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающих правовой статус организаций или имеющих межведомственный характер;

- нормативные правовые акты субъектов РФ при мониторинге их применения и при внесении сведений в федеральный регистр нормативных правовых актов субъектов РФ;

- уставы муниципальных образований и муниципальных правовых актов о внесении изменений в уставы муниципальных образований.

Во-вторых, Минюст России проводит антикоррупционную экспертизу при выполнении других его полномочий — при регистрации нормативных правовых актов, мониторинге правоприменения, правовой экспертизе.

При этом регистрация нормативных правовых актов на сегодняшний день является исключительным полномочием Минюста России, что определено п. 11 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденным постановлением Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 [7].

В то же время Минюст России является ведущим органом в области мониторинга правоприменения. Так, согласно п. 2 Указа Президента РФ от 20.05.2011 № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» [8] на Минюст России возложена функция по координации мониторинга, осуществляемого федеральными органами исполнительной власти, и его методическому обеспечению. При этом практика проведения антикоррупционной экспертизы является основой для специального направления мониторинга правоприменения — обеспечение принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) нормативных правовых актов РФ в целях реализации антикоррупционной политики и устранения коррупциогенных факторов. Для этого обобщается, анализируется и оценивается информация о практике их применения по следующим показателям:

- а) несоблюдение пределов компетенции органа государственной власти, государственных органов и организаций при издании нормативного правового акта;

- б) неправомерные или необоснованные решения, действия (бездействие) при применении нормативного правового акта;

- в) наличие в нормативном правовом акте коррупциогенных факторов;

- г) наиболее часто встречающиеся коррупциогенные факторы в нормативных правовых актах;

- д) количество коррупциогенных факторов, выявленных в нормативном правовом акте при проведении антикоррупционной экспертизы уполномоченным органом;

- е) количество коррупциогенных факторов, выявленных в нормативном правовом акте при

проведении антикоррупционной экспертизы независимыми экспертами;

ж) сроки приведения нормативных правовых актов в соответствие с антикоррупционным законодательством РФ;

з) количество и содержание обращений (предложений, заявлений, жалоб) о несоответствии нормативного правового акта антикоррупционному законодательству РФ, в том числе о наличии в нормативном правовом акте коррупционных факторов (см. п. 9 Методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 19.08.2011 № 694 [9]).

В-третьих, на Минюст России возложены обязанности по аккредитации независимых экспертов с нормативным обеспечением порядка проведения этой процедуры. Минюстом России были приняты приказы о ведении реестра аккредитованных экспертов (см. приказ Минюста России от 26.04.2012 № 66 «Об утверждении Порядка ведения государственного реестра независимых экспертов, получивших аккредитацию на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации» [10]), об утверждении форм свидетельств об аккредитации (см. приказ Минюста России от 27.07.2012 № 145 «Об утверждении форм свидетельств об аккредитации юридических и физических лиц в качестве независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации» [11]), а также формы заключения по результатам экспертизы (см. приказ Минюста России от 21.10.2011 № 363 «Об утверждении формы заключения по результатам независимой антикоррупционной экспертизы» [12]). Таким образом, организация деятельности независимых экспертов осуществляется Минюстом России.

Анализ нормативных правовых актов, регулирующих полномочия Минюста России в области антикоррупционной экспертизы, позволяет сделать вывод о том, что данный орган выступает организатором и координатором в указанной области деятельности.

В теории государственного управления организация и координация являются основными функциями государственного управления (функция государственного управления — конкретный вид управляющего воздействия государства в целом, отличающийся предметом, содержанием и способом сохранения либо преобразования управляе-

мых явлений [13]). Под основными функциями государственного управления понимается «всеобщие, типичные, имеющие специальную направленность виды взаимодействия между субъектами и объектами управления, характерные для всех управленческих связей, обеспечивающие достижение согласованности и упорядоченности в сфере государственного управления» [14].

Выделяют общие и различные черты дефиниций «функции государственного управления» и «управленческие функции государственных органов». По мнению Г. В. Атаманчука, «управленческие функции государственных органов можно определить как юридически выраженные управляющие воздействия отдельных государственных органов, которые они вправе и обязаны осуществлять в отношении определенных управляемых объектов или управляющих компонентов каких-либо иных структур. Такие функции воспринимают, естественно, те параметры, которые присущи функциям государственного управления, т. е. они также различаются по предмету (направленности воздействия), содержанию (организационно-регулирующим способностям), способу реализации (совокупности средств воздействия). Но к этим параметрам добавляется еще один — объем управленческой функции государственного органа, определяющий меру ее участия в осуществлении целостной функции государственного управления. Объем управленческой функции обусловлен местом государственного органа в структуре управляющей системы и очерчивает пределы и роль этого органа в управлении общественными процессами» [15].

Таким образом, государственный орган может осуществлять функции государственного управления только в пределах своих полномочий. С учетом того что Минюст России имеет управленческие полномочия в области антикоррупционной экспертизы, рассмотрим содержание функций организации и координации в его деятельности.

Под организацией понимается формирование системы государственного управления на основе установленных принципов и подходов, определение структуры управляющей и управляемой систем в государственном управлении. Организация в узком смысле — это упорядочение структуры органов государства, штатов, персонала, процессов государственного управления [16]. Организационная деятельность Минюста России проявляется в информационном, кадровом, нормативном, методологическом обеспечении деятельности внутренних подразделений, территориальных органов Минюста России по проведению антикоррупционной экспертизы и по аккредитации независимых экспертов.

Координация — обеспечение согласованной работы различных органов управления, подведомственных им объектов с целью наиболее эффективного выполнения их общих или взаимосвязанных задач [17]. А. Н. Козырина и Е. К. Глушко отмечают, что координирующей деятельности на министерском уровне присущи определенные черты. Рассмотрим указанные черты и для наглядности сразу сопоставим их с деятельностью Минюста России в области антикоррупционной экспертизы.

Первой чертой, как считают авторы, является координирование деятельности ведомств, не входящих в состав министерств, но обязанных согласовывать с ними по определенным вопросам свою деятельность. Так, регистрация нормативных правовых актов является одним из этапов нормотворчества. Государственной регистрации подлежат нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций, имеющие межведомственный характер, независимо от срока их действия, в том числе акты, содержащие сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера (см. п. 10 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 [18]). Как уже было сказано, регистрацией нормативных правовых актов занимается только Минюст России. При регистрации нормативных правовых актов проводится антикоррупционная экспертиза: согласно п. 4.1 Закона об антикоррупционной экспертизе при выявлении коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающих правовой статус организаций или имеющих межведомственный характер, а также в уставах муниципальных образований и муниципальных правовых актах о внесении изменений в уставы муниципальных образований указанные акты не подлежат государственной регистрации. Таким образом, все государственные органы должны предоставить в Минюст России для регистрации нормативных правовых актов акты, свободные от коррупционных рисков.

Еще одним аспектом проявления указанной черты в деятельности Минюста России является возложенная на него обязанность по обобщению практики проведения антикоррупционной экспертизы. В целях уяснения эффективности антикоррупционной экспертизы Национальным планом противодействия коррупции на 2010–2011 гг.,

утвержденным Президентом РФ от 31.07.2008 № Пр-1568 [19], Минюсту России было поручено обобщить практику организации проведения антикоррупционной экспертизы (подп. «в» п. 8). В последующем для использования таких данных для мониторинга правоприменения на Минюст России была возложена эта обязанность на постоянной основе. Так, согласно плану Минюста России по противодействию коррупции на департамент конституционного законодательства возложена обязанность по обобщению практики проведения антикоррупционной экспертизы в целях подготовки доклада с предложениями по повышению эффективности проведения антикоррупционной экспертизы (см. приказ Минюста России от 28.06.2012 № 121 «Об утверждении Плана Минюста России по противодействию коррупции» [20]). Федеральные органы исполнительной власти представляют в Минюст России результаты их деятельности, а также деятельности независимых экспертов по проведению антикоррупционной экспертизы за первое полугодие и прошедший год (см. п. 5.3, 5.4 Методических рекомендаций «Организация в федеральных органах исполнительной власти антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов», одобренных президиумом Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции (протокол от 25.09.2012 № 34) [21]). В последующем эти обработанные данные используются Минюстом России при проведении мониторинга правоприменения.

Второй чертой, характерной для координационной деятельности, по мнению авторов, является координация в сфере взаимоотношений публичных предприятий и частного сектора [22]. Одним из принципов проведения антикоррупционной экспертизы является сотрудничество федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, а также их должностных лиц с институтами гражданского общества при проведении антикоррупционной экспертизы (см. п. 5 ст. 2 Закона об антикоррупционной экспертизе). Проведение независимой антикоррупционной экспертизы является формой участия гражданского общества в борьбе с коррупцией. Реализуя данный принцип, территориальные органы Минюста России обеспечивают поддержку независимым экспертам в области антикоррупционной экспертизы путем дачи разъяснений, проведения методических семинаров, обучения, предоставления рекомендаций и памяток по вопросам антикоррупционной экспертизы.

Подтверждением данной точки зрения является тот факт, что на стадии становления

законодательства об антикоррупционной экспертизе отмечалась необходимость координации государственной деятельности в этой области. При этом указывалось, что «координирующим органом должен выступать Минюст России» [23]. Кроме того, п. 4 ст. 8 Модельного закона СНГ об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, принятого 17.05.2012 постановлением 37-12 [24], определено, что орган исполнительной власти, осуществляющий функции в области юстиции координирует работу органов исполнительной власти, иных государственных органов (за исключением органов прокуратуры), их должностных лиц,

организаций и учреждений по проведению антикоррупционной экспертизы.

Таким образом, Минюст России является организатором деятельности внутренних подразделений, территориальных органов Минюста России, независимых экспертов по проведению антикоррупционной экспертизы, изучению, анализу, обобщению практики ее проведения, а также координатором деятельности государственных и муниципальных органов в области антикоррупционной экспертизы. Вышеизложенное в своей взаимосвязи позволяет признать Минюст России организационно-координационным органом в области антикоррупционной экспертизы.

-
1. См.: СЗ РФ. 2004. № 42. Ст. 4108.
 2. См.: Там же. 2009. № 29. Ст. 3609.
 3. См.: Там же. 2010. № 10. Ст. 1084.
 4. См.: РГ. 2013. 18 окт.
 5. См.: Там же. 2010. 21 апр.
 6. См.: Там же. 2012. 29 авг.
 7. См.: СЗ РФ. 1997. № 33. Ст. 3895.
 8. См.: Там же. 2011. № 21. Ст. 2930.
 9. См.: Там же. № 35. Ст. 5081.
 10. См.: РГ. 2012. 1 июня.
 11. См.: Там же. 2012. 29 авг.
 12. См.: Там же. 18 нояб.
 13. См.: Малышева М. А. Теории и механизмы современного государственного управления : учеб.-метод. пособие. СПб., 2011. С. 20
 14. Стариков Ю. Н. Курс общего административного права : в 3 т. Т. I: История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. М., 2002. С. 176.
 15. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления : курс лекций. М., 1997. С. 113.
 16. См.: Стариков Ю. Н. Указ. соч. С. 179.
 17. См.: Ростовцева Ю. В., Андреева Ю. А. Научная организация управления в области юстиции. М., 2010. С. 79.
 18. См.: РГ. 2008. 21 авг.
 19. См.: Там же. 5 авг.
 20. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
 21. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
 22. См.: Министерства и ведомства : учеб. пособие / под ред. А. Н. Козырина и Е. К. Глушко. М., 2008. С. 12.
 23. Власов И. С. и др. Правовые акты: антикоррупционный анализ : науч.-практ. пособие. М., 2010. С. 176.
 24. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Сокращения, принятые в издании

- абз.** — абзац (-ы)
БВС — Бюллетень Верховного Суда
БНА — Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти
ВВАС — Вестник Высшего Арбитражного Суда
ВВС — Ведомости Верховного Совета
ВКП — Всероссийская коммунистическая партия
ВСНД и ВС — Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК СНК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности
гл. — глава (-ы)
ГГУ — Германское гражданское уложение
Госстрой России — Федеральное агентство по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству
ГОСТ — государственный стандарт
Государственная Дума — Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации
ЕСПЧ — Европейский суд по правам человека
КНР — Китайская Народная Республика
МДС — методические документы системы
Минтруд России — Министерство труда и социального развития Российской Федерации
Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации
МКБ — Международная классификация болезней
МОТ — Международная организация труда
Наркомздрав — Народный комиссариат здравоохранения
НЭП — новая экономическая политика
ОАО — открытое (-ые) акционерное (-ые) общество (-а)
п. — пункт (-ы)
подп. — подпункты (-ы)
ПСЗ РИ — Полное собрание законов Российской империи
ПСРА — Полное собрание русских летописей
РАН — Российская академия наук
РГ — «Российская газета»
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
руб. — рубль (-и)
РФ — Российская Федерация
СДЗ РА — Свод документов и законов Республики Армении
СЗ — Собрание законодательства
СНиП — санитарные нормы и правила
СНК — Совет Народных Комиссаров
Совет Федерации — Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации
ст. — статья (-и)
СУ — Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства
СУОТ — система управления охраной труда
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
США — Соединенные Штаты Америки
тыс. — тысяча (-и)
ФГК — Французский гражданский кодекс
ФМС России — Федеральная миграционная служба
ФРГ — Федеративная Республика Германия
ФССП России — Федеральная служба судебных приставов
ЦК — Центральный Комитет
ч. — часть (-и)

Наши авторы

Агапов Сергей Викторович — доцент кафедры гражданского права РПА Минюста России, кандидат юридических наук (г. Москва), levels1234@yandex.ru

Бадыков Ленар Фергатович — старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института (филиал) РПА Минюста России, аспирант кафедры организации службы судебных приставов и исполнительного производства РПА Минюста России (г. Казань), lenarbadikov@mail.ru

Денисова Анна Васильевна — докторант кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Самара), anden@front.ru

Касьяненко Татьяна Сергеевна — преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского (г. Ростов-на-Дону) юридического института (филиал) РПА Минюста России (г. Ростов-на-Дону), kasjants@yandex.ru

Кучина Мария Сергеевна — преподаватель кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России, кандидат юридических наук (г. Москва), ins-mary@mail.ru

Мнацаканян Арут Ашотович — соискатель кафедры организации службы судебных приставов и исполнительного производства РПА Минюста России (г. Москва), mnatsakanyan.harut@gmail.com

Насимов Геннадий Асафович — доцент кафедры уголовного права и криминологии РПА

Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), pravorf@gmail.com

Огурцов Сергей Александрович — старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России, кандидат юридических наук (г. Москва), serg_wasp@bk.ru

Полухина Диана Михайловна — аспирант кафедры гражданского права РПА Минюста России (г. Москва), diana173-7@rambler.ru

Порошкина Юлия Олеговна — доцент кафедры организации службы судебных приставов и исполнительного производства РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), 5310889@mail.ru

Починалина Людмила Николаевна — доцент кафедры гражданского права юридического факультета Московского государственного индустриального университета, кандидат педагогических наук (г. Москва), kafpristav@mail.ru

Ряховский Кирилл Борисович — аспирант кафедры организации службы судебных приставов и исполнительного производства РПА Минюста России (г. Москва), Kirill-r89@yandex.ru

Соколова Татьяна Владимировна — аспирант кафедры трудового права и права социального обеспечения РПА Минюста России (г. Москва), ktp-rpa@mail.com

Сорокин Борис Константинович — аспирант кафедры трудового права и права социального

обеспечения РПА Минюста России (г. Москва), sorokin.bk@gmail.com

Цитильский Валерий Филиппович — доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), ktp-rpa@mail.ru

Чабукиани Оксана Алексеевна — доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Северо-Западного (г. Санкт-Петербург) филиала РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург), ksana_kartohina@mail.ru

Шершнева-Цитильская Ирина Александровна — доцент кафедры теории и истории государства и права РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), kafedra_teorii@list.ru

Юлегина Екатерина Игоревна — младший научный сотрудник НИИ РПА Минюста России (г. Москва), semenova_ek@list.ru

Яцеленко Борис Викторович — проректор по научной работе РПА Минюста России, доктор юридических наук, профессор (г. Москва), nauka-rpa@yandex.ru

Our Authors

Agapov Sergey Victorovich — the assistant professor of the Civil Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), levels1234@yandex.ru

Badykov Lenar Fergatovich — the senior teacher of State Law Disciplines Department of the Kazan Juridical Institute (branch) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the post-graduate of the Bailiffs Service and Enforcement Proceeding Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Kazan), lenarbadikov@mail.ru

Chabukiani Oksana Alekseevna — the assistant professor of the Criminally-Legal Disciplines Chair of the Northwest Branch (Sankt-Petersburg) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Sankt-Petersburg), ksana_kartohina@mail.ru

Denisova Anna Vasilevna — the doctoral candidate of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law, the assistant professor (Samara), anden@front.ru

Kasyanenko Tatyana Sergeevna — the teacher of the Civil Law Chair of the Rostov (Rostov-on-Don) Law Institute (branch) of the Russian Law Academy of Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Rostov-on-Don), kasjants@yandex.ru

Kuchina Mariya Sergeevna — the teacher of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), insmary@mail.ru

Mnatsakanyan Arut Ashotovich — the post-graduate of the Bailiffs Service and Enforcement Proceeding Chair of the Russian Law Academy of

the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), mnatsakanyan.harut@gmail.com

Nasimov Gennady Asafovich — the assistant professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law, the assistant professor (Moscow), pravorf@gmail.com

Ogurtsov Sergey Alexandrovich — senior teacher of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), serg_wasp@bk.ru

Pochinalina Lyudmila Nikolaevna — the assistant professor of the Civil Law Chair of Law Faculty of the Moscow State Industrial University (Moscow), kafpristav@mail.ru

Polukhina Diana Mikhailovna — the post-graduate of the Civil Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), diana173-7@rambler.ru

Poroshkina Yulia Olegovna — the assistant professor of the Bailiffs Service and Enforcement Proceeding Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law, the assistant professor (Moscow), 5310889@mail.ru

Riakhovsky Kirill Borisovich — the post-graduate of the Bailiffs Service and Enforcement Proceeding Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), Kirill-r89@yandex.ru

Shershneva-Tsitulskaya Irina Alexandrovna — the assistant professor of the Theory and History of the State and the Right Chair of the Russian Law

Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law, the assistant professor (Moscow), kafedra_teorii@list.ru

Sokolova Tatiana Vladimirovna — the post-graduate of the Chair of Employment Law and Social Security Law of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), ktp-rpa@mail.com

Sorokin Boris Konstantinovich — the post-graduate of the Chair of Employment Law and Social Security Law of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), sorokin.bk@gmail.com

Tsitulsky Valery Filippovich — the assistant professor of the Chair of Employment Industrial Law and Social Security Law of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law, the assistant professor (Moscow), ktp-rpa@mail.ru

Yatselenko Boris Viktorovich — the vice rector for research, the doctor of law, professor (Moscow), nayka-rpa@yandex.ru

Yulegina Ekaterina Igorevna — junior researcher of the Scientific Research Institute of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), semenova_ek@list.ru

Вышли из печати

Добровинская, А. В.

Имущественная ответственность в гражданском праве : монография / А. В. Добровинская ; РПА Минюста России. — М. : РПА Минюста России, 2014. — 144 с. — 1000 экз. — ISBN 978-5-89172-758-8.

В книге анализируется один из наиболее значимых институтов гражданского права — гражданско-правовая ответственность, ее основные формы и виды. Часть работы составляет подробный анализ случаев ограниченной ответственности и основных ее форм, как предусмотренных ГК и дополняющими его специальными федеральными законами, так и содержащихся в международных договорах о купле-продаже, перевозках, деликтах, а также Принципах европейского договорного права и типовых договорах.

Подробно рассматривается такой универсальный, наиболее часто используемый способ защиты имущественных прав граждан и юридических лиц, как возмещение причиненных убытков. На основе норм действующего гражданского законодательства РФ и материалов судебной практики подробно анализируются понятие и виды возмещаемых убытков, порядок определения их размера.

Монография предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей юридических и экономических вузов, юридических работников различных организаций и учреждений, судей, адвокатов и иных лиц, интересующихся вопросами современного гражданского права.

Колесова, А. С.

Методика расследования преступлений против жизни и здоровья : учеб. пособие / А. С. Колесова ; РПА Минюста России. — М. : РПА Минюста России, 2014. — 100 с. — 186 экз. — ISBN 978-5-89172-763-2.

Учебное пособие подготовлено на основе требований Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция».

Издание рассчитано на студентов юридического факультета, обучающихся по программе подготовки бакалавров юриспруденции, а также на слушателей факультета повышения квалификации.

Кардашова, И. Б.

Система национальной безопасности Российской Федерации : учеб. пособие / И. Б. Кардашова ; РПА Минюста России. — М. : РПА Минюста России, 2014. — 140 с. — 156 экз. — ISBN 978-5-89172-738-0.

В пособии комплексно, на системной основе исследованы теоретические и прикладные аспекты обеспечения национальной безопасности, деятельности субъектов обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации в современных условиях.

С учетом характера содержания, наличия определенной совокупности общетеоретических понятий, правовых процедур и статусных характеристик данное пособие может быть использовано в учебном процессе по специальности «Юриспруденция» на юридическом факультете и факультете непрерывного образования.

Правила приема и требования, предъявляемые к рукописям, направляемым в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии»

Приглашая к сотрудничеству, обращаем внимание авторов на то, что к рассмотрению для публикации в журнале «Вестник Российской правовой академии» принимаются рукописи в случае: 1) соблюдения Порядка рецензирования рукописей, поступающих в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии»; 2) соответствия представленных материалов общей тематике журнала, актуальности и научной новизне; 3) соблюдения Требований, предъявляемых к рукописям, направляемым в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии».

Решение о включении рукописи в очередной номер журнала принимает редакционная коллегия.

Редакция оставляет за собой право производить сокращение и редакционные изменения рукописей.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения редакционной коллегии.

Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, социологических, криминологических и иных данных, имен собственных и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Плата с аспирантов и авторов других категорий за публикацию рукописей не взимается; гонорары за статью не выплачиваются. Автору, проживающему в Москве, полагается один авторский экземпляр, за которым он приезжает самостоятельно. Иногородним авторам один авторский экземпляр высылается по почте.

Рукописи со всей соответствующей документацией можно представлять в редакцию лично, а также направлять по почте: 117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, редакция журнала «Вестник Российской правовой академии».

Необходимый комплект документов:

- экземпляр рукописи на бумажном носителе (белая бумага формата А4);
- экземпляр рукописи на электронном носителе (дискета или диск CD-RW, CD-R);
- решение (рекомендация) редакционного совета региона (или вуза); письменная рецензия на рукопись статьи, подготовленная доктором наук, работающим с автором в одном регионе (или вузе) и не являющимся его научным руководителем (консультантом), — для статей, поступающих от вузов, с которыми у редакции журнала имеются договорные отношения;

- выписка из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащая рекомендацию статьи к публикации в журнале, с подписью заведующего кафедрой (руководителя научного подразделения) или его заместителя, заверенной соответствующей кадровой структурой; оформленный и заверенный отзыв специалиста доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале, — для статей, поступающих в редакцию журнала в инициативном порядке;

- письменное представление — для статей, рекомендуемых к печати членами Российской академии естественных наук или членами редакционной коллегии журнала.

*По всем возникающим вопросам обращаться к ответственному секретарю журнала **Геннадию Асафовичу Насимову** по электронной почте **vestnik-rpa@mail.ru** или по телефону **969-16-82**.*

Направление материалов для рассмотрения редакционной коллегией на указанные электронные адреса возможно при представлении в электронном (отсканированном) виде всей необходимой документации со всеми необходимыми подписями и с обязательным последующим направлением всех необходимых материалов (оригиналов) в адрес редакции.

Напоминаем авторам: одно из требований Высшей аттестационной комиссии — включение издания в систему Российского индекса научного цитирования, что сопряжено с размещением представленных материалов статей в открытом доступе в сети Интернет. Направляя материалы в редакцию журнала, автор заведомо соглашается на размещение своих материалов в открытом доступе в сети Интернет.

Тексты статей принимаются исключительно в том случае, если они соответствуют следующим **техническим требованиям:**

- объем — не менее 6 и не более 10 страниц формата А4;
- шрифт — Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал — 1,5;
- поля — по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ — 1 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте.

Автор **в обязательном порядке**, помимо документов, перечисленных в Порядке приема рукописей, направляемых в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии», **должен представить:**

- 1) сведения о себе: фамилия, имя (полностью), отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail, город, корреспондентская контактная информация (почтовый адрес для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), контактные телефоны;
- 2) перевод сведений о себе (всего перечисленного в п. 1) на английский язык;
- 3) аннотацию статьи;
- 4) ключевые слова статьи;
- 5) пристатейный библиографический список, составленный согласно ГОСТ 7.0.5–2008;
- 6) перевод аннотации, ключевых слов и заглавия статьи на английский язык.

**Подписку на журнал
«Вестник Российской правовой академии»
можно оформить по каталогу
«Газеты, журналы»
Агентства «Роспечать»**

46834

в любом почтовом отделении.